



12+

Наталья
Землянская

Хроники Шеридана

Наталья Землянская
Хроники Шеридана

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Землянская Н. Н.

Хроники Шеридана / Н. Н. Землянская — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Городок Зелёная Чаша расположен в аномальной зоне, где сверхъестественное переплелось с обыденным. Его жители и не подозревают, что может быть по-другому, - кроме полицейского комиссара Рэга Шеридана: и вот новое запутанное дело - старинный замок, привидение, загадочные гости, древнее проклятье, путешествия в параллельные миры, и девочка Мэрион, всюду сующая свой нос... Она обнаруживает, что известная художница пишет картины, с помощью которых можно проникнуть за пределы обычного пространства. За художницей начинают охоту Тёмные Силы. Но в игру вступает могущественный чародей, из-за ошибки которого и началась эта история...

© Землянская Н. Н., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

... Был тот волшебный час, когда Долина и небо остались наедине друг с другом. Жёлтое всевидящее око догорало где-то у самого края земли, его прощальные лучи дарили облакам новые одежды, а к коричневым Холмам, ограждающим Долину на востоке, подкрадывались на цыпочках мягкие весенние сумерки.

– Тебе пора домой, Мэрион, – сказал Священник, когда последний вздох старенького органа растаял под куполом церкви. Человек прислушался, точно ожидая чего-то ещё, но не дождался, и убрал руки с клавиш. – Пора, малышка, – повторил он и улыбнулся.

Девочка лет десяти нехотя слезла со стула, сунула подмышку мячик, и серьёзно пообещала, сдвинув брови:

– Завтра я опять приду!

– Обязательно, – подтвердил Священник, и в высохших уголках его глаз собрались веселые морщинки.

Девочка затопала к выходу, стуча мячом по жёлтым квадратам света на некрашенных сосновых половицах. В дверях она обернулась:

– А жалко, что я ещё не доросла до педалей, правда?

– Ничего, уже скоро! – пообещал он, – Ну, беги, да не забудь передать привет Бабушке!

Насвистывая, – Бабушка строго-настрого запрещала ей свистеть, но здесь же никто не услышит! – девочка спустилась с холма, вершину которого венчала церквушка, и запрыгала по одной из многочисленных тропинок, извиляющихся по дну Долины в направлении Города. Мячик послушно скакал впереди, пока не устал, тогда он просто покатился рядом.

– Эх, ты! – презрительно фыркнула хозяйка. Мяч обиделся и укатился в траву. – Думаешь, я стану тебя искать? – крикнула она вдогонку. – Как бы ни так!

Впрочем, она и не смогла бы этого сделать: густые зеленые стебли, обступившие дорожку, доставали ей едва не до плеча. Она уже собиралась бежать дальше, как вдруг услышала:

– Девочка-девочка! Куда ты идешь?.. – тоненький голосишко, старавшийся казаться «очень страшным», никак не мог принадлежать ее резиновому приятелю. Она заинтересованно огляделась, а тут и ещё один запищал точно эхо: – Девочка-девочка!

– А вы где? – в ответ захихикали. Мэрион надула губы: – Ну и пожалуйста! Смейтесь, хоть до утра, а я пошла...

И вдруг она увидела: возле самых ее ног лежат два зеленых шарика, чуть поменьше кулака, и таращат на нее синие глазки-пуговицы в оправе красноватых белков.

– Ой, какие... какие зелепусики!!! – на мгновенье задохнувшись от неожиданности, восторженно завопила девочка. «Зелепусики» польщёно переглянулись. Она присела на корточки и потыкала одного из них пальцем: он был теплым и упругим.

Не ожидавшие подобной прыти зелёные шарихнулись в траву.

– Вы откуда такие? – спросила Мэрион, и на четвереньках подползла ближе.

– *Оттуда!* – многозначительно сообщили они.

Словечко это, ничего толком не проясняющее, прозвучало на зависть восхитительно и таинственно. Она постаралась сделать равнодушное лицо, словно ничего такого особенного и не услышала, и сказала небрежно:

– Так я вам и поверила! А я вот зато живу в замке! Настоящем! С привидениями! Кстати, я – Мэрион. А друзья и родные зовут меня Рио, – так прикольное...

Тут она приврала: привидение было всего одно, да и то его никогда никто не видел. Но слышали многие, – а это, сами понимаете, что-нибудь да и значит.

Но «Зелепусиков» интересовало совсем другое:

– Мы есть хотим... – сообщили они. Это прозвучало немного зловеще.

Проворно отползла назад на тропинку, Рио выпрямилась, стряхнула с колен налипшие комочки земли и травинки, и с опаской уточнила:

– Думаю, вам вряд ли сгодится на ужин такая тощая девчонка?

– О нет, конечно! – поспешно и учтиво заверили голубоглазые. – Мы не едим чего попало. Рио нахмурилась. Ей не понравилось такое определение. Но, может, оно и к лучшему... Мимолётное возмущение тотчас уступило место любопытству:

– Кто же вы такие?

– Мы тебе расскажем. После... Если ты нам понравишься, – отвечал один, а второй добавил: – Ты случайно не хочешь ли пригласить нас в гости?

– Может быть. Если вы мне понравитесь... – в тон отозвалась она, соображая, как поступить.

Очень уж ей хотелось прихватить с собой загадочных симпатяшек: она заранее представляла, какой фурор произведет ее появление среди друзей с такими зелепусами в кармане! Хотя в карман они, пожалуй, не влезут... Да и не в этом дело. В каком качестве представить новых знакомых? В роли домашних питомцев?.. Мама вряд ли обрадуется, тем более что у нее уже есть кот и удав. Последний, правда, жил в доме на подпольных правах, точнее, на подкроватных. Вдруг ей вовсе не разрешат *завести* зелепусиков? Да и Папа... А уж Бабушка!.. Не стоит даже и заикаться об этом. Если же представить зелененьких в качестве гостей...

В их доме постоянно гостили полчища родственников и знакомых – некоторые даже оставались жить годами как, например, тетка Люсильда или дядя Винки. Но они все были людьми, а эти...

– Ну?! – нетерпеливо спросили они. – Ты покажешь нам поразительный пример гостеприимства и радушия или нам придется горько разочароваться?

«А! Была, не была!» – подумала Мэрион. В конце концов, дома полно еды, места – и того больше, и вовсе необязательно докладывать всем подряд, что у тебя завелись новые приятели.

Тропинка плавно перешла в мощеную белым камнем дорожку, а та – в широкую мостовую. В домах уже зажигали огни, и девочка прибавила ходу. Зелепусики, сжавшись до размера шариков для пинг-понга, лежали в кармане ее джинсовых шорт. Мэрион услышала, как часы на Городской Ратуше пробили девять.

– Опаздываю... – пробормотала она.

Бабушка терпеть не могла, когда кто-нибудь задерживался к ужину.

Но как ни озабочена была Мэрион, как она ни спешила, от ее внимания не ускользнуло одно необычайное обстоятельство: Центральный перекресток – самое оживленное место Города, место, где сходились все дороги, все улицы – был тихим и пустынным, точно все вокруг вымерло. Это в пятницу-то вечером!.. Не звенели трамваи, не шуршали шины полицейских авто, не цокали подковы конных экипажей, не слышно было ни голосов, ни шороха шагов, даже жалюзи в кондитерской Папаши Дю были опущены. Уши девочки уловили лишь слабые отблески обычной вечерней жизни: приглушенное звяканье посуды за полуоткрытыми окнами, далекую, еле различимую мелодию да шепот опавших листьев по тротуару... Весенний вечер словно окутал все вокруг мягкой сиреневой вуалью, поглотившей звуки и движенья, напоившей воздух сладкой успокоительной истомой – день кончен, грядет покой, – но сквозь это умиротворение сочилась едва уловимая тревога.

И тут Мэрион заметила неподвижно стоящего высокого человека, одетого в темное: длинный до земли плащ, высокие сапоги и широкая шляпа конусом, скрывавшая лицо. В какую-то долю секунды ей показалось, что у него и вовсе нет лица, – только сгусток темноты под обвисшими полями. Но ей некогда было его разглядывать, и она бегом свернула в переулок, унося в душе ощущение непонятного мимолетного беспокойства, а в памяти – видение: гаснущий вечер, пустая улица, тишина, ветер, листья – и острый темный силуэт, словно гвоздь, вбитый в самое сердце Города...

У входа ее поджидал убежавший мячик.

– Как там моя старушка? – торопливо спросила девочка, слегка запыхавшись. Она уже забыла увиденное, и беспокоилась совсем о другом. – Небось, закипела?.. – мячик в ответ покачнулся.

Многочисленные обитатели Замка Лостхед уже были в сборе. Во главе стола, следуя раз и навсегда заведенному порядку, восседала Бабушка, по правую руку от нее сидел Папа, слева – Дедушка, напротив отца – Мама. Все остальные – Красавчик, Карапуз, Зануда, тетка Люсильда и прочие, человек двадцать, – расположились в произвольном порядке. Возле самой двери оказался свободный стул, и Мэрион надеялась, что ей удастся присоединиться к почтенному обществу незаметно: Бабушка разливала суп и была, казалось, всецело поглощена этой процедурой. Но едва внучка коснулась сиденья, как прозвучало грозное:

– Руки?!

Девочка тяжело вздохнула и поплелась в ванную. Руки, как назло, отмывались плохо. И где она успела так извозиться?.. Из кармана выглянул Зелепус и плотоядно уставился на кусок розового мыла:

– Это едят?

– Нет... – слегка раздраженно отозвалась она. – Потерпите немного.

– Потерпеть? Но у нас скоро начнет бурчать в животах!

Рио не оценила всей серьезности этой угрозы, но откуда ей было знать?.. И когда за столом вдруг раздались «очень-неприличные-звуки», она поначалу удивилась не меньше других. Дело как раз шло к десерту, а эти звуки становились громче и громче; разговоры как-то разом смолкли, и она обнаружила, что все смотрят в ее сторону. Кто-то хихикнул.

– Простите... – пробормотала она, покраснев, и поспешно вылезла из-за стола.

Поднявшись к себе в комнату, она сердито вытряхнула Зелепусов в коробку, стоявшую на письменном столе.

– Мы есть хотим. Хотим есть! – нудно напомнили ей из коробки.

– Сейчас спущусь вниз и чего-нибудь принесу. Сидите тихо! – и она бросилась к двери, но уже на пороге резко вернулась обратно. Подбежав к кровати, – Зелепусы с надеждой неотрывно следили за ней, вращая выпуклыми глазками, – она пошарила под ней и вытащила оттуда нечто длинное и пятнистое.

– Мы такое не едим! – в панике воскликнули новые знакомые. Она подтащила удава поближе, – он спал, – и постучала его головой о столешницу.

– У?..

– Доди, – строго отчеканила хозяйка, – это не едят! – и потыкала его мордой в окаменевших от страха гостей.

– Точно? – усомнился тот. – Выглядит вполне аппетитно.

Девчонка без долгих разговоров показала ему кулак.

– Как скажешь, – тотчас кротко согласился Доди.

Оставив веселую компанию знакомиться, Мэрион вприпрыжку помчалась вниз. Но пирожных ей уже не досталось.

Пришла ночь... Полная луна повисла на ветвях старой ивы. Темная река наполнилась текущим серебром, и под грустные трели сверчков Город погрузился в сон. Уснули холмы и рощи, вороны в кронах дубов, Старый мост и вода в реке. Уснули часы на башнях и яблоневые сады, – и только огромный филин вдруг тревожно крикнул, бесшумно взмыл в ночное небо и, распластав крылья, тенью скользнул сквозь залитую лунным светом пустоту к чернеющему вдали лесу.

Там, чуть в стороне от того места, где сходятся дорога, ведущая в Залесье и тропинка, бегущая от моста, и где однажды Джоэлю-сапожнику привиделась летящая ведьма – впрочем,

утверждали, что он был изрядно пьян, – там, на поляне вдруг зашевелился огромный белый валун.

Филин глухо гугукнул: «Пора!..»

Взметнулось вверх земляное крошево, и на зов хищной птицы вытекла из-под каменной глыбы огромная змея. Трижды три раза обернулась она вокруг камня, свет луны заиграл на ее скользких боках... И стала гадина сжимать свои кольца, и трескался камень, и лопалась от страшного напряжения змеиная чешуя, но она лишь сильнее сдавливала валун и яростнее терлась об его острые края. Движения ее становились все более судорожными и стремительными – и вот, наконец, выползла из лоскутьев змеиной кожи черноволосая нагая женщина, и затихла без сил на жесткой измятой траве.

Филин повертел головой, – в его круглых глазищах отразилась луна, – слетел вниз и стал терзать клювом остатки змеиной плоти, настороженно поглядывая на неподвижное, молочно белеющее тело. Осмелев, он подобрался ближе и с шумом взлетел на голову лежащей, но она мгновенно ухватила его за толстые, обросшие пухом лапы. Птица дернулась и запуталась в длинных густых волосах своей мнимой жертвы, и вероломные руки тотчас безжалостно разодрали её пополам. Женщина запрокинула вверх лицо, залитое птичьей кровью, из ее груди вырвалось громкое шипение, но зрачки, устремленные в небо, остались пусты и черны – луна не отразилась в них...

Наутро Мэрион проснулась намного раньше обычного. Немного понежившись в постели, она внезапно осознала причину своего столь раннего пробуждения: Зелепусы!.. Теперь она вовсе не была так уж уверена, что поступила правильно, никому не сказав о вчерашней встрече, – ведь они все-таки *неизвестно кто*. А вдруг это – пришельцы?.. При этой мысли она прямо подпрыгнула. И если они – эти самые, то с какой целью они сюда «пришлелись»?.. А может они какие-нибудь ... ну, эти, как его... вирусы? Или бактерии?.. О тех и о других у нее было смутное представление. Поразмыслив, она поднялась, и осторожно, на цыпочках подкралась к коробке.

Зелепусы мирно похрапывали себе на кошачьей подушечке, и, кажется, не замыслили ничего дурного. «Лапусечки!..» – умилилась Мэрион. Но природная практичность тут же взяла верх: «Надо бы показать их кому-нибудь...» Тут она ненароком чихнула, и на нее тотчас уставились две пары блестящих голубых глаз. Ей стало неловко, что её застучали за таким делом, как подглядывание, и она торопливо предложила:

– Идемте пить чай с Бабушкой... Доброе утро.

Зелепусы переглянулись и, немного посоветовавшись, вежливо ответили:

– Спасибо, но чай с бабушкой, пожалуй, нет. Лучше – с конфеткой.

Когда Мэрион спустилась вниз, Бабушка – седая, сухопарая, высокая и не по годам энергичная дама – уже была на Кухне. Она всегда вставала раньше остальных – никто, кажется, вообще не видел ее спящей.

Кухня представляла собой огромный круглый полутемный зал; его стены уходили вверх и в темноту. Откуда-то сверху из этой темноты свисал на толстых цепях большой котел, под ним был устроен очаг – самый настоящий, как раньше. В стенах были прорезаны узкие стрельчатые окна, между ними вдоль стен – старинная мебель: все крепкое, дубовое, украшенное искусной резьбой и цветными витражами. На полках среди посуды и всяких безделиц из серебра, хрусталя и фарфора, вид которых без лишних слов свидетельствовал о старинном происхождении, глаза ваши напрасно искали бы хоть малейшие следы века нынешнего: Бабушка не признавала никаких «электрических штучек», к тому же в Замке постоянно были перебои с электричеством. Единственное, с чем она смирилась на *своей Кухне* – так это газовая плита, стеснительно жавшаяся где-то в самом темном углу, да огромный двухдверный холодильник – бабушкин любимец.

Вот и теперь Бабушка – в длинном, отделанном кружевом платье, точно сошедшая со старинного портрета, – стояла перед котлом с серебряным черпаком в руке. Под крышкой котла громко булькала каша.

– Овсянка? – сморщила нос Мэрион.

– И тебе доброе утро, деточка! – укоризненно отозвалась Бабушка.

Тут каша забормотала еще громче и решительно полезла наружу. Бабушка сердито чмякнула её черпаком, овсянка испуганно спряталась обратно.

– Все равно ведь не съедят! – булькнула каша обиженно.

– Цыц!.. – строго ответила старая хозяйка.

Тут в Кухню вбежал Папа – в плаще и шляпе, но без ботинок. Прижимая к груди кейс, он потребовал себе гренок с сыром и мармеладом. Проглотив их штук пять и угостившись чашечкой кофе, он убежал. Папа всегда был слишком занят, обеспечивая своему семейству и куче нахлебников «достойный образ жизни». Он являлся главным управляющим местного филиала гигантской корпорации «Каролина», специализирующейся, главным образом, в области туризма, отдыха и развлечений. Долина славилась своими целебными водами и климатом – это-то и привлекло в свое время внимание Корпорации. Под началом Папы была сеть отелей, пансионатов, клиник, ресторанов, кафе и прочего, что обеспечивало обслуживание туристов, чьи деньги были практически единственным источником существования Города и его тридцати тысячного населения. В Городе отца уважали, – и не только за принадлежность к старой аристократической фамилии: он прилагал немало усилий, чтобы маленький городок процветал.

Вслед за Папой появился Карапуз. Заспанный, в длинной ночной рубашке, с горшком в руках. Бережно поставив посудину под стол, – не дай бог забудешь где, потом не сыскать! – он молча вскарабкался на высокий табурет и плеснул себе в чашечку кофейку. Для своих трёх лет её младший братик был на редкость самостоятельным ребенком. Поневоле... А как же иначе, когда не менее дюжины тетушек – своих и чужих – ежеминутно норовят принять участие в твоём воспитании! Почему-то, правда, ребенок при этом вечно оставался беспризорным.

Подперев кулачком толстую щеку, он принялся звонко болтать в чашке серебряной ложечкой. Бабушка поморщилась: что за манеры! Сестра же забрала у него чашку и пододвинула бокал с молоком. Умяв последовательно тарелку овсянки, пару плюшек и яблоко, Карапуз получил в награду шоколадку и, зажав ее в кулачке, сполз с табурета.

– Что нужно сказать, молодой человек? – напомнила Бабушка.

Карапуз приостановился. Подумал.

– Съем сам, никому не дам! – и удалился вперевалочку, волоча за собой горшок.

Мэрион поглядела ему вслед и небрежно заметила:

– Если мне дадут пару монет, – тут она картинно вздохнула, – я, так и быть, приглашу за ним сегодня.

Но заработать ей не удалось. В Кухню ворвалась разноцветная разноголосая толпа – обитатели Замка спешили к завтраку. Почему-то утром все любили попить чайку здесь, а не в столовой. По-семейному, так сказать.

Последним приковылял Дедушка и с ходу потребовал «нацедить ему кружечку», на что Бабушка сухо заметила, что «ещё рановато!»

– А тортик? – с надеждой спросил дедуля.

– На ужин! – отрезала она.

Дедушка захныкал, но на это никто не обратил внимания. С тех незапамятных времен, как он внезапно появился в Замке – дальний разорившийся родственник, не оставлять же его на улице! – к его чудачествам и нытью привыкли. Собственно, он приходился Бабушке внучатым племянником, Дедушкой же его называли из-за почтенного возраста: лет ему было около девяноста... Вы спросите, сколько же Бабушке? Считалось, что бабушке где-то сто двадцать, но наверняка она кокетничала.

Круглый зал наполнился голосами, звяканьем посуды. Обсуждали последние сплетни и свежие новости. В основном, все разговоры сводились к грядущему Летнему Карнавалу. Это событие обычно привлекало массу туристов, но и для жителей Города дни Карнавала были не только работой, но и праздником. Дамы обсуждали предстоящие развлечения и свои будущие наряды, мужчины – прошедшие скачки. В нестройный гул голосов рефреном влетало тоненькое: «Тор-ти-ик!..»

Спустя час с чаепитием было покончено, всё стихло, и за столом остался только Дедушка, словно рыба, выброшенная на берег схлынувшим приливом. Оглядев разгромленный стол, он сложил худые ручки на толстом животике, и в последний раз тихонечко спросил:

– Тортик?.. – в его надтреснутом голосе слышалось легкое торжество: последнее слово осталось за ним.

Из котла выглянула каша. Не заметив дедушку, она осторожно полезла наружу.

– Говорила ведь: есть не станут!.. – пробурчала она, шлепая к выходу. На полу после нее оставались влажные следы.

Дедушка озадаченно проводил ее взглядом, хотел что-то сказать, но, не вспомнив нужных слов, безнадежно махнул рукой, кряхтя, поднялся, прихватил из чьей-то чашки размокший кусок плюшки и заковылял следом. В опустевшей Кухне воцарилась тишина.

Зелепусы, подкрепившись остатками ее завтрака, снова спали. Рио заглянула под кровать:

– Присмотри-ка тут за ними, да не попадайся нашим на глаза!

– А что будет? – любопытствовал удав.

– Ну-у... – задумчиво протянула она, – у Мамы случится очередной обморок, у тетки Люсильды – инфаркт. А остальные покинут наш дом навсегда. Вот было бы здорово!.. Главное, чтоб тебя Бабушка не застукала, а то она сразу найдет тебе Полезное Применение. Так что не высовывайся, если не хочешь остаток дней провести в качестве ... м-мм... веревки для белья.

Удав не ответил, подобное он выслушивал по сто раз на дню. Он считал себя умнее девочки, просто никогда не говорил ей об этом: он был вежливый.

Нахлобучив панаму, Рио спустилась во двор. На каменных плитах, поросших травой, играл Карапуз: лежа на животе, все еще в ночной рубашке, он сосредоточенно возил по выщербленным камням маленький автомобильчик. При этом он так громко рычал, что казалось, будто во дворе Замка происходит настоящее авторалли.

– Пойдем погуляем? – предложила сестра.

Малыш с готовностью поднялся и протянул грязную ручонку:

– Идем!

– Фу, какой ты замарашка! – сморщилась Рио и вытерла ему замурзанную мордашку подолом его же рубашки. – Ну вот, так гораздо лучше, – удовлетворенно заметила она, когда грязь была размазана равномерно и уже не так бросалась в глаза. – Надо бы тебя переодеть...

Но ей так не хотелось возвращаться назад – чего доброго попадешься Бабушке на глаза, а уж та непременно придумает тебе какое-нибудь Полезное Дело, способное испортить весь выходной. Бабуля в этом плане отличалась буйной и неистощимой фантазией.

– Сделаем вот что! – сама себе сказала Рио, и с этими словами подвязала ему концы рубашки. Получился странного вида балахон. – Ничего, – утешила она себя, – прикинемся, что так модно.

Карапузу было все равно, лишь бы выйти за Ворота.

Спустя полчаса они уже сидели за столиком в кондитерской Папаши Дю. Перед Карапузом стояло блюдечко с пирожными и вазочка ванильного: три восхитительных розовых шарика, усыпанные орехами, шоколадом и карамелью. Рио сидела напротив, и вяло ковыряла ложечкой кусок шоколадного торта, рассматривая сверкающие витрины: горы шоколада, кон-

фет, разноцветного мороженого, всевозможных булочек, печений и пряников. Когда-то она искренне считала Толстяка Дю – сына хозяина кондитерской и своего лучшего друга – самым счастливым человеком на свете. Пока не узнала, что у него аллергия на сладкое.

Звякнул колокольчик входной двери. В кафе ввалилась стайка ребятишек постарше. Рио помрачнела: среди пришедших она увидела Хендрию Свинуса. Они терпеть не могли друг друга. Впрочем, Хендрия не представлял серьезной опасности: высокий, но тощий и трусливый, он побаивался маленькую и отчаянную Мэрион.

– Салют, малявка! – крикнул он, заметив девочку. – Что это за бродяжка с тобой? Решила заняться благотворительностью?

Рио против воли густо покраснела: грязный, в испачканном непонятном одеянии, Карапуз и впрямь напоминал маленького оборванца. Она готова была провалиться сквозь землю, а противный Хендрия не унимался:

– В каком мусорном баке ты его откопала?

Обычно Рио в карман за словом не лезла, но тут что-то растерялась.

– Заткнись, конопатый! – прошипела она и только.

Но ей повезло: из-за стеклянного прилавка выкатился толстый, почти круглый, румяный мальчишка. Белобрысый, белокожий и красноглазый Дю-младший – точная копия своего отца. Завидев его, Свинус предпочел умолкнуть.

– Есть дело! – заговорщически шепнул Толстяк Дю, подкатившись к столику, где сидела раскрасневшаяся Рио. Она вдруг ощутила, как неожиданно громко и сильно трепыхнулось её сердечко. – Пошли! – скомандовал мальчишка.

Выдернув Карапуза из-за стола, Рио последовала за ним, делая вид, будто ничего не произошло. Свинус мерзко хихикнул ей в спину.

– Я тебе все утро звонил, – на ходу сообщил Толстяк, – да все время попадал на какую-нибудь тетюшку.

Они прошли за стойку и перед самой дверью, ведущей в запретные для посторонних внутренности кондитерской, Рио обернулась и, схватив с блюда огромный апельсин, ловко запустила им в противника. Негодующий вопль подсказал ей, что бросок достиг цели. Но она уже была недосыгаема – Дю и его гости скрылись из виду.

Миновав кухню и кладовые, они прошли мимо морозильных камер, и по узенькой лесенке поднялись в уютную квартиру, где обитало семейство её приятеля. В гостиной они столкнулись с мадам Дю. В отличие от своих мужчин, она была маленькой и хрупкой.

– Добрый день, мадам, – очень вежливо сказала Рио, стараясь спиной прикрыть братца.

– Пришли поиграть? – благожелательно улыбнулась та, но тут из-за спины Рио высунулся Карапуз:

– Здлсьте, тетя!.. – и приветственно помахал грязной лапкой.

«Тетя» онемела. Продолжая по инерции кивать головой, она лихорадочно пыталась понять: что это за существо перед ней, и как оно очутилось в ее ухоженной квартире?! Дети же быстренько двинулись вперед. Прежде чем свернуть в боковой коридор, Рио обернулась: мадам Дю все кивала, точно маятник. «Надо же, как ее!» – подумала она, а вслух сказала:

– Эй, Толстяк, по-моему, твоей мамочке сегодня нездоровится...

Он ничего не ответил, увлекая их все дальше. Наконец, дети остановились:

– Вот!

В его голосе Рио уловила завораживающие нотки таинственности.

Каково же было разочарование, когда она узнала, что предметом её внимания должна стать обыкновенная картина! То есть, картина-то была хороша: река, Старый мост, кусочек прилегающей рощи; и рама была красивая, и нарисовано так, что каждая травинка словно живая... Но это было совсем не то, чего она ожидала.

– Смотри! – сказал Дю и, забравшись с ногами на диван, над которым висела картина, вдруг просунул прямо *туда* голову, плечи, неловко перекувырнулся через раму точно через перекладину турника и... исчез.

Рио не успела закрыть рот, как Толстяк, тяжело дыша, перевалился обратно. Не удержавшись, он съехал прямо на пол. Его руки были испачканы землей.

– Интересненько! – протянула она. – Я тоже так хочу! – и быстро вскарабкалась на диван. Карапуз, сопя, полез за ней.

– Подожди, – сипло сказал мальчишка, – его надо оставить тут. *Там* – нехорошо.

– Ты что-то видел? – Рио замерла в охотничьей стойке.

– Нет, но...

– Тогда о чем речь?

– А вдруг что-нибудь случится?!

– Что-нибудь случится, если твоя мамочка найдет его здесь! – заявила Рио. – Держу пари, она поставит на уши всю городскую дезинфекционную команду. А если она его ещё и узнает, то через три секунды здесь будет моя бабуля! – и от вашего дома останутся руины, прежде чем она разберется, что к чему.

– Как знаешь... – неохотно поддался Толстяк, поднимаясь, и влезая вслед за ними на диван. – Только я бы все же оставил малыша дома... Постой, дай я первый!

Когда он исчез, Рио запихнула в картину братца, а потом, набрав в грудь побольше воздуха, словно ей предстояло нырнуть в воду, зажмурила глаза и...

...Она почувствовала, что лежит на траве. На мокрой прохладной траве. Открыв глаза, Рио поднялась и огляделась.

Здесь было раннее-раннее утро... Солнце ещё только просыпалось. Над рекой поднимался пар. Трава блестела от росы. Свежо, прохладно, тихо... За мостом в молчаливом ожидании замерла роща.

– Идём? – неуверенно предложила Рио, зябко ежась.

– погоди... – отозвался Толстяк. Он достал из кармана кусок бечевки и, шаря руками, точно слепой, привязал его к воздуху, – там, где осталась невидимая отсюда рама. – А то еще заблудимся, – пояснил он. Стянув через голову футболку, Дю надел её на малыша, который дрожал от холода. Крепко зажав в руке его ладошку, Толстяк скомандовал: – Вперёд! – Дю всегда поступал правильно и осмотрительно – качества, которых Рио была лишена, и сейчас он остался верен себе. Это успокаивало.

Она с наслаждением потянулась, словно только что проснувшись, и жадно вдохнула свежую прохладу:

– Хорошо-то как!.. – и сбежала с небольшого пригорка вниз.

Вокруг и впрямь было чудесно!.. Этот уголок Долины недаром славился как один из самых живописных. Рио часто бывала здесь *по-настоящему*, но сейчас всё отчего-то казалось иным, незнакомым. Может оттого, что было очень тихо?.. Не пели птицы, река беззвучно катила свои воды, не шуршала трава под ногами, – только тихий-тихий шепот ветра. Она ощутила, как взволнованно забилось сердце, ей вдруг захотелось взлететь – так стало вдруг радостно и легко!

Спустились к реке.

У моста Рио нагнулась, зачерпнула воды, ополоснула разгоряченное лицо и – застыла... Что-то неуловимо изменилось вокруг. Она осторожно выпрямилась и прислушалась. Ей чудилось, будто шепот листьев складывается в слова, но никак не могла их разобрать.

– Слышите?..

Дю и Карапуз топтались рядом.

– Неуютно тут... – отозвался Толстяк. – Вернемся, а?..

Ей и самой захотелось тотчас повернуть назад, но любопытство и упрямство взяли верх.

– Пройдемся до оврага – и назад!– решительно сказала она.

Ветер все усиливался... Рио задумчиво посмотрела на следы, оставленные ими на влажном речном песке.

– Как думаешь, – спросила она, – мы в самой картине или с ее помощью переместились в пространстве? К *настоящему мосту*?

– Не знаю, но если бы мы попали к мосту *по-настоящему*, то вон там бы торчала верхушка церкви. Но её – нет.

Это замечание уязвило Мэрион: как она сама-то не додумалась! Из вредности она хотела было поспорить, но вдруг отчетливо разобрала в звуках ветра ясный шепот:

*... не ходи за Старый мост,
седым мхом он порос...*

Рио вздрогнула: ее рука как раз легла на замшелые деревянные перила моста. Она неуверенно сделала шаг, другой...

*... тени призрачных видений
жаждут перевоплощений...*

Она оглянулась на Толстяка. Было заметно, что ему не по себе.

– Да что тут может случиться? – нарочито громко сказала она и затопала вперед.

Шагая по бревнам, они перебрались за реку, прошли через рощу, – притихшие, оцепеневшие дубы, настороженные липы, – и вышли к оврагу. Бледное утреннее солнце рассеяло предрассветный туман, но его остатки ещё прятались на дне огромного оврага, уходящего широкой дугой к лесу.

Путешественники подобрались к его краю, поросшему орешником, и осторожно заглянули вниз. Белесые клочья тумана стлались по самому дну впадины, быстро перемещаясь, точно подгоняемые невидимой рукой, и казалось, будто там кипит странная призрачная река. Причудливая прихоть света и тени порой вылепляла из её бушующих волн занятные фигуры. Завороженные, дети не могли оторваться от этой игры, и воображение вносило свою лепту: вот прямо под ними проплывает, лениво покачивая перепончатými крыльями, белый дракон... А вот рыцарь с копьём на коне... Утопая в волнах, туманные фигуры скрываются за поворотом; на ветвях боярышника, которым так густо заросло дно оврага, остаются белые клочья, – призрачный всадник изорвал свой плащ... Туман между тем рождает все новых и новых всадников. И снова вдруг мерзким холодком заполз в душу шепот:

*... и не сможет Солнца свет
уберечь тебя от бед...*

– Смотри! Смотри!!.. – вскрикнул Толстяк.

Один из рожденных туманом всадников – огромный, безликий, – отделился от поверхности мутной безмолвной реки и заскользил вверх по склону. Прямо на них!

В едином порыве, не сговариваясь, дети развернулись и, спотыкаясь, помчались прочь – к мосту. Только там, приободренные ярким после полутьмы оврага и рощи солнцем, они остановились и, прислонившись к перилам, перевели дух.

– Вот дураки-то! – натянуто, через силу, засмеялась Рио, чувствуя облегчение, какое бывает после сильного испуга. – Померещится же!.. – и оборвала себя на полуслове, заметив выпученные глаза приятеля.

Повинуясь его застывшему взгляду, она обернулась назад.

От рощи к мосту, не касаясь земли, бесшумно мчался давешний рыцарь с копьём наперевес. За ним шлейфом стлался развевающийся плащ, а в прорезях шлема вспыхивали синеватые огоньки.

– Мамачки!!! – на разрыв лёгких завизжала Рио.

Этот крик подстегнул их, словно плетью, и через несколько секунд они кубарем скатились на пол гостиной.

– Кажется, мы уже дома... – пробормотал Толстяк.

На стене громко тикали часы. Этот звук, такой громкий после безмолвия нарисованного утра, вернул её к ощущению реальности. Рио облизала пересохшие губы и посмотрела на картину: хоть бы листочек шелохнулся!

– Вдруг он вылезет? – осипшим голосом спросила она.

Толстяк пожал плечами. Рио поднялась, забралась на диван, потрогала картину: пальцы ощутили шероховатую поверхность холста – и ничего больше. Только с рамы свисала грязная веревочка... Она отвязала её и бросила на пол.

– У меня мокрые станы! – застенчиво сообщил Карапуз.

Это заявление окончательно привело её в чувство, и на ум пришли вещи практические: Бабушка, обед, диван... Да, диван. Гм... Он выглядел неважно. Новенькая дорогая обивка была измазана землёй и глиной. Ковёр возле дивана – тоже.

– Знаешь, Толстяк, я тут вспомнила... Нам срочно пора домой! – бодро сказала она, хватая Карапуза. – Короче, пока! – и торопливо удалилась, предоставив приятелю самому разбираться с его мамочкой и испорченным диваном.

**

Они бы успели к обеду, но братишка выглядел ужасно. Приключения не сделали его чище, к тому же он потерял башмак. Пробираться домой им пришлось окольными путями: не дай бог, увидит кто из знакомых! Поэтому, когда уже умытые и переодетые они вошли в столовую, там оставалась только Бабушка.

Несомненно, Рио получила бы нагоняй, но тут появилась Мама: она только что проснулась, потому что вела преимущественно ночной образ жизни, и вставала «немножечко позже остальных».

Когда-то в молодости Мама была балериной. Подающей большие надежды балериной... Потом она встретила Папу. Папа тоже был ничего. Даже очень... Умный, красивый, хорошо воспитанный, – воспитанием занималась Бабушка лично! Аристократ, одним словом... Наверное, было в нём и что-то ещё, потому как просто умных и красивых вокруг Мама вилось пруд пруди. Некоторые из них тоже были неплохо воспитаны, и даже богаты... Но именно ради Папы она бросила свой балет. Или может, он ей наобещал чего-нибудь с три короба, – знаете же, как это бывает. Теперь она его этим попрекала. Иногда. Так тоже бывает... Из «подающей большие надежды» балерины, – а это ведь ненадёжная штука: то ли выйдет, то ли нет, – получился хороший педагог. В Танцевальную Школу, где она вела мастер-классы, приезжали ученики со всего света. Днём Мама была занята в Школе, вечерами – в Театре. И Театр, и Школа, так же как Летний Карнавал и целебные источники, составляли предмет гордости Города и основу его финансового достатка.

Спектакли обычно заканчивались поздно. Вот и теперь Мама была ещё не причесана, в халатике и в пуантах – забыла снять с вечера или уже надела?... Зевнув, она рассеянно поковырялась ложечкой в тарелке и отставила ее в сторону: необходимо следить за фигурой.

Бабушка же очень не любила, когда отвергали её стряпню, и потому сразу перешла в наступление:

– Не жнём, не сеем... – скрипуче начала она, – ещё и нос воротим! Повозились бы на кухне с моё!

Мама заморгала и непонимающе посмотрела сквозь неё.

– О чём это Вы?

– Да всё о том же! – процедила Бабушка сквозь зубы. – Знаете ли вы, милочка, сколько времени и сил уходит на то, чтобы содержать такой огромный дом в порядке?!

Мама не знала. Её это вообще не интересовало... Она была человеком воздушным, романтическим, и обыденные вещи её не занимали. Она их просто не замечала.

– Ах, бросьте! Опять Вы за своё! – досадливо отмахнулась она, становясь на цыпочки и делая «па»: мыслями она уже была совсем в других мирах.

Надо сказать, что Мама несколько неудачно выбрала место для разминки, и потому поддала ногой стол. Фарфоровый кофейник нервно вздрогнул и брякнулся в обморок. На пол, конечно.

– Между прочим, это – вельдокская глина! – рассердилась Бабушка. – Я уж не говорю о том, что сервиз этот был подарен мне ко дню свадьбы вдовствующей Королевой!

– Надо же, какое старье! – парировала Мама. – Ну, так продайте его в Музей и на вырученные деньги наймите служанку! – с этими словами Мама запрыгала дальше, напевая: – Там-па-па-па-пам...

Спор о прислуге был давним и серьёзным. Собственно, артачилась по этому поводу только сама Бабушка: то она заявляла, что ей нужна помощница, то говорила, что они не могут себе этого позволить; в следующий раз она кричала, что они вполне могут завести хоть дюжину слуг разом, но разве найдешь сегодня приличную прислугу? – а она не допустит в свой дом кого попало! У них был приходящий садовник, да один из постоянно живущих в Замке дальних родственников – страстный лошадиник – добровольно исполнял роль конюха. Случалось, нанимали всё-таки иногда служанок, но они не уживались с Бабушкой.

– Тогда давайте уж и няньку детям заведём! – добавила Бабушка. – Пусть все знают, что в нашей семье за ними некому присмотреть!

– Как некому? – удивилась Мама, тяжело приземляясь возле шкафа с посудой. В шкафу что-то тоненько звякнуло. – А вы?

– Простите великодушно, я уже старовата за ними бегать!

– Разве это так трудно? – неуверенно возразила Мама.

Ее представление о том, что такое «дети», было весьма приблизительным: кружева, бантики, крошечные ручонки, запах молока...

– Их у вас трое, мадам! Тро-е!.. Причем Рио стоит десятерых!

Мама надула губки. Её глаза подозрительно заблестели:

– Меня здесь никогда никто не понимал! – заявила она трагическим голосом. – Вам не объять моей души! – подобно многим творческим личностям, она любила при случае пожаловаться на одиночество и непонимание. – Мне душно здесь! Мне тесно!.. – и с этими словами упорхнула в окно. Такое с ней случалось иногда...

Все подобные размолвки с Бабушкой заканчивались одинаково: полетав немного по двору, Мама присаживалась на ветку старой липы и успокаивалась. Домашним было строго запрещено рассказывать кому-либо об этих полетах. Все, правда, и так всё знали. В этом городке мало чему удивлялись.

Но на этот раз вышла маленькая осечка: Мама зацепилась полой халатика за гвоздь, торчавший из ставни, и беспомощно повисла на стене под окном. Услыхав треск материи, Бабушка и Рио с интересом высунулись в окно.

– Замечательно! – подытожила бабуля. – Прикажете вызвать пожарную команду?

Маме не хотелось иметь дело с целой командой посторонних в таком неприбранном виде, и она отчаянно замахала головой:

– Я сама!

– Ну-ну!.. – саркастически отозвалась старуха.

Но долгое злорадство не было свойственно Бабушке, и она попросила Рио принести швабру. Высунув затем швабру в окно, они вдвоём попытались втащить незадачливую летунью назад, но у них не хватило силенок.

– Попробуем садовую лестницу! – азартно предложила Бабушка, входя во вкус, и они бегом отправились вниз.

Но распахнув входную дверь, спасатели тотчас забыли, куда и зачем направлялись: на пороге, видимо, как раз собираясь постучать, стояла молодая черноволосая девица. Дав им время прийти в себя, она вежливо поинтересовалась:

– Извините, мне сказали в бюро по найму, что здесь требуется прислуга?

Бабушка, распалённая недавней стычкой, не задумываясь, выпалила:

– О, да!.. Очень даже требуется!– и пригласила незнакомку войти. – А я уж думала – очередные родственники! – со смешком добавила она.

Рио из любопытства потащила следом за ними. После обстоятельной полуторачасовой беседы за чаем Бабушка решила, что Орфа – так звали новенькую, – как раз то, что нужно. Девушка оказалась на редкость учливой и обаятельной, а её рекомендации – вполне солидными. О себе она рассказала ещё, что изучает историю и философию в одном из старинных немецких университетов, а в Город приехала на каникулы – отдохнуть и заодно покопаться в местной библиотеке. Поскольку же особых средств у неё нет, решила заодно подработать: она всегда так делает, когда путешествует – это очень выгодно.

– Вот и славно, что на каникулы, – заметила Бабушка простодушно, – меня всё равно ни одна прислуга долго не выдерживает. Можете приступать прямо сегодня. За ужином я представлю вас нашему семейству... А что это за крики у нас во дворе?..

– А у вас там за окном какая-то женщина висит, – напомнила Орфа. – Ещё украдет чего...

Бабушка схватила за голову:

– Я же совсем забыла!.. – и вприпрыжку помчалась вниз. Рио и Орфа – следом.

Мама ещё висела на гвозде, но когда они уже подставили лестницу, старый гвоздь не выдержал, и с рёвом подбитого бомбардировщика несостоявшаяся прима рухнула вниз. Падать было невысоко, но она подвернула ногу.

Это имело самые неприятные последствия для Рио: Мама осталась дома. Видимо от сильного сотрясения ей пришлось в голову проверить её тетради и дневник. Наверное, она просто хотела уделить дочери немного внимания, но не таким же образом, правда?..

Выскользнув, наконец, из дома под каким-то благовидным предлогом, Рио, не мешкая, отправилась к Холмам: ей хотелось поговорить с отцом Себастьяном. Из всех взрослых она только ему доверяла свои маленькие и большие тайны, и только ему никогда не врал.

Старик окапывал розы у церковной ограды.

– Здравствуй!– он был рад её видеть. – Похоже, что-то случилось?

Рио иной раз казалось, что Священник умеет читать чужие мысли. Она немного помолчала для пушей важности, а потом на одном дыхании выложила всё, что приключилось утром. Переведя дух, она умолкла: чего доброго он решит теперь, что она спятила! Священник коснулся сухой ладонью её лба, потом пригладил взъерошенные детские кудряшки.

– Скорее всего, тебе просто почудилось, – ласково сказал он. – Сын кондитера – хороший мальчик. Вы ведь ничем не баловались?.. – он пытливым взглядом заглянул ей в глаза. – Сегодняшние дети легко попадают в когти дьявола...

– Что мы, глупые? – обиделась Рио. – Мы даже не курим ещё!

– Ещё? – он невесело улыбнулся.

– Ну, я хотела сказать... – тут она запуталась, и подумал про себя: «Кстати, а почему?..» Священник точно почуял неладное и погрозил ей длинным тонким пальцем. Рио отвела глаза. – И всё-таки, – спохватилась она, – это было на самом деле! Было!.. И там кто-то шептал всё время – что-то про тени и про солнечный свет...

Если бы она в тот момент всмотрелась в лицо своего собеседника, то поразилась бы перемене, которая произошла с ним. Но Рио смотрела вдаль, где над излучиной реки темнел лес, а над лесом – серебрился рожок юного месяца.

– Тебе показалось... – ласково повторил он, и положил руку ей на голову.

Он говорил что-то ещё, его голос журчал, точно ручеек по камешкам, проникая все глубже, глубже и глубже в её сознание, завораживая, усыпляя... Глаза ребенка закатились, тело одеревенело. Рио стояла теперь перед ним, неестественно замерев и вытянувшись, напряжённая точно струна. Священник срезал едва распустившуюся розу и, осторожно вложив стебель цветка в её безвольную руку, легонько сжал ей пальцы.

– Ай!.. – вскрикнула она, очнувшись. – Какая колючая!

– Красивая... – поправил он тихо.

Срезав ещё несколько цветов, он протянул их девочке.

– Спасибо!

Рио поглядела на розы, потом на зеленеющую под ногами Долину. Далеко на западе плыли к закату сиреневые облака, подсвеченные понизу красноватым. Солнце почти скрылось. Потянуло прохладой. Запели сверчки, от реки доносилось лягушачье кваканье...

– Мне пора...

Священник провожал взглядом маленькую тёмную фигурку, пока она не достигла городских садов. Потом постоял немного, глядя на вечеряющее небо. Его лоб прорезала новая морщинка: Зелёная Долина далеко не всегда была тихим и прекрасным местом. Только мало кто теперь помнил об этом. И мысли унесли его в далекое прошлое...

...Он летел, наслаждаясь неохватностью и покоем небесного простора. Внизу рваным пушистым ковром плыли подгоняемые ветром облака. Они скрывали собою горы и долины, курчавые девственные леса и политые людским потом крохотные лоскутки полей, редкие города, окружённые толстыми стенами, серебряные сабли рек и синие пятна озёр... Там, внизу, было пасмурно, а здесь над облаками – ослепительно сияло солнце, и ему совсем не хотелось спускаться ниже – в хмурый день, пропитанный влагой дождя и мирскими заботами, бессмысленными и пустыми, как казалось ему с высоты...

В облаках стали чаще просветы, и вскоре бескрайняя водная гладь слилась у горизонта с небесным сводом. Он нашел взглядом маленький остров – светлую родинку на мерно вздымающейся груди океана – конечную цель своего странствия и, возможно, последнее своё пристанище.

Рожденный подземным вулканом, островок не успел ещё зарости зеленью – он был совсем юным, но пролетающие птицы уже полюбили его песчаные пляжи. А какие закаты рождало новому ребенку Земли уходящее солнце!.. А как ласковы были с ним волны!.. И тысячи его белых песчинок ночами гляделись в бездонную высь, мечтая когда-нибудь тоже стать звёздами.

Только напрасно всё – между островком и небом несокрушимой преградой встала Башня. Так похожая на песочный замок, что любят строить дети у кромки воды, она упиралась своим острием прямо в небеса, бросая им вызов, – такая же гордая, одинокая и самонадеянная, как и её создатель. Ей предстояло стать приговором – острову, небу, тем двенадцати, что слетались к ней сейчас, – приговором всему существу. И началом нового...

Он опустился на песок, поднялся по ступеням и коснулся рукой прозрачного диска, висевшего на стене у высокой арки, служившей входом: чужой не смог бы попасть внутрь – диск и арка были связаны заклятьем.

Внутри Башня представляла собой огромный полый конус, абсолютно пустой – никаких этажей или перекрытий – только узкая винтовая лестница, идущая вверх по кругу вдоль стены – до самой вершины. Шум прибоя, крики чаек... На каменном полу – лужицы, пятна гниющих водорослей. Он заметил нескольких крабов: вороватыми перебежками они двигались в поисках выхода, – видимо, вода схлынула отсюда совсем недавно. У него вдруг возникло ощущение, что он вернулся домой... Только некому зарезать ягнёнка в честь его возвращения – и более того: агнцем должен стать он сам.

В проёме арки возникла длинная тень.

– Ахайя?

– Брат Або! – и к нему шагнул худой человек в белых одеждах, светловолосый и темноглазый. Лицо его производило странное впечатление: высокие, туго обтянутые кожей скулы, прямой нос, необычайно выпуклый лоб, тонкие нервные губы, – и печальный, недобрый свет глубоко посаженных глаз.

Человек поднял руку в знак приветствия и, подойдя, коснулся губами его лба.

– Ты прибыл последним... – сказал он. Голос его, властный и звучный, отдался от стен гулким эхом. – Твои сомнения задержали тебя, я знаю. И знаю всё, что ты хочешь сказать. Потому не трать слов, я все равно отвечу «нет».

Они стали неспешно подниматься по ступеням лестницы, уводящей вверх.

– Близится час затмения, – говорил, чуть нараспев, Ахайя, – пора осуществить наш замысел.

– Твой замысел! – перебил его Або, сделав упор на слове «твой».

Ахайя словно не заметил этого выпада, и продолжал подниматься, медленно и торжественно, как человек, идущий в последний путь.

– Наш замысел, – повторил он невозмутимо, – ибо все вы несёте моё дыхание. Я подарил вам жизни, подобно Творцу, но в отличие от него – приобщил вас к сути Мироздания, – и он резко обернулся, приостановившись. – И я не понимаю, почему ты хочешь оставить всё как есть? Тебе так нравится *этот* мир? У тебя было достаточно времени убедиться в его несовершенстве, ведь я дал тебе на это века!

Або молчал, опустив голову.

– Опыт Творца не удался! – продолжал Ахайя. – И я... Я! – он ударил себя кулаком в грудь. – Я исправлю его ошибки! Я создам новый мир – лучше и чище.

– Так было уже, – не поднимая головы, ответил Або. – И где же теперь тот восставший безумец? Низвергнут в Бездну и правит Тьмой – и страшен лик мира, порождённого им, и ужасны создания, населяющие его.

– Э-э! – отмахнулся Ахайя. – Он хотел власти и могущества – большего, чем дано было ему. Вассал, восставший на господина. Житейская история.

– А ты? Ты разве не власти хочешь?! Не к могуществу ли стремишься?... Познав малое – всего лишь толику Сущего – его рост и движение, физические законы, управляющие ими... Но постиг ли ты *истинную суть*? То первоначало, что стало основой всего?

– Ерунда! – жёстко усмехнулся Ахайя, – Я узнал достаточно. Верить ли, – доверительно продолжал он, – ведь я как-то разговаривал в пустыне с Великим Плотником!

– И что? – с трепетом спросил Або.

– Ничего! – расхохотался тот. – Он не сообщил мне ничего нового. Увы, он не проникся моими идеями, а жаль... Я был в толпе, провожавшей его на Голгофу, эти глупцы улюлюкали и глумились над ним.

– Но воскресение...

– И что с того? – невозмутимо парировал Ахайя. – Ты тоже воскрес. Забыл?... Если мне не изменяет память... мм-м... тебя я подобрал на Каталаунских полях. Ты был почти изрублен на куски!.. Кстати, на чьей стороне ты сражался?

Но Або пропустил вопрос мимо ушей и настырно продолжал:

– Ты говоришь, что Создатель кругом не прав, но что у тебя самого есть, чего бы ты получил не от Него?

– Хватит! – резко перебил его наставник. – Тебе не переубедить меня – и покончим на том. Тебе придется помочь мне! Я дал тебе свое дыхание – дал жизнь. Ты мне должен, и пришло время вернуть долги.

– А люди? Что будет с ними?!

За разговором они достигли вершины Башни – намного быстрее, чем для того понадобилось бы на самом деле, и через отверстие выбрались наружу – на маленькую площадку. Гладь океана ослепительно искрилась, и Або прикрыл глаза ладонью.

– Люди?.. – задумчиво переспросил Ахайя. – Останься здесь! – приказал он жёстко. – Посидишь, посмотришь. Подумаешь...

Тонкая цепь сама собой обвила члены Або.

– Пришлѐшь орла клевать мою печень? – невесело усмехнулся он.

– Обитатели Олимпа были правы! – огрызнулся Ахайя. – Если бы тот выскочка не украл огонь, возможно всё пошло по-другому: люди стали бы развивать свою духовную суть, а так... Путь, приведший в тупик.

Або сел, обхватив руками колени.

– Смотри же! – склонился к нему наставник, указывая куда-то вдаль. – Смотри внимательно! – и с этими словами исчез, растворившись в воздухе.

Або остался на вершине Башни. От нагретых солнцем камней исходило тепло, наполняя тело приятной истомой. Далеко внизу кричали чайки... Ему захотелось спать.

Он смежил веки, но солнечный свет проникал сквозь тонкую кожу и перед его внутренним взором вспыхивали разноцветные искры. Тогда он открыл глаза – даль неуловимо изменилась... Чем больше он всматривался, тем более странные картины разворачивались перед ним. Казалось, что земля расстелилась, словно лист бумаги, испещрённый пятнами и таинственными знаками: весь земной мир был как на ладони – от Южных льдов до Северных. Сначала он различал только горы, реки, равнины. Потом словно кто-то навел резкость... Он видел всё одновременно: пожары, наводнения, войны, созидание новых городов... На его глазах рождались и умирали цивилизации. Лавина звуков: плач, стенания, грохот орудий, смех, любовные стоны, звон золота, скрип виселиц, слова молитв и проклятий, крики новорожденных и умирающих, – всё смешалось и сгустилось в одно, и он пожалел Всевышнего: каково слышать *это* целую вечность?.. Он заткнул уши и закрыл глаза, но не помогло – он по-прежнему всё видел и слышал...

Не будучи уже по сути своей человеком, обладая гораздо большими возможностями, – он никогда не испытывал к людям презрения, никогда не относился к ним свысока. Люди вызывали у него чувство сострадания и гордости: слабое существо, вдобавок обременѐнное чрезмерным рассудком и тяжким трудом, – человек сумел выстоять, и радоваться этой жизни ей же вопреки.

Теперь Або почувствовал что-то иное.

Вдруг ему стало больно – и он очнулся... Вокруг по-прежнему расстилался океан, но рядом сидел человек, и покалывал его острием шпаги, приговаривая: «Очнись... очнись!» Его голубые глаза-льдинки с холодным любопытством взирали на выходящего из транса Або.

– Старик тебе свои картинки показывал? – фыркнул он, увидев, что тот пришѐл в себя.

– Брат Кайенн... Рад видеть тебя, – слабо отозвался Або, ощущая в себе самом непонятную перемену.

– Рад?.. Пожалуй, я тоже, – отвечал Кайенн. – Ты – единственный из оставшихся в живых Посвященных, кто ещё способен думать и рассуждать по-своему. Я знаю – Ахайя опасается тебя: боится, что ты выступишь против и помешаешь ему. Я предлагаю тебе встать на мою сторону!

Або молчал. Тогда Кайенн склонился к нему ближе и горячо зашептал:

– Вспомни, сколько нас было? – тысячи! Осталось – десяток! Мы страдали и гибли ради него!.. А скольких уничтожила инквизиция?! Нас жгли, убивали, гнали! И все ради чего? Просто потому что он *хотел знать!*.. Не слишком ли большая цена за возможность ещё немного пожить после смерти?

– Немного?.. Ничего себе!

– А то, что мы больше не принадлежим себе? – с жаром возразил Кайенн. – Он, возможно, лишил наши души бессмертия! Теперь же хочет забрать и то, что осталось – нашу жизненную силу, нашу энергию!

– Но он лишь вернет своё, – устало ответил Або, не понимая, куда клонит собеседник.

– Ладно! – решительно сказал Кайенн. – Спорить я не хочу. Знай же: есть силы, которые могут помочь нам обрести свободу.

Або внимательнее взгляделся в говорившего и вдруг понял, что смущало его в облике названного брата: он больше не отбрасывал тени!.. Кайенн проследил направление его взгляда, но ничуть не смутился:

– Догадлив. Так что ты ответишь мне, брат?

– Ты хочешь помешать Ахайе? – Кайенн кивнул. – И как же?

– Солнечное затмение случится немного раньше. Всего несколько минут разницы, но поверь мне – результат будет совсем иным!

– Сожалею... – медленно произнес Або, – но ты опоздал. Меня уже нельзя купить. Ахайя – безумец, но те, кому продался ты... – и он покачал головой.

Голубые льдинки Кайенна налились кровью:

– Ты пожалеешь об этом!

– Нет, – просто ответил Або. – Не успею.

Он чувствовал, как жизненные силы покидают его, невидимо перетекая к тому, чьей власти он был обязан своим столь долгим существованием.

– Так пропади же ты пропадом!.. – злобно выкрикнул Кайенн, и ногой толкнул его вниз.

Падая, Або видел, как на вершину мерным шагом поднимаются люди в белом, как маленькая фигурка отталкивается от края Башни и взлетает, но вдруг обращается в пепел и черные снежинки хлопьями падают вниз... Люди становятся в круг, кладя руки друг другу на плечи. Между ними в центре – огромный блестящий диск... Монетку Солнца поедает тень – чернеет и край диска, с его пылающей поверхности срывается синеватый луч... Рушится небо, падая во вздыбившийся океан, и две стихии сходятся в последних объятьях... Башня превращается в гигантский столп света, соединяя недра и космос, и они взрываются, не вынеся соприкосновения... Бешеный смерч подхватывает его безвольное тело – и он погружается в небытие...

Вернувшись домой, Рио столкнулась в холле с Красавчиком. Стоя перед зеркалом, молодой человек придирчиво рассматривал свое отражение.

– Будь так любезна, соплявка, – обратился он к ней, – передай моей мамочке, что сегодня я буду поздно.

Красавчик приходился ей кузеном. Он был единственным и обожаемым чадом тётки Люсильды. Тётка в нем души не чаяла, а сынуля вил из наивной и доброй женщины веревки.

– Я тебе не почтальон! – огрызнулась Рио.

Нельзя сказать, чтобы она совсем уж не выносила своего кузена. В самой глубине души, где потихоньку расцветала маленькая женщина, он отчаянно ей нравился: юноша недаром заслужил своё прозвище, – он был очень хорош собой, и прекрасно умел этим пользоваться. Но интуитивно она чувствовала, что ему наплевать на всех, кроме себя самого, и потому никогда не выказывала кузену особого расположения, а при всяком удобном случае норовила устроить какую-нибудь каверзу. Она вообще обожала строить козни домашним: такое у ребенка было чувство юмора... Это обстоятельство заставляло Красавчика считаться с её существованием.

– Ишь, вырядился!.. – буркнула она. – Чего это ты напялил папин пиджак?

Красавчик поскущел и демонстративно отвернулся к зеркалу. Искусственно зевнув, он прикрыл рот рукой, – на холеном пальце сверкнул дорогой перстень, – и направился к выходу, размышляя, как убить очередной вечер. Зелёная Чаша – так назывался их городок, – была уют-

ным и прелестным местечком. К нему вполне можно было отнести строки, сказанные поэтом, фамилии которого Красавчик не помнил: «Здесь хорошо бы жить – и умереть!». И он был вполне согласен, что умереть *здесь* – вполне возможно. Со скуки... Этот двадцатилетний оболтус успел проучиться год в столичном университете, прежде чем его исключили за прогулы, и считал местную жизнь пресной и провинциальной, а себя самого – достойным большего, нежели места мелкого клерка в управлении Корпорации, выхлопотанного ему матерью через отца Рио.

Когда кузен удалился, – Рио ухитрилась незаметно приладить ему сзади на брюки колючку репейника, прицепившуюся к ней по дороге, – она помчалась на кухню: надо поставить цветы в воду. О чем это она разговаривала с отцом Себастьяном?.. Странно, никак не вспомнить... Но тут из коридора она услышала на Кухне голоса – там, судя по всему, были Папа и Бабушка. Рио любила подслушивать. Ну, не нарочно, а так, когда случайно получалось. Она, правда, не знала ещё, что в таких случаях рискуешь не только узнать интересненькое, но и какую-нибудь гадость о себе. Но речь шла совсем не о ней.

– Мы могли бы продать Замок, и переехать в дом подешевле, – сказал Папа, – ведь содержать эти развалины очень накладно.

– Развалины?! – возмутилась Бабушка. – Продать наше семейное гнездо?!

– Необязательно продавать. Городской совет давно предлагает передать Замок на баланс Города...

– Спасибо! – негодуя фыркнула старуха. – Чтоб у меня тут под ногами вертели стаи пронырливых туристов, а мы бы сами жили здесь вроде как из милости?!

– Послушайте, необязательно так сердиться! Никто же Вас не заставляет съезжать отсюда, – начал заводить Папа.

Тут Рио услышала чьи-то шаги, и ей пришлось войти. Вслед за ней появилась, прихрамывая, Мама. В вечернем платье, красиво причёсанная и накрашенная, она выглядела совершенной красавицей. Рио любила видеть ее такой.

Мама недовольно сморщила носик:

– Как, ты еще не готов?! – она собиралась утащить Папу в гости: нельзя же допустить, чтобы вечер окончательно пропал.

– Что-то я не могу найти свой новый пиджак, – попытался отбиться отец. – Может, ты съездишь без меня?

– Твой пиджачок Красавчик одолжил! – наябедничала дочь.

– Вот видишь! – обрадовался Папа. – Я лучше останусь дома, разберу бумаги, проведу вечерок с детьми... – он терпеть не мог светские визиты.

– Это как? – удивилась супруга. – У детей есть уроки. Вполне достаточно.

Услышав про уроки, Рио испугалась, как бы разговор не перетёк в другое русло, но, к счастью, Бабушка всё не могла успокоиться:

– Представляете, милочка, он предлагает продать Замок! Давайте уж тогда и наше семейное привидение продадим!

Отец поднялся из-за стола, давая понять, что более не намерен спорить. Уходя, он бросил через плечо:

– А Вы уверены, что оно вообще существует, привидение-то?..

От этих слов Бабушка почему-то опешила, и Папа, пользуясь заминкой, удалился. За ним прошуршала шлейфом мать. Рио пристроила цветы – и тоже ушла.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов, старуха надолго о чём-то задумалась. Занятая своими мыслями, она даже нисколько не удивилась, когда перед ней очутились двое каких-то маленьких, круглых и зелёных.

– Добрый вечер, старая мадам, – очень вежливо сказали они хором. Это были Зелепусы, уставшие ждать, когда же Рио вспомнит о них и накормит.

– Добрый... – рассеянно отозвалась Бабушка.

Она в тот момент вряд ли осознавала, с кем вообще имеет дело, но бабушкинские рефлексы взяли своё: при виде всего живого – детей, кошек, собак и прочего – она первым делом старалась их покормить, независимо от того, хотелось им или нет. Поэтому она, не глядя, пошарила рукой по столу и, не найдя там ничего подходящего, взяла большой кухонный нож и, двигаясь точно лунатик, отправилась к холодильнику.

– Сейчас я вам чего-нибудь отрежу, – пообещала она.

Зелёные были не прочь перекусить, – они всегда были не прочь! – но её слова, им показалось, прозвучали двусмысленно.

– Спасибо, не надо!.. – торопливо отказались они. На всякий случай.

Бабуля терпеть не могла, когда кто-либо отказывался от еды – это было для неё делом принципа! Поэтому она тотчас пришла в себя, и, опомнившись, очень удивилась, обнаружив на своей Кухне – священном, можно сказать, месте! – каких-то... каких-то...

– Может, это уже начались экскурсии? – подумала она вслух. Зелёные тем временем благополучно укатились. – Нет, – сердито сказала она сама себе, – это у вас, дорогая, галлюцинации на почве старческого маразма!

Вынеся сама себе такой приговор, она страшно расстроилась и ушла, забыв закрыть холодильник.

Из-за полуоткрытой дверцы на полу вскоре намело целые сугробы...

Спустя какое-то время в Кухню прокрался Дедушка.

– Тортик... – озабоченно шамкал он, пробираясь по снегу к заветной цели. – Тортик-тортик... – и, бормоча, скрылся во внутренностях холодильника.

Собираясь утром в школу, Рио запихнула в сумку Зелепусов: «Покажу их учителю биологии...» С улицы раздался громкий свист: посреди двора, придерживая велосипед, стоял Толстяк.

– Я сейчас!.. – она весело помахала ему рукой. Настроение у неё, несмотря на понедельник, было прекрасным.

Схватив сумку, она спустилась к нему.

– Что это ты поднялся ни свет ни заря? Я ещё даже не завтракала...

– Слушай, Рио, – вид у Толстяка был озабоченный, – я что-то себе прямо места не нахожу после вчерашнего...

– А что было вчера? – заинтересовалась девочка, забыв про сумку.

– ?.. – Толстяк на всякий случай оглянулся по сторонам: – Брось издеваться! – он запыхтел, раздувая ноздри.

– Что?! – Рио мгновенно ошетичилась.

– Картина! – напомнил приятель, стараясь оставаться спокойным. Рио по-прежнему ничего не понимала. – Кар-ти-на... – ещё раз произнес он. – Ну же!

Она пожала плечами.

– Ладно, – разворачивая велосипед, совершенно спокойно сказал Дю. – Не хочешь – не надо. Испугалась – так и скажи! Правильно говорит мой отец: с женщинами не стоит связываться ни в какие авантюры.

Теперь рассердилась Рио, но ответить ему не успела. Толстяк вдруг сильно побледнел: его взгляд устремился куда-то выше её головы. Она обернулась и увидела: над входной дверью, там, где прибит был их родовой герб, торчало длинное белое копьё.

– Что это такое?.. – прошептала Рио.

Дю бросил велосипед, звонок на руле жалобно тренькнул. Пыхтя, он живо схватил приклоненную под окном садовую лестницу и, переставив ее, проворно вскарабкался вверх.

– Копьё пробило камень! – негромко сказал он.

– Осторожней!

Дю попробовал вытащить копьё. Это получилось у него с большим трудом.

– Ну, что я тебе говорил?! – торжествуяще воскликнул он, едва не свалившись с лестницы.

На конце копья Рио увидела маленькую сандалию.

– Да ведь это башмак Карапуза! – ахнула она, присмотревшись. – Что за шутки?!

– Какие шутки! – вконец разозлился белобрысый. – Я тебе уже битый час толкую, глупая ты курица! Он ведь потерял его *там* вчера...

Видя, что разговаривать дальше бесполезно, Толстяк пересказал ей их недавнее приключение. Рио даже рот раскрыла:

– Я ничего не помню!.. – потрясенно сказала она.

– Ты головой вниз никогда не падала? – хмуро поинтересовался он, вертя в руках находку. Края дырки в подошве были обуглены, точно её проткнули чем-то раскаленным. – Смотри! – и они увидели, как таинственное копьё медленно тает в воздухе, словно туман.

– Теперь нам никто не поверит! – разочарованно вздохнул Толстяк. – Не понимаю только, как же ты ничего не помнишь? Мне за диван влетело, между прочим!..

Рио похлопала ресницами, и на всякий случай не стала уточнять, при чем здесь какой-то диван?

За завтраком Рио была не в своей тарелке: путала соль с сахаром, забывала говорить «спасибо-пожалуйста-будьте любезны», клала локти на стол, и, в конце концов, перевернула чашку с чаем чуть ли Красавчику не на колени. Когда возмущение кузена поутихло, в дело вступила тяжелая артиллерия: Бабушка описала ей будущее «девицы с дурными манерами» такими яркими красками и с такими леденящими душу подробностями, что Рио на секундочку стало стыдно. Но потом бабуля допустила промашку: сказала, что таковая девица сильно рискует, ибо «ни один порядочный молодой человек не возьмет её замуж».

– И не надо! – тут же воспрянула духом внучка. – Я туда вообще не собираюсь. Ещё нарвёшься на какого-нибудь... – и она выразительно покосилась на кузена.

На это Бабушка ответила, что «данный экземпляр, по её мнению, к порядочным не относится». Тут возмутилась тётка Люсильда.

За столом послышались смешки. Поднялся лёгкий гул. Неблагодарным обитателям Замка порядком надоели уже бабушкины нравоучения, и они поспешили устроить бунт на корабле. Узурпаторша с каменным лицом выслушала всё, что сочла нужным, приговаривая лишь изредка «так-так» или «ну-ну», а потом, легонько хлопнув ладонью по столу, – тишина наступила тотчас же! – ехидно осведомилась

– Хорошо. Все, значит, такие умные и порядочные... Кто же тогда опустошил тайком холодильник?! А?.. – и подойдя к сиротливо белеющему гиганту, с торжествующим видом распахнула дверцу, точно фокусник в цирке. – Кто это был у нас такой голодный?.. – и обвела подозрительным взглядом притихшее собрание.

Глазам присутствующих предстали сверкающие в электрическом свете совершенно пустые полки. Рио подумала, что, кажется, она догадывается, чьих это рук дело, но благоразумно промолчала...

Первым уроком была математика.

Рио обожала этот предмет: вот уже два года она безнаказанно изводила преподавателя, прикидываясь, что не может толком даже сложить две цифры. «А зачем всё усложнять? Я ведь знаю, где кнопка на калькуляторе!..» Бедняга и не догадывался, что она спокойненько решает задачки на три класса вперед – для своего приятеля Дю, которому эта наука и впрямь давалась с трудом. Просто ей нравилось превращать каждый урок в цирк.

Но на перемене её ждали неприятности.

Когда прозвенел звонок, класс быстро опустел. Рио задержалась, ей надо было проверить Зелепусов. Распахнулась дверь. На пороге появился Хендря и еще трое... Под глазом Свинуса красовался великолепнейший синяк, отливающий всеми цветами радуги. Не синяк, а художественная вещь! Рио не смогла удержаться от довольной улыбки.

– Ты попала, малявка! – зловеще сообщил неприятель.

Его сообщники встали у дверей. Рио не стала дожидаться развития событий, и молча ринулась в бой. Не ожидавший подобной прыти, Свинус мигом оказался на полу, а она уселась верхом и принялась его мутузить. Ему на выручку кинулись было приятели, но тут в класс вошла мадам Сколопендра – преподавательница истории и классная дама Рио. Приятели Свинуса тотчас испарились: сольные концерты Сколопендры совсем не пользовались в школе популярностью, она недаром заслужила свое прозвище. Красный и зарёванный Свинус вскочил, стряхнув с себя маленькую фурию, но, поднимаясь, задел ногой стул, где стояла сумка Рио... Сумка упала, и оттуда к ногам разгневанной учительницы выкатились два зеленых шара. От неожиданности та громко взвизгнула... Внезапно и грубо разбуженные Зелепусы, до того мирно дремавшие в уютной полутьме, перепугались не меньше!.. Они заметались по полу и вдруг, слившись вместе, непостижимым образом превратились в точное подобие госпожи учительницы. Новоявленный двойник завизжал не менее старательно, чем его прообраз. Оказавшись нос к носу со своей копией, Сколопендра на миг остолбенела, потом в её груди что-то заклокотало, и, издав дикий, какой-то совершенно неприличный утробный вопль, она рухнула в обморок.

Придя в себя, Сколопендра почему-то изъявила прямо-таки жгучее желание повидаться с родителями Рио.

– Чего она так разбушевалась?.. – искренне удивлялась девочка по дороге домой. – Никогда себя в зеркало не видела, что ли?

Вечером Родители отправились в Театр на премьеру, Красавчик – в казино; Карапуза почему-то рано удалось отправить спать, – и по такому случаю Бабушка с тётками уселись в карты.

Зануда – старшая сестра Рио – вцепилась в очередной том из необъятной домашней библиотеки. Обычно она хватала с полки первую попавшуюся книгу, открывала ее наугад – никогда с начала! – и, нервно перелистывая, быстро пробегала глазами несколько страниц. Лицо у неё при этом становилось сосредоточенным и отрешённым, губы шевелились в такт истекающим с листов словам. Наконец, какая-нибудь фраза приковывала ее внимание и всё: она становилась безвозвратно потерянной для этого мира на ближайшие пять-шесть часов, в течение которых она не слышала и не чувствовала ничего извне, замерев на том же месте и в той же позе, как её, по выражению Бабушки, «прихватило». Вывести Зануду из «чтейного столбняка», – как именовала это состояние Рио, – могло только сильное чувство голода. Очнувшись, Зануда вздрагивала, роняла недочитанную книгу на пол, – к ней она уже не вернётся, – удивленно озиралась вокруг, и немедленно отправлялась на Кухню. У неё просыпался зверский аппетит, однако, мысли девушки ещё какое-то время блуждали где-то далеко. Поэтому, двигаясь точно во сне и, глядя куда-то в неведомое, она часто промахивалась ложкой мимо тарелки, сыпала в кофе соль вместо сахара, могла, не поморщившись, съесть целое блюдо горчицы, услужливо подставленное кем-нибудь из младших, и откалывала прочие занятные штуки... Но потом, видимо, под действием желудочных соков разум её прояснялся, и она становилась прежней – нудной, педантичной, брюзгливой, аккуратной и немислимо скучной.

Словом, в тот вечер дома некому было составить Рио компанию, и она отправилась в кондитерскую Папаши Дю.

В Городе имелось много мест, считавшихся более модными, нежели это, но знатоки утверждали, что здесь подают самый вкусный кофе и лучшую в мире сдобу. Папаша Дю не раз

занимал призовые места на разных престижных кулинарных конкурсах. Ему предлагали место шеф-повара в ресторанах столицы, но он неизменно отвечал, что предпочитает быть хозяином самому себе.

В кондитерской было полно народу. Рио поискала глазами Толстяка: тот суетился за стойкой. Она помахала ему, но он лишь кивнул в ответ, загружая очередной поднос.

Девочка оглядела зал... Неподалёку за столиком сидела весёлая компания – человек пять. Рядом с ними было как раз свободное местечко. Один из этой компании – с длинными тёмными волосами и аккуратной бородкой, – поймал её взгляд и приглашающе качнул головой. Едва она присела, рядом возник официант. Не успела Рио открыть рот, как тот, что пригласил её, распорядился:

– Двойную порцию шоколадного и молочный коктейль! – и подмигнув, уточнил: – Я не ошибся?..

Остальные за столом не обратили на неё никакого внимания, шумно и весело обсуждая какие-то свои дела. «Борода», как окрестила щедрого незнакомца Рио, не принимал участия в общей беседе. Чуть ссутулясь и подперев рукой голову, он одобрительно наблюдал, как она уплетает мороженое.

– Вкуснятина, верно? – Рио молча кивнула. – Как тебя зовут, парнишка?

Рио поперхнулась: он принял её за мальчишку!

– Санни... – тотчас соврала она.

– Ты местный или приехал отдохнуть?

– Ага, – кивнула Рио, – местный.

– Занятно тут у вас, – задумчиво заметил Борода.

Рио пожала плечами: мол, ничего особенного.

– А вы откуда?

– Мы – люди столичные, – ответил он, и скороговоркой представил остальных:

– Жаклин, Питер, Лилу, Этьен...

Бородатый заказал ещё мороженого, и принялся расспрашивать.

– Мы здесь всего три дня, – пояснил он.

Рио рассказывала охотно – Борода понравился ей. Жаль только он неподходящ для неё: ему, поди, уж лет тридцать – совсем старый. И наверняка у него есть подружка, а может, и не одна – вон какие у него глаза: голубые-голубые...

Поедая мороженое, она заученно протараторила всё, что любой приезжий мог почерпнуть из рекламных буклетов, раздаваемых туристам в отелях. Основано тогда-то... географические и климатические особенности... уникальные минеральные источники... архитектурные памятники и местные достопримечательности – Замок Лостхед, Городская Ратуша, Северные ворота, Оперный театр, собор Святого Августина, Школа танцев, Центральная площадь, Летний Карнавал... Что ещё?.. Куча сувенирных лавок, антикварных и ювелирных магазинчиков, казино, фонтаны, полсотни ресторанчиков и ещё больше баров помельче. Трёхэтажные домики с красными крышами и белыми рамами окон. Улочки, густо обсаженные акациями, вязами и каштанами: всюду цветники, клумбы, где только возможно. По улочкам – конные экипажи да звонкие жёлтые трамвайчики вместо автомобилей: мэрия строго ограничивает количество последних, разрешая только «скорые» и полицейские машины – воздух Долины должен остаться лучшим в мире, это её капитал!.. Ещё есть река. За рекой – дремучие девственные леса вплоть до самых Западных гор, а в другую сторону – Холмы, между ними и Городом – сады; на Холмах старая-старая церковь, виноградники... Ах, да! Где-то на самой верхушке Западных гор есть еще Обсерватория. Там работает несколько чудиков, они спускаются иногда со своей горы в Город как на праздник – в белых рубашечках и галстуках – и вечно всюду суют свой нос: говорят, они там у себя сделали что-то вроде музея, собирают всякие безделушки и местные сплетни.

Борода слушал с вежливым интересом, кивал, иногда что-то переспрашивая, а когда Рио наконец умолкла, сказал:

– Всё это замечательно – городок у вас и впрямь славный. Но, понимаешь, Санни, мы – я и мои друзья – путешествуем по миру в поисках экзотики, – он со скучающим видом оглядел зал. – Хочется чего-то необычного, а у вас тут, если тебя послушать, всё как у всех. Кажется, зря мы сюда притащились...

Рио надулась:

– Уж прям как у всех!

Собеседник лукаво усмехнулся:

– А разве нет?..

Рио замялась... Одно дело обсуждать всякие небылицы среди домашних и одноклассников, и совсем другое – заливать первому встречному. Она-то, конечно, быстренько сообразила, на что намекает её новый знакомый. Все эти сказки про коридоры времени, что местный люд попросту именовал Провалами, про вернувшихся оттуда и пропавших навсегда; байки о потусторонних созданиях, блуждающих по Лесу; всякая нечисть, нет-нет, да и вылезаящая на свет божий; странные происшествия, будто бы случающиеся с чересчур уж любопытными, – словом, весь городской фольклор, щедро питаемый фантазией его обитателей, старинными легендами Долины и кошельками доверчивых туристов, – всё это Рио прекрасно знала. За примером и ходить далеко не надо: их Замок сам по себе служил источником множества досужих вымыслов ещё с тех времен, когда её далёкий предок барон Юстэс фон Гилленхарт, вернувшись из дальних странствий во славу Креста, обосновался в разорённом отцовском гнезде, превратив захудалую крепостёнку в богатую цитадель. О происхождении его богатств ходили разные слухи, а ещё больше домыслов было о том, куда подевались потом несметные сокровища, которыми обладал барон.

Но только Рио усвоила прочно: ей и другим строго-настрого было запрещено привлекать излишнее внимание к истории семьи.

Было ли в прошлом рода Гилленхартов нечто тёмное или постыдное?.. Или семья просто защищала свой покой, что едва сумела обрести, после того, как Замок едва не был сожжён и разрушен разгневанными горожанами и воинами короля по указу Святой инквизиции, а немногие из уцелевших тогда Гилленхартов, чудом избежав смерти, разбрелись по свету?.. Этого никто толком не знал. Зато Бабушка о тех страшных днях всегда рассказывала так, будто собственными глазами видела кровавое зарево пожара над стенами Замка.

Лостхед вернулся к своим законным владельцам лишь спустя два столетия. Потомки опального барона не сумели воссоздать былой роскоши родового гнезда, да и особыми милостями Двора и Церкви не пользовались – видать, были тому веские причины.

Это *теперь* всё превратилось в красивую сказку, а тогда...

Но бородатый сам вывел её из затруднительного положения:

– Слушай, – нагнувшись к ней поближе, он заговорил свистящим театральным шепотом, – а правда, что у вас за городом недавно сожгли всамделишную ведьму?..

При этих словах Рио фыркнула в свой стакан так, что молочная пена усами осела у неё на верхней губе.

В Городе постоянно плодились самые невероятные слухи. Их источником служили сами жители, ведь многие из них на этом неплохо зарабатывали: чуть не на каждом углу можно было увидеть вывеску, приглашающую доверчивых простофиль посетить «профессионального» колдуна, гадалку или ещё кого-нибудь в этом роде, а уж торговля всякого рода сувенирами и вовсе приносила некоторым целое состояние. Прошлым летом, например, Рио и её приятель Дю неплохо заработали, продав престарелой парочке американских туристов младенческую пинетку Карпуза, до этого без толку пылившуюся в чулане, выдав ее за гномий башмак.

Вот и теперь в воздухе запахло лёгкой наживой.

– Нельзя ли как-то достать угольков с такого пепелища?.. – продолжал между тем Борода.
«Угольков-то я тебе достану – хоть целый мешок! Из Бабушкиного очага, скажем...» – подумала Рио, а вслух сказала:

– Ну, я не знаю... Да и к чему это вам?

Борода улыбнулся. Улыбка у него вышла какая-то уж... Но Рио не обратила на это внимания.

– Люблю интересные вещи, – просто объяснил он. – Может, у тебя или твоих друзей есть что-нибудь эдакое... Например, зуб дракона...м-мм... или... Ну, ты понимаешь?.. Я бы неплохо заплатил! – и он выразительно потер большим пальцем два соседних.

Еще бы она не понимала!.. Похоже, и этим летом не придется клянчить у родителей деньги на мороженое. Для верности Рио решила набить цену:

– Разве вы не знаете? – она сделала «страшные» глаза. – Это же запрещено! А если вас застукают при отъезде?..

Тут надо пояснить, что из Города можно было выехать, равно, как и въехать, только одной дорогой – через Северные Ворота, – так как он лежал в излучине реки, а за рекой простирались дремучие, нехоженые леса – вплоть до самых гор. Поскольку же Долина официально являлась историческим и природным заповедником, то у Ворот было устроено что-то вроде таможни. Иногда там и вправду вспыхивали скандалы, когда Смотрители, как именовали себя тамошние служители, обнаруживали что-нибудь ценное... Правда, никто ни разу не слышал, чтобы какая-нибудь безделушка из задержанной контрабанды оказалась действительно артефактом: так, в лучшем случае, только отпечатки Неведомого.

– Это уже не твоя забота, – мягко ответил Борода. – Только учти, мне нужна настоящая вещь. На-сто-я-ща-я! Слышишь? – отдельно повторил он, глядя ей прямо в глаза.

Но Рио трудно было смутить.

– Конечно! – серьезно подтвердила она. – О чём разговор!– ещё и покивала для солидности.

– Смотри!.. – и бородатый шутиливо погрозил ей пальцем.

Тут Рио совершенно некстати снова вспомнила свою прошлогоднюю махинацию. Обман?.. Ну и что?.. Ведь все же остались довольны – и одуроченные туристы в том числе. Это просто такая игра. Им хотелось иметь что-нибудь *этакое* на память о Долине, и они это получили. Обувка её братца небось до сих пор стоит у них где-нибудь на каминной полке на почётном месте среди прочих безделушек. При этой мысли она едва не захихикала, но сумела удержаться. Борода тем временем что-то нацарапал на салфетке:

– Вот номер моего телефона в гостинице, – сказал он, подвигая салфетку к ней поближе, но не давая в руки. – Легко запоминается...

Она взглянула: три чёрные жирные девятки на мятой бумаге и через чёрточку – ещё три такие же. Он скомкал бумажку и сунул её в пепельницу.

– Я пробуду тут ещё недели две...

– Поздновато уже, – проямлила Рио. Ей не терпелось закончить разговор и начать действовать, пока бородатого не перехватил кто-нибудь половчее.

– Будь здоров! – дружелюбно отозвался тот.

В дверях она обернулась, желая еще раз кивнуть напоследок, но мужчина не смотрел в её сторону. Он успел вставить в рот сигару и, прикуривая, поджёт спичкой беленький комочек в пепельнице.

Вернувшись домой, Рио напрямиком направилась в Кухню.

В огромном зале было темно... Околдованная сумерками, Рио невольно замерла на пороге. Ступеньки терялись во тьме. Лунный свет из высоких узких окон бледными полосами дрожал на каменных плитах, по стенам бродили причудливые тени деревьев. Знакомые при

солнечном свете предметы таяли и растворялись в вязкой темноте... Лишь цепи котла над очагом всё так же уходили ввысь – их кольца посеребрила ночь, и сотнями багровых глаз вглядывался в наплывающую черноту угасающий очаг.

Девочка осторожно спустилась вниз, на цыпочках прокралась к обеденному столу и зажгла свечу. Тени тотчас разбежались по углам.

– То-то же!..

Стараясь не шуметь, ей нравилась эта таинственная тишина, она отыскала в одном из ящичков пачку фольги, в которой обычно запекали мясо, и, оторвав кусок блестящей бумаги, свернула кулёк. Наполнив его углями из очага, она вспомнила давешний разговор с бородачём и радостно хихикнула. Звук вышел больше похожим на хрюканье. Это рассмешило её ещё больше. Очарование ночи тотчас улетучилось, всё встало на свои места, и, продолжая похрюкивать, Рио уже совершенно спокойно собиралась уйти.

В это мгновение лунную дорожку на каменном полу пересекла чья-то тень – она скорее почувствовала это, нежели увидела. Девочка быстро обернулась, но невозмутимая луна в окне по-прежнему висела на своём месте.

Затаив дыхание, Рио задула свечу и, подойдя к окну, прижалась лицом к стеклу. Её сердечко колотилось точно бешеное, удары пульса тяжело отдавались в висках... Но чёрные деревья в саду, залитом лунным светом, стояли тихо, убаюканные треском сверчков. Ей казалось, она простояла так целую вечность. «Верно, совы...» Она медленно попятилась назад, не спуская на всякий случай глаз с окна, достигла ступенек и, развернувшись, помчалась вверх, чувствуя, как ожила и зашевелилась темнота за спиной...

Одним махом оказавшись на своём этаже, Рио успокоилась. Она и раньше совершала подобные вылазки. Ей нравилось бродить по ночному Замку – это смахивало на настоящее приключение! Во время таких странствий ей случалось пугаться, но утром всё оказывалось простым недоразумением. Несколько раз ей доводилось слышать стоны и вздохи Привидения, а прошлой зимой – даже звон его цепей!.. Впрочем, другие обитатели Замка тоже могли этим похвастаться, поэтому она никого не удивила.

Пройдя по длинному коридору, освещённому вделанными в стену светильниками, Рио очутилась у своей комнаты. Открыла дверь – и замерла...

На подоконнике распахнутого окна сидела огромная чёрная птица. Тёмные перья отливали стальным блеском. Ворочая головой, птица поглядывала на неё то одним, то другим глазом – злым, чёрным и блестящим.

– П...птичка... – пересохшими губами прошелестела Рио, – Птичка... кыш!.. Кыш!!! – она махнула рукой с кульком, желая прогнать незваную, и угли разлетелись по всей комнате.

Птица раскрыла клюв, и девочка услышала шипение.

– Отдай!.. – вдруг отчётливо проскрипела птица человеческим голосом.

Это было так неожиданно и так страшно!

– Кыш!!! Пошла!.. – завопила Рио.

Птица тяжело захлопала крыльями и снялась с места, словно собираясь улететь, но вместо этого вдруг с удивительным проворством бросилась на неё!

Рио успела прикрыть лицо руками, но получила такой удар по голове, что сознание её померкло... Проваливаясь куда-то в темноту, она ещё увидела, как в комнату вбежала Орфа – простоволосая, в длинной ночной рубашке, – за ней ещё кто-то, и ещё... И свет погас...

...Очнувшись она в своей постели. Возле кровати на маленьком пуфике сидел человек. Она узнала его: доктор Сибелиус. Он лечил всю малышню в Городе. За его спиной толпились домашние.

– Только постельный режим! – заявил Сибелиус, закончив осмотр. – И лучше в больнице. Травма может оказаться серьёзной... Необходимо сделать снимок и всё такое...

Рио хотела возразить, но от малейшего усилия перед глазамиплыли зелёные круги, а к горлу подкатывала тошнота. Откуда-то появились чужие люди, её переложили на носилки. Рио закрыла глаза – так было легче, и поплыла в темноту...

Госпиталь Св. Лаврентия – место светлое и тихое: несколько белых кубиков, разбросанных прямо посреди густого яблоневого сада; за садом – горушка, поросшая берёзами, осинками и молодым ельничком, понизу бежит ручей, довольно глубокий и прозрачный, студёный даже летом. Если подняться на горку – перед тобой как на ладони вся Зелёная Чаша: красно-коричневые островерхие крыши среди буйной зелени, вокруг – синяя подкова реки, и снова – зелень, зелень, зелень! – до самого края мира. И облака...

Ей не разрешали вставать, и она лежала, целыми днями бездумно глядя в окно, где купались в солнце незрелые ещё яблоки, и синева неба едва пробивалась сквозь листву. Почему-то ей было очень хорошо, словно она долго перед тем бежала, – на износ, до разрыва легких, – и остановилась, наконец, и бежать ей больше никуда не надо.

Потом к ней стали пускать посетителей – и яблоневая идиллия кончилась. Потянулась бесконечная череда тётушек: охи-ахи, корзиночки с печеньем, шоколад, и снова – ахи-охи... Все были с ней ужасно милы, ужасно болтливы и ужасно-ужасно скучны. Часами просиживая у её кровати, они вели бесконечные разговоры между собой: ей казалось – гигантские шмели залетели из сада и гудят, гудят, гудят... Она засыпала под их гудение, просыпалась, – они даже не замечали! Стоило бы пожаловаться доктору Сибелиусу, но – лень. Да и обидятся... И она снова засыпала.

Ей снились странные сны...

Она видела Долину – полчища тёмных всадников терзали её леса. Дикие, совсем не похожие на людей, они выжигали селения, убивая всё живое: человечье мясо выковыривали они из жёлтых, нарочно заточенных зубов длинными кривыми когтями, и кровь побеждённых бурыми комьями запекалась в их шерсти. Чёрной тучей, словно саранча, прокатились они по Великой Равнине, уничтожая жизнь – до последней травинки! – и вдруг исчезли...

И пришла тишина. Мёртвая тишина над огромной выжженной пустошью. Девочка навсегда запомнит ощущение этой тишины.

А сны продолжались...

Она видела, как первый раз над погибшей равниной восстало Солнце: сколько же долгих дней не могло оно пробиться сквозь клубы дыма! Но напрасно искало светило хоть единую пару глаз, в чьих глубинах нашли бы отсвет его лучи. Искала их и Луна, пришедшая вослед, но так и осталась одинокой в ночи, и холодные бесконечные выси вокруг, населённые облаками и звёздами, казались куда более обжитыми, чем беззвучная твердь у неё под ногами...

Первыми вернулись растения – сначала трава, потом деревья. Вернулись птицы... Немногие уцелевшие люди, – те кто успел убежать в горы, – не торопились возвращаться. Они выстроили в горах деревушки, и лишь редкие смельчаки спускались в Долину, рассказывая, будто по ночам там до сих пор можно услышать приглушенное конское ржание и гулкий мерный топот, словно движется куда-то несметная конная рать...

Однажды ей приснилось, будто она сама стоит ночью на верхушке одной из дозорных горных вышек, и до боли в глазах всматривается вниз, в Долину – и ей мерещатся огоньки костров: кто и зачем зажигает их?.. А другой раз она вдруг увидела себя сидящей у такого костра – и с нею были ещё люди, человек семь. Один из них, собирая сухие ветки на корм огню, наткнулся на странный череп. Неприбранные кости частенько попадались здесь, но этот – обугленный, приплюснутый, с косо вырезанными овальными глазницами, не принадлежал ни человеку, ни животному.

– Череп нигильга... – сказал кто-то, и нашедший испуганно отбросил ногой страшную находку.

Так Мэрион узнала имя неведомого племени, что пришло ниоткуда и исчезло в никуда. Череп подкатился к ногам старика, сидевшего у костра вместе с остальными. Старик долго смотрел в пустые глазницы, потом взял череп в руки, огладил ставшие каменными кости, и сказал:

– Зло ушло отсюда...

– Конечно, ведь он умер, – эхом откликнулся кто-то, но старик покачал головой:

– Нет, не то. Я хотел сказать, *они* ушли совсем.

– И не вернуться?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Если никто не откроет Врата...

– Какие врата? О чем ты говоришь, старик?..

Но тот смотрел сквозь вопрошавших невидящим взором, точно вслушиваясь в неведомую речь, текущую к нему через пальцы, сжимавшие чужие кости.

– Кто-то открыл Врата, – повторил он, спустя какое-то время, – нарочно, а может, случайно... И они пришли.

Мэрион проснулась тогда со странным ощущением, что знает этого старика, и он часто потом снился ей, но она так и не вспомнила, кто он.

Навещала её и Бабушка. Приходила и Орфа, тоже с корзиночкой. Что-то говорила, но мало... Рио все глядела на неё и удивлялась: такая изящная, хрупкая, и кинулась против Птицы. В память девочке крепко врезалась картина: тонкий белый силуэт на фоне огромных черных крыльев... А волосы у Орфы – того же цвета.

Несколько раз приходила Зануда. Одна... Обе чувствовали себя неловко и больше молчали: обычный их разговор – с взаимными колкостями, подковырками и претензиями – явно был здесь ни к месту.

– Что читаешь? – спросила как-то младшая сестра у старшей, заметив торчащий у той из сумочки золотисто-коричневый корешок.

– Так... – неопределенно отозвалась та. И вдруг в каком-то внезапном порыве склонившись к её уху, прошептала: – Понимаешь, я вот всё ищу в этих книгах, ищу чего-то... Что-то, мне кажется, очень важное. Не знаю что, не помню... Иногда кажется, вот-вот ухвачу, но никак!..

В палату вошла медсестра, и Зануда резко откачнулась назад, точно её застали на месте преступления.

Потом она скупово поведала, что наутро после происшествия с Рио приезжали полицейские, а вместе с ними – два Смотрителя и какой-то чудик из Обсерватории. Они долго изучали с помощью всяких штучек окно в её комнате, но оно оказалось в полном порядке – обыкновенное окно, а не какая-нибудь Дыра или Провал. На полу, правда, нашли много углей, – тут Рио промолчала, – и чудик сунул парочку себе в карман... А потом полицейские долго приставали к Бабушке – по поводу пропажи дедули. Оказывается, тётя Розалия как раз накануне написала в полицию заявление об его исчезновении. Этим они привели старуху в замешательство – она как-то в суматохе забыла о нём... И не только она, впрочем.

– Может, у вас ещё кто-нибудь исчез? – допытывался Рэг Шеридан – глава полицейских, – неодобрительно взирая на любопытных, постоянно заглядывающих в комнату, где шла беседа. – Вон сколько народу – прямо постоянный двор!..

Бабушка лишь пожалала плечами.

– У нас не гостиница, сударь, – оскорблённо заметила она. – Мы своих гостей не регистрируем.

– Неужели? – съехидничал тот. – А весьма похоже!

– И вообще, – перешла в атаку Бабушка, – люди пропадают не только в Замке! И всем это прекрасно известно! Мэрия же и в ус не дует, дабы предпринять что-либо!

Неизвестно, до чего они договорились бы, но тут совершенно некстати в комнату с воплями ворвалась Орфа. Оказывается, убираясь в бабушкиных покоях, она обнаружила в её гардеробе кучу скелетов.

– Милочка, – спокойно отозвалась на её вопли Бабушка, – у каждого есть свои скелеты в шкафу, и чем дольше живешь, тем их больше.

Служители закона были вполне согласны с мнением хозяйки, но все же не поленились пойти посмотреть. Разумеется, среди платьев и шляпок они ничего не обнаружили и, в конце концов, были вынуждены откланяться, оставив служанку в полном недоумении.

– Видишь ли, дорогая, – любезно пояснила ей Бабушка, – некоторые фразы иногда обретают буквальный смысл.

Домой из больницы Рио забирали Красавчик и тетка Люсильда. Была суббота.

– Родителям что, сильно некогда?.. – обиженно буркнула девочка, забираясь в поданный экипаж.

Красавчик загадочно ухмыльнулся. Тётка нахмурилась, и легонько шлёпнула сына сложенным зонтом, с которым никогда не расставалась, но тот продолжал улыбаться. Его явно распирали какие-то новости, но Рио сделала непроницаемое лицо и отвернулась.

Лошадка неторопливо цокала по мостовой. Утро – нежное, прохладное – благоухало цветущими садами. Тенистые улочки были ещё пусты... Рио почувствовала, как её душу заполняет удивительный покой, словно внутри распрямилась некая огромная пружина, мешавшая с того самого времени, как она стала видеть странные сны.

Блаженство длилось недолго...

В Замке царила страшная суматоха! Всё огромное семейство носилось по дому взад и вперед, захлопывая бесчисленные окна, которые тут же почему-то снова оказывались распахнутыми. Папа, вооруженный огромной шваброй, с воинственным видом высовывался в очередное окно и грозился кого-то убить. Тетушки вопили, счастливые дети – свои и чужие – радостно им помогали. Мама валялась на диване с компрессом на голове, Зануда суежилась вокруг неё с нашатырем, – та героически отбивалась... В углу гостиной, в кресле, мирно похрапывал доктор Сибелиус...

И только Бабушка оставалась спокойной посреди всего этого бедлама. Помешивая в котле неизменную овсянку, она неодобрительно наблюдала за происходящим:

– Ну-ну...

У её ног сидели, преданно заглядывая ей в глаза, два очередных приبلудных кота.

– У нас что за праздник сегодня? – поинтересовалась Рио, усаживаясь за стол.

– Ничего особенного, – флегматично отозвалась Бабушка, – просто Аист хочет подарить твоим нового ребенка.

– ?..

Вместо ответа бабуля указала черпаком в окно. Рио подбежала к подоконнику и выглянула на улицу: над Замком и впрямь кружил огромный белый аист. Выглядел он уже изрядно уставшим, но сдаваться, судя по всему, не собирался...

– Прочь! Прочь, негодный! – шумели на него из окон, но он упрямо кружил и кружил в воздухе, надеясь отыскать брешь в обороне противника.

В клюве у него болтался маленький голубой сверток.

– Окно!.. – предупреждая воскликнула Бабушка, но было поздно.

Заметив образовавшуюся лазейку, Аист со свистом спикировал вниз, на бреющем полете ворвался на Кухню, сметая всё на своем пути, с шумом описал круг над котлом, и, выронив сверток, стремглав вылетел наружу: торопиться ему надо было – судя по крикам, Папа раздобыл ружье.

Грянул выстрел...

Аист испуганно шарахнулся вбок, задел крылом ветку яблони, шлёпнулся оземь. Папа, сверкая очками, издал дикий торжествующий рёв... Аист пешком улепётывал к воротам, обитатели Замка гурьбой бросились за ним. Тут раздался второй выстрел, за ним – ещё!.. Аист скрылся прочь. Домочадцы, успевшие выбежать на двор, залегли кто где... Еще выстрел!..

– Да заберите же у него ружье!!! – истошно завопил кто-то. – Он нас всех поубивает!
Вдалеке завывла полицейская сирена.

Бабушка между тем, охая-ахая, ловко выудила из котла оружий свёрток, и бережно перенесла его на стол. Удивительное дело: кипящая овсянка не причинила подкидышу никакого вреда – орал он больше от испуга или потому, что так было положено.

Рио увидела, как у ворот остановилась полицейская машина, оттуда вышли двое в форме и подошли к парадному.

Пока остальные общались с представителями власти, Бабушка и внучка разглядывали новоприобретенного члена семьи. Заглянувшую к ним Орфу – совершенно обалдевшую от происходящего всякий раз в этом доме – послали будить доктора.

– Если он не сбежал ещё, то веди-ка его сюда! – распорядилась хозяйка.

Сибелиус и не думал сбежать – на своём веку в этом Городе он и не такое видал! – и служанке понадобилось некоторое время, чтобы растолкать его.

Осмотрев ребёнка, доктор остался доволен:

– Славный малыш! Какие умненькие глазки!

Вокруг уже собирались домашние, толкаясь и заглядывая друг другу через плечо. Младенец затих и, суча ножонками, в свою очередь настороженно рассматривал новую родню, посапывая крохотным розовым носиком. Последним в Кухню спустился Папа: полицейские уехали, конфисковав его лучшее старинное ружье. Взамен, правда, они пообещали по возможности не поднимать шума. Хотя стрельба среди бела дня, в городе, набитом туристами... Так что теперь Папа не знал даже, что его больше огорчает: потеря коллекционного ружья или приобретение новой прорехи в семейном бюджете в лице нечаянного младенца.

Протиснувшись к столу, Папа мрачно воззрился на новое чадо. Подкидыш застенчиво засунул кулачок в рот. За спиной отца перешептывались тётушки, обсуждая глазки, носик, ушки и тому подобные прелести дитяти.

– Ну, почему к нам? – попробовал возмутиться Папа, но поймав мрачный взгляд супруги, поспешно поправился: – То есть, я хотел сказать, у нас своих хватает!..

Папе – доброму и славному человеку по сути своей – просто не хотелось лишней, в буквальном смысле внезапно свалившейся на голову, ответственности. Дети – это же, ну, сами понимаете... И неизвестно, что из всего этого выйдет.

Но затравленно оглядевшись по сторонам, он понял, что сочувствия ему не найти: тётка Люсильда укоризненно поджала губы, Красавчик улыбался, Бабушка и дочери взирали на младенца с любопытством и симпатией, в глазах остальных читалось явное осуждение и сладкое предвкушение скандала, вздумай только он выставить кроху за дверь...

Папа снова посмотрел на младенца. Тот победно улыбнулся и забулькал.

– А! Какая разница... – отец махнул рукой и, неловко взяв ребёнка в охапку, с независимым видом удалился.

Из-за утреннего происшествия чай сели пить позже обычного и чаепитие изрядно затянулось. Кое-кто вскользь поздравил Рио с выздоровлением, но большинство даже не обратили внимания на её возвращение. Ей, правда, и в голову не пришло обидеться. Она привыкла, что в доме у них вечно было как на вокзале: кто-то приезжал, кто-то уезжал, – родственники, друзья, знакомые, друзья и родственники друзей и знакомых и, как иногда подозревала Рио, совсем уж посторонние люди – иных ведь не могла признать даже Бабушка!.. Некоторые из постояльцев жили у них всего недельку-другую, благодарили за гостеприимство и уезжали. Другие же, как,

например, тётка Люсильда или дядя Винки и еще несколько человек, оставались жить годами. Вся эта толпа, а за обеденным столом порой сиживало человек до двадцати, не считая приглашенных, вполне комфортно умещалась в старом Замке, которому это, похоже, нравилось.

Рио давно догадалась, что Замок живёт своей жизнью, наблюдая за происходящим и развлекаясь по-своему: он будто отращивал сам собой новые комнаты, спальни, лесенки, кладовые и коридорчики, когда вдруг жильцам не хватало места, поэтому даже его законные владельцы не смогли бы предоставить точного плана своего жилища, если бы вдруг это потребовалось. Рио знала несколько потайных ходов и дверей, с помощью которых устраивала «сладкую» жизнь тем из постояльцев, которые не особенно ей нравились, и это тоже относили на счет Замка, (хотя Бабушка и Красавчик отлично догадывались, чьих это рук дело!) Но чаще случались странные и загадочные вещи, к которым Рио не имела никакого отношения.

С обеда вдруг нахмурилось и зарядил ливень... Серые тучи висели плотно и низко, точно хотели придавить собою Долину. Бледно-голубые длинные молнии вонзались в почерневшие Холмы, и спустя долгие секунды доносилось ленивое ворчание летнего грома. Сад потемнел и посвежел, благодарно подставляя тяжёлым каплям зеленые ладони; пронзительно запахло травой и землей, на каменных плитах двора вскипели серебряные лужицы... Все звуки сделались тише, словно растворились, – только капли по стеклу, только шорох дождя по листьям, и лишь изредка – приглушённый быстрый смех пробегающих прохожих, да стук проезжей кареты под аккомпанемент подков...

Рио сделалось скучно. Она поиграла с Карапузом, попробовала пристать с какими-то глупостями к Зануде, но та сбежала от неё в библиотеку, и уткнулась в очередную толстую книгу. Поднявшись к себе, девочка включила было телевизор, но тут же выключила его, такая же участь постигла и компьютер, а потом и вовсе свет погас – во время грозы такое бывало нередко.

В Замке засуетились, стали зажигать свечи, во множестве заготовленные специально для подобных случаев. Кто-то предложил разжечь камин в гостиной – в старом Замке, несмотря на начало июня, к вечеру становилось прохладно. И вот по стенам заплясали вытянутые тени и жёлтые отблески свечей, в дальних коридорах сгустились сумерки, и обитатели Замка стали подтягиваться в гостиную, привлеченные теплом огромного камина.

Рио любила такие вечера и настроение у неё поднялось. Она заняла ближайшее к огню кресло – ей всегда нравилось наблюдать игру пламени. Из Кухни поплыл аромат свежей сдобы, и уже расставляли на огромном круглом столе к чаю. Кто-то сел за рояль – звучные арпеджио разогнали остатки её грусти – и нежный женский голос начал старинный романс, к нему тотчас присоединился мужской баритон. Сделалось совсем хорошо и уютно, и все это почувствовали – и от этого стало ещё лучше... За стенами вовсю бушевал ливень, надвинувшийся с Холмов, но тщетно пыталась непогода пробиться сквозь толстые камни – старый Замок надёжно укрывал своих питомцев, – и чем больше злилась гроза, тем сильнее разгоралось веселье в самом его сердце.

Убаюканная теплом камина, Рио прикрыла глаза – очарование вечера и музыки заполнили её душу, как вдруг чьи-то пальцы грубо вцепились ей в плечо.

– Уступи-ка мне место!.. – произнёс простуженный голос, и её бесцеремонно, точно куклу, вытащили из уютного кресла, которое тотчас жалобно заскрипело: огромная туша, пропахшая дорогим табаком и одеколоном, обрушилась в его недра, и засопела, устраиваясь удобнее. Это был дядя Винки.

От обиды Рио чуть не заплакала! Покраснев от злости, она с бессильной ненавистью смотрела на его рыжие бакенбарды, мясистый нос, обрюзгшие щёки.

– Марш спать! – приказал дядя, видя, что она застыла рядом, и занялся своей трубкой, тут же забыв о её существовании.

Вечер погиб...

Крутанувшись на пятке, Рио помчалась вон, пытаясь опередить поступающие слезы. Но настоящая развязка этого длинного дня наступила несколько позже.

После чая, многие обитатели Замка покинули гостиную, но большинство остались – очень уж славно сидеть вот так, при свечах, в хорошей компании, слушать дождь за окном, и вести неспешную беседу, тем более что на столе появились графины с домашней наливочкой. Как водится, разговоры свелись к дням давно минувшим, да было бы и удивительно, если в подобной обстановке речь зашла бы о чем-то другом.

– Правда ли, что голова барона была похищена?.. – спросил кто-то из недавно приехавших гостей.

В ответ Бабушка в тысячный раз пересказала историю о том, как тело Юстэса фон Гилленхарта – предка нынешних хозяев Замка – сраженного насмерть неизвестным рыцарем на турнире, самым варварским способом обезглавили прямо в гробу ночью в часовне перед отпеванием.

– Вероятно, это сделал тот, кто его убил?.. – предположил один из сидевших за столом. – Насколько мне известно, убивший Гилленхарта исчез из города.

– А я читал в хрониках, что голова была похищена вовсе не у барона, а у его отца! – перебил говорившего другой гость.

– И не у отца вовсе! А у его наперсника и боевого товарища, что прибыл с ним с Востока! – вмешался в спор третий.

Собравшиеся в гостиной загомонили, перебивая друг друга: за время, утекшее с тех давних пор, история о похищении головы мертвеца обросла множеством противоречивых деталей. Красавчик подлил масла в огонь:

– Гораздо интереснее, куда исчезли сокровища барона, нежели его пустая башка... – заметил он негромко, однако голос его был услышан спорившими.

– Нельзя же так о покойном! – возмутилась было тётя Розалия, но ее перебили:

– Действительно, куда?

– Надо бы спросить у барона, – посоветовал кто-то.

– Спросишь его, как же!..

– Что если устроить спиритический сеанс?!

– Вздор!..

– Нет, отчего же!

Слово за слово – и неожиданная идея обрела своё воплощение. Ликеры и наливки мигом перекочевали на маленький столик в углу комнаты. На их месте расстелили белый лист бумаги с наспех нарисованными буквами алфавита и пентаграммой, расставили свечи, приготовили блюдце и большую иглу. Правда, толком никто из участников точно и не представлял себе, что и как нужно... На роль медиума согласилась Зелла Амстьен – та самая, что пела романсы.

Расселись кругом стола. Помолчали... Кто-то заметил, что, кажется, всем нужно взяться за руки – так и сделали.

Возникла пауза...

Можно было услышать, как вздыхают поленья в камине. Зрители, добрая половина которых последовала за наливками, тихо перешептывались в отдалении и негромко звенели бокалами... По углам словно бы стало ещё темнее. Шум дождя и ветра усилился...

Постепенно разговоры совсем умолкли, и наступившую тишину нарушало лишь потрескивание поленьев в камине.

За окном беззвучно сверкнула молния.

– Начинайте же!.. – громко прошипел кто-то, не выдержав.

Сидящие за столом разом оборотились на Зеллу. Она придала лицу мрачное и торжественное выражение, набрала в грудь воздуха и, внезапно смутившись, обиженно спросила:

– А что говорить-то?..

Ее голос вдруг показался всем таким обыденным, что наступившее напряжение тотчас спало. Всеобщий выдох, по залу побежали смешки, люди за столом тоже расслабились... Но тут донеслись запоздалые раскаты грома – и все тут же вновь испуганно притихли.

– Именем чистых сил неба заклинаю!... – нараспев, низким голосом неуверенно начала импровизировать Зелла, театрально завывая. – Да пребудет с нами святая сила...

– По-моему, она что-то не то говорит, причем же здесь *святые* силы?.. – шепнула на ухо своей соседке тётя Розалия, сидевшая на стуле у самых дверей, но та лишь шикнула в ответ.

Снова свернула молния – необычайно яркая...

– Дух барона фон Гилленхарта! Появись!.. – входя в роль, продолжала певица. – Приди к нам!!.. – её голос поднялся до крика. – Приди!!!..

И тут, недовольно ёрзавшая на своём месте, тётя Розалия услышала за дверью шаги... Вскочив, она с грохотом опрокинула стул, – все тотчас обернулись на неё... Ударил гром – кто-то вскрикнул... Медленно и беззвучно отворились тяжёлые двери – и сквозь проём, освещённый бледным призрачным светом молний, все увидели приближающийся странный чёрный силуэт...

– Каг-гла фон Гил-л-ленха-арт!!!.. – нестерпимо громко и раскатисто вдруг прогремело где-то под самым потолком, и эхо многократно ударило о стены – и голос этот не мог принадлежать никому из находящихся в зале! – и многие божились потом, будто в *самый этот* момент сбоку от дверей на несколько кратких мгновений возник некто в белом парике и старинном камзоле, и ударил жезлом мажордома в каменный пол...

Буря распахнула окно, послышался звон разбитого стекла... Все закричали, повскакивали со своих мест, опрокидывая бокалы и стулья... Ворвавшийся ветер, гася свечи, подхватил со стола исчерченный белый лист с пентаграммой, и тот зловещей бабочкой вылетел в окно...

И вдруг... дали свет!

В ярких электрических огнях глазам потрясённых очевидцев предстала маленькая, насквозь промокшая горбунья в тёмном плаще с капюшоном, нагруженная дорожными сумками и чемоданами.

Несколько ошеломленная, она некоторое время молча исподлобья взирала на перепуганное сборище – многих поразили её огромные, удивительно яркие синие глаза, – а потом сказала:

– Лучше бы, конечно, кто-нибудь встретил меня на вокзале. Но всё равно – спасибо!..

(В этом месте – истерический смех и занавес...)

... Рио не знала, что месть – это блюдо, которое должно остыть, такие тонкости были ей не по возрасту, поэтому принялась за дядюшку сразу же.

Дядя Винки к этому времени прожил в доме Гилленхартов около пяти лет, лишь изредка отлучаясь куда-то по своим делам, и она достаточно хорошо изучила его привычки. Самым слабым местом противника была его страсть к обжорству. Ещё он любил дорогой парфюм, курительную трубку, красоток из кабаре «Фламинго», и свою красивую морскую фуражку – до того, как обосноваться в Зелёной Чаше, дядюшка четверть века прослужил капитаном небольшого торгового судна.

Фуражку и красоток обиженная племянница отложила на будущее, а вот с трубкой разделалась сразу, подсыпав в табак пороху. Дядюшка обычно курил на веранде, выходящей в сад, и сидя у себя в комнате возле открытого окна, Рио вдоволь насладились его чертыханиями.

Но этого ей показалось мало... Когда-то Толстяк Дю по-приятельски поделился с ней секретом приготовления адской смеси, основным компонентом которой был горький перец. Настало время использовать полученные знания. Собственноручно приготовив приправу, – потом ещё с неделю слезала кожа на кончиках пальцев, – Рио терпеливо дожидалась подходя-

щего момента. И он не заставил себя долго ждать... Как-то после обеда дядя Винки спустился в Кухню за добавкой. Шлёпнув себе на тарелку огромный кусок жареного мяса, украсив его зеленью и горкой гарнира величиной с маленькую Джомолунгму, дядюшка отвлекся на мгновение к пивному бочонку. Это его и погубило...

Присев рядышком на другом краю стола, Рио и Карапуз – брат не был полностью посвящен в детали преступления, ему отводилась роль зрителя, – чинно трудились над яблочным пирогом. Дядя, орудуя огромным ножом и вилкой, отправил в пасть первый кусок мяса, засопел, зачавкал... По его лицу градом катил пот – денек выдался жарким. Внезапно он побагровел и выпучил глаза.

– Что с вами? – испугалась тётка Матильда: она как раз присела напротив, чтобы выпить чашечку кофе.

Дядя замычал, не раскрывая рта, и замахал рукой – ничего, мол, не приставайте!.. Дети тихо прыснули со смеху.

– Может, водички? – не унималась Матильда. Втайне – и совершенно безответно – она питала к обжоре возвышенные чувства.

Дядя замычал еще яростнее и пропихнул в рот второй кусок – глаза его совершенно вылезли из орбит. Тогда Матильда – тоненькая, сухая, жеманная, – поднялась со своего места, дробно стуча каблучками обежала вокруг стола, и узкой ладошкой игриво пошлёпала дядюшку по необъятной жирной спине. Всё равно, что слона пощекотала соломинкой.

– А-ха-аа!.. – негодуяще выдохнул дядюшка. Из рта его вырвался язык пламени. – Ха-а... – нечаянно выдохнул он ещё раз, поворачиваясь в сторону назойливой помощницы, и огонь начисто слизал длинные локоны её парика.

– Караул!.. – завопила подлиза, срывая с головы опалённые остатки былой роскоши. Недолго думая, она бросилась к раковине и засунула голову под кран. – Хам!! Подлец!..

Не обращая внимания на её вопли, дядя Винки залил пожар во рту добрым глотком пива, и упрямо отрезал себе ещё мяса – не пропадать же добру!

Матильда, высоко подняв голову, с оскорблённым видом проследовала к выходу, неся в вытянутой руке обгоревший парик. Её каблучки высекали из каменного пола искры.

Дядя проводил её сердитым взглядом – глаза его, как-то слишком уж выпученные, налились кровью, – и снова уткнулся в тарелку. Сопя, кряхтя и постанывая, он расправлялся с её содержимым, точно полководец с неприятелем в захваченном городе – никакой пощады! – и нож скрежетал по фарфору, и яростными копьями вонзались в противника зубья вилки, и пиво расплескалось по столу, – и близок, близок конец сражения!.. Вот-вот запоют фанфары, рассыпется барабанная дробь, объявляя победу! Но тут дядюшкины глазки выпали прямо в тарелку...

Рио поперхнулась собственным смехом и замерла. Карапуз засунул большой палец в рот. Дядя Винки, не переставая жевать, машинально пошарил рукой перед собою и, найдя, облизал и засунул глаза туда, где им и полагалось находиться. Он даже не понял, что случилось:

– Надо же, какой острый соус... – пробормотал он. – Прямо глаза на лоб!..

Рио нахмурилась: да уж, ничего себе!

Дядя, наконец, справился с мясом и потянулся за пивом.

– Что?.. – сердито спросил он, заметив детей. – Что, негодники?!

– Ничего... – буркнула Рио, вылезая из-за стола. – У вас петрушка вон из глаза торчит.

Приятного аппетита!

Маленькая горбунья подошла к распахнутому окну. Родственники любезно отвели ей комнату почти на самом верху западной башни Замка – её любимую комнату. Приятно, когда кто-то помнит, что тебе нравится.

Ей хотелось тишины. Хотелось покоя и одиночества. Лостхед – совершенно неподходящее для этого место, но ей просто негде больше укрыться. Да и как убежишь от самой себя?

За окном далеко внизу – стена, крепостной ров, дорога, остатки сторожевой вышки. Дальше – изумрудный луг, река, синяя стена леса, горы. По небу – огромные облака-корабли... Она невольно засмотрелась на их причудливые формы: уплыть бы вот так вместе с ними! Вокруг башни резали свистом воздух ласточки. Каггла подняла голову: вон сколько гнезд под крышей!.. Смотреть вверх было неудобно, она вскарабкалась на широкий подоконник, села, прислонившись спиной к стене... А дышится-то как! С наслаждением вздохнула, набрав полную грудь, и задержала дыхание: такой воздух, казалось, можно пить. В дали на лугу показались всадники в ярких одеждах – в округе начинался сезон охоты. Горбунья залюбовалась грациозными движениями наездников.

– Ни один из них не станет твоим... Ну и что?

Привычка разговаривать с собой появилась у неё давно, и вовсе не от одиночества. Вокруг всегда крутилось множество прихлебателей, жаждущих поживиться за её счет: сначала те, кого привлекали деньги её отца, потом – когда пришли первые успехи – любители погреться в лучах чужой славы, бульварные писаки, разного рода дельцы от искусства, какие-то неудачники, просто проходимцы... К счастью, она вовремя догадалась, что никому из них нельзя доверять. Особенно мысли и чувства.

Горбунья спустилась с подоконника, подошла к зеркалу. Огромный, медный, до блеска отполированный диск принадлежал ещё кому-то из предков барона. Каггла посмотрела на своё отражение и ударила по зеркалу кулаком. Металл отозвался глухим гулом... Горбунья усмехнулась: Бабушке прекрасно известна её скверная привычка бить зеркала. Она взглянула на свой сжатый кулак: ребро ладони украшали старые белые шрамы.

В дверь постучали. Вошла высокая черноволосая девушка с кувшином и полотенцами в руках.

– Пожалте умыться с дороги... – вежливо сказала она, поздоровавшись. – Да спускайтесь вниз, завтракать!

Водопровода в этой части старого Замка не было, и вчера в суматохе про это как-то забыли, но она была настолько уставшей с дороги, что переодевшись в сухое, уснула, едва добравшись до кровати.

– Я скоро буду, спасибо, – ответила Каггла, быстро окидывая взглядом вошедшую, и профессионально схватывая все детали: прекрасная фигура, красивые волосы; черты лица, правда, мелковаты. Вышла бы неплохая натурщица. Вот только руки, точнее, кисти рук, грубой лепки...

Служанка ушла, но гостя не торопилась следовать за ней. Распаковала свои вещи: одежда заняла место в шкафах, мелочи расселились по ящичкам комода. Последней она извлекла из чемодана деревянную коробку. Присев на кровати, и откинув украшенную затейливой резьбой крышку, Каггла принялась перебирать ее содержимое... Карандаши, сангина, кисти... Тонкие пальцы бережно ласкали столь дорогие ещё недавно её сердцу вещи, но взамен прежнего трепетного волнения она ощущала пустоту.

Легкий хруст нарушил её оцепенение и, очнувшись, она с удивлением посмотрела на сломанную кисть в своих руках.

– О, черт! – и сердито отбросив обломки, вскочила и выбежала из комнаты.

По случаю воскресенья в столовой было малоллюдно: большая часть гостей уже отправилась развлекаться в город. Пока разливали чай, Каггла рассматривала собравшихся за столом. Многих она хорошо знала, другие были незнакомы. «Бабушка совсем не изменилась...» – подумалось ей. Зато дети здорово подросли: в голенастой худенькой девчонке с озорными глазами она с трудом узнала того пухлого и симпатичного малыша, каким помнила свою племянницу Мэрион; старшая девочка – кажется, когда-то ее дразнили Занудой, – превратилась в

совершенную красавицу, а Карпуза Каггла и вовсе видела впервые – ведь последний раз она приезжала в Зелёную Чашу пять лет назад.

– А у нас еще ребенок появился! – сообщила ей Рио, когда закончился официальный обмен любезностями. – Аист принес.

– Вот как? – вежливо удивилась Каггла. – Ну да, действительно, кто же еще? – она посчитала слова племянницы обычным детским невежеством.

– Зато тебя, детка, видимо, принес дятел, – раздался чей-то насмешливый голос, и Каггла увидела входящего в столовую красивого молодого человека.

Его карие глаза всего лишь на одно мгновение встретились взглядом с глазами горбуны – и это стоило ей сердца.

– А тебя – пингвин! – огрызнулась девочка, и схватив яблоко, выскользнула из-за стола вслед за толстяком с рыжими бакенбардами.

Вошедший занял её место и, наливая чай, с улыбкой обратился к Каггле:

– Как спалось на новом месте? Привидения не мешали? Вы вчера так эффектно появились...

– Да, кстати, дорогая, – вмешалась сидевшая рядом с ним высокая рыжеволосая дама в розовом, – а *чем* вы приехали? – в её голосе явственно сквозили нотки подозрительности.

– Поездом... – ответила Каггла, пытаясь унять сердцебиение.

– Но в это время *нет* проходящих поездов! – торжествующе заявила дама.

– Я приехала на поезде до Рудгари, и на станции взяла такси.

– Такси?! – недоверчиво протянула рыжеволосая. – В такую даль?..

– Но что было делать? – пожалала плечами горбуня. – Перед самым Карнавалом всегда проблема с билетами, а я поздно спохватилась. К тому же я давала телеграмму...

– Телеграмму? – удивилась Бабушка. – Но мы ничего не получали...

– А какой был номер у машины? – продолжала упорствовать дама в розовом.

– Рита, перестань! – вполголоса прошипел сидевший рядом с ней мужчина. Маленький, щупленький, с таракаными усиками, – он тоже улыбнулся Каггле, обнажив ряд мелких белых зубов. Рыжая хотела ещё что-то сказать, но он чуть ли не силой вытащил её из-за стола, и увёл под руку, оглядываясь, и продолжая показывать зубы.

– Противная парочка... – рассеянно отметила Бабушка. – Кто это вообще такие?

– Что? – засмеялся молодой человек, – вы их не знаете?

– Нет, – спокойно ответила старуха без малейшей тени смущения. – Но они тут уже давно.

– Понятно! – хмыкнул юноша. – Тогда хотя бы представьте меня нашей новой гостье, – и он в упор посмотрел на Кагглу.

У горбуны перехватило дыханье, но она постаралась выглядеть равнодушной.

Бабушка с сомнением уставилась на внука.

– Ах, только не говорите, что и меня не знаете! – с притворным испугом замахал тот руками.

– То-то и оно, что я тебя слишком *хорошо* знаю, – тихо, словно про себя, молвила старая женщина, и тут же совсем другим тоном добавила: – Познакомься, моя дорогая, это – Даниэль. Сын тёти Люсильды. Мы все обычно зовем его Красавчиком. Как видишь, он оправдывает свое прозвище. Хотя я бы нарекла его Балбесом.

Красавчик сделал вид, что смущен, и, встав, церемонно поклонился.

– Я много о вас слышал, – быстро проговорил он, снова садясь на свое место. – Писали, что ваша последняя выставка наделала шуму: столь необычная подача материала и странные, пугающие сюжеты...

– Ничего особенного, – сухо ответила Каггла. Она уже сумела справиться с волнением, и теперь ей хотелось уйти к себе.

– А вы согласны с тем, что вас называют последовательницей Босха?

– Нет.

– Что же привело вас к нам, в провинцию? – не унимался юноша.

– Хочу отдохнуть от болтунов! – отрезала Каггла. «Он – просто пустышка» – думала она, – «Но почему же я... Зачем?!» – и чувствовала, как тонет в его глазах.

А он видел перед собой маленькую, некрасивую калеку – редкую птичку, случайно залетевшую сюда, в старую клетку. Невзрачную серую птичку, которой почему-то досталась та жизнь, о которой мечтает он, и которую она, похоже, совсем не ценит... И не замечал, как одухотворено её лицо, как прекрасны её глаза.

В столовую спустилась Мама, и вместе с ней – Кора Амстьен, сестра Зеллы. Они о чём-то разговаривали между собой, но, увидев Кагглу, Кора тотчас оставила собеседницу, и, подбежав, радостно обняла её за плечи:

– Каггла, милая, как я рада видеть тебя здесь! – склонившись, она на секунду прижалась щекой к её лицу, и Каггла уловила тонкий аромат. – Мы с сестрой здесь уже месяц, но, к сожалению, ей придётся скоро уехать в Милан... А меня вот уговаривают остаться, – и она кивком головы указала на Маму.

– Да, в Театре нужна хорошая пианистка, – подтвердила Мама, пододвигая к себе кофейник.

– Боюсь, Элен, я не смогу принять твоё предложение: ты ведь знаешь, сестра не хочет искать другого аккомпаниатора... Тем более, что мы всю жизнь выступаем вместе. Вот если бы она тоже осталась здесь, но – увы! – в Милане у неё контракт, – разговаривая, Кора уселась рядом с горбуньей.

С сестрами Амстьен Каггла познакомилась прошлой зимой в Париже на одной из богемных вечеринок. Зелла ей не понравилась: голосом она обладала поистине чудесным, но характер у неё оказался «звёздным». Зато Кора сразу пленила искренностью и обаянием. Совершенно околдованная ею, Каггла согласилась написать её портрет, и провела несколько недель, наслаждаясь тонкой, изысканной красотой. Тогда-то, кстати, на правах члена семьи она и пригласила сестёр в Лостхед.

Теперь же, заметив, как менялось лицо Красавчика, когда он смотрел на её прекрасную соседку, она вдруг горько пожалела о своем приглашении. Почти физически ощущая исходящую от Кору волну очарования, она еще острее чувствовала свое собственное убожество, и ей хотелось исчезнуть. «Зачем я только приехала сюда!..»

Закончив чаепитие, многие перешли на открытый воздух в сад, и Каггле невольно пришлось подчиниться общему течению. Расположились в беседке; горбунья заняла место у выхода, немного поодаль от остальных. Она всегда старалась держаться особняком. Выбранная позиция позволяла ей незаметно наблюдать за окружающими и, конечно, от неё не укрылось, какими глазами смотрел на Кору Даниэль, как он пытался словно бы невзначай завладеть её рукой...

На веранде зашёлся кашлем толстяк в старомодных бакенбардах – Каггла видела его раньше в столовой. Теперь он курил трубку и, очевидно, что-то было не так: она успела заметить в окне наверху сияющую физиономию Мэрион – девочка явно устроила толстяку гадость! Она улыбнулась племяннице и незаметно погрозила пальцем, а потом потихоньку покинула беседку и поднялась к себе.

За окном её комнаты радостно и громко свистели птицы. «Хорошо вам...» – подумала горбунья. Рухнув на кровать, она уткнулась лицом в подушку. Рука нащупала что-то твёрдое: дорожная Библия. Открыла наугад, пытаясь найти утешение в строках. «Возлюби ближнего своего, как самого себя... Господи! Да как же мне себя-то полюбить?.. Тело мое – храм твой, Господи, но почему вместо светлых стен душа моя заключена в гробнице? Почему руины эти – прибежище мое?... Почему? Зачем испытываешь меня?.. Дар чудесный Ты вложил в мои

руки, глаза мои наслаждаются красотой мира, созданного Тобою, холсты мои воспевают её, но я, Господи, не принадлежу ей... И я – ненавижу её!..»

– Зачем же по каждому пустяку тревожить Всевышнего? – раздался вдруг знакомый спокойный голос.

Каггла подняла голову от подушки: в кресле у окна сидела черноволосая женщина. Её неожиданное появление, словно из неоткуда, неприятно удивило художницу.

– Как вы сюда вошли? Уйдите, я хочу побыть одна...

– Разве тебе действительно хочется одиночества? – удивилась незваная гостья. Она встала и, подойдя, села рядом. Каггла вдруг ощутила страх. – Не бойся меня! – вкрадчиво приказала та, и взяла девушку за руки: прикосновение гостьи было неприятным – пальцы слишком гладкие и прохладные, словно в перчатках из змеиной кожи.

– Что вам тут надо? – нервно повторила Каггла.

– Воздержание телесное – полезно для здоровья, а вот не исполненные желания порой разрушают душу, верно? – не обращая никакого внимания на её волнение, проговорила женщина. Глаза гостьи точно гипнотизировали свою жертву, и Каггла чувствовала, как исчезает страх, и вместе с ним – уходит ощущение собственного «Я». – Мы могли бы заключить обоюдную выгодную сделку...

– Кто вы на самом деле? – прошептала Каггла, зачарованно наблюдая, как сквозь красивые черты черноволосой проступает её истинная суть. Но наваждение тотчас исчезло.

– Узнаешь. Когда-нибудь... А сейчас тебе важно знать только одно: я многое могу. Ну, так как? – она выпустила её запястья, и горбунья тотчас машинально вытерла ладони об одежду. Гостья заметила этот жест, и уголок её рта чуть дернулся.

Каггла быстро встала и отошла на всякий случай к двери:

– И что вы хотите мне предложить?

– Сущие пустяки, – небрежно отвечала гостья. – Я возвращаю тебе нормальный человеческий облик, а ты... Ты отдаешь мне свой дар.

– Что-то я плохо понимаю... Допустим, вы избавляете меня от этого проклятого горба, – Каггла зашагала по комнате. – Я повторяю – допустим... Хотя врачи и костоправы от меня давно уже отказались, и, следовательно, мне в самом деле остаётся только уповать на чудо... Хорошо. А я, значит, что же, взамен должна научить вас рисовать?

– Примерно так, – со скучающим видом отозвалась женщина, разглядывая свои ногти. – Ты уловила суть. Но всё будет гораздо проще: когда я выполню своё обещание, согласно условиям нашей сделки тебе просто нужно будет сказать «да»...

– Уходите! – решительно заявила Каггла, распахивая дверь.

– Ты отказываешься? – глаза гостьи потемнели.

– Нет... – заколебалась горбунья. – Но мне надо подумать...

– Это разумный ход. Подумай! – легко согласилась собеседница, но в её голосе слышалась насмешка: мол, думай не думай, а будет по-моему.

Уходя, она приостановилась рядом с Кагглой, и коснулась пальцами её непослушных локонов, точно желая поправить ей волосы:

– Я не прощаюсь... – шепнула она, шагнула за порог, и скрылась во тьме длинного коридора, точно растаяла.

Каггла какое-то время оцепенело всматривалась в темноту, потом, опомнившись, быстро захлопнула дверь и несколько раз повернула ключ. Но что-то подсказывало, что никакие запоры теперь не помогут...

– А тебе никогда не приходило в голову, что ваш дом внутри гораздо больше, чем снаружи?

– Замок-то?.. Если это так, я и не удивлюсь.

Рио и Толстяк Дю болтали на скамеечке у ворот Замка, наблюдая, как в подъехавший экипаж загружают вещи тётки Матильды: после инцидента на Кухне, тётка заявила, что ноги её здесь больше не будет!.. Папа, узнав, в чём дело, потребовал от дяди Винки извинений. Но тот лишь развёл руками: он не виноват, дескать, что в этом доме не умеют готовить, да и вообще рад, что так получилось, поскольку «некоторые особы в своем стремлении заполучить в мужья порядочного человека чересчур уж настырны». Матильда, присутствовавшая при том, разозлилась окончательно – её влюбленность, видимо, сгорела вместе с париком, – и ответила, что «завести себе такого мужа как он, можно только из любви к животным»

– Теперь у вас станет чуть просторнее, – заметил Дю-младший.

– Не думаю. Наверняка ещё кто-нибудь заявится, – равнодушно отозвалась Рио. – Пойдем лучше куда-нибудь.

Они поднялись вверх по улице, свернули в тенистый боковой переулок, прошли мимо книжной лавки, мимо подвальчика, торговавшего антиквариатом, миновали ресторан, где на открытом воздухе за столиками в тени каштанов прохлаждались парочки, вышли к остановке на пересечении улиц, и минут через двадцать веселый звенящий трамвай вынес их к Центральной площади.

Здесь среди зелени огромных старых деревьев и затейливых цветочных клумб, плавающих самыми немислимыми оттенками, и облитых гранитом фонтанов, было царство уличных музыкантов, художников, бродячих артистов, фокусников, гадалышников, коробейников, торгующих всякой всячиной, назойливых фотографов, и карманных воришек... Здесь можно было приобрести самые удивительные вещи, за пару монет узнать свое будущее, запросто встретить какую-нибудь знаменитость, в прилежащих погребках – отведать чудеснейшего вина со страшным названием «Кровь императора», послушать импровизации какого-нибудь джаз-банда, концерты которого в Европе и Америке собирают аншлаг, но тут ребята играют вот так запросто, поставив инструменты на отполированные тысячами ног плиты тротуара, для собственного удовольствия... Здесь какой-нибудь художник напишет углём ваш портрет – и как знать, может, через годы этот набросок окажется шедевром признанного мастера... Здесь можно попасть в лапы умелых шарлатанов, именующих себя магами или колдунами, завести пашни с какой-нибудь мнимой, но очень милой ведьмочкой... Наконец, тут можно встретить свою любовь.

Но если даже ничего такого с вами не случится, пьянящая атмосфера вечного праздника и волшебства оставит долгий след в вашей памяти.

Потолкавшись среди туристов и праздных горожан по аллеям примыкающего к площади парка, дети уселись за столом кафе. Порывшись в карманах, они подсчитали наличность: хватало только на лимонад и пару бутербродов.

– Негусто! – подытожила Рио.

С реки донесся призывный гудок прогулочного пароходика.

– Хорошо бы сейчас на катере покататься, – мечтательно сказал Толстяк, вытирая салфеткой взмокший лоб, – или съездить за реку поплавать...

– В лес на пикничок не хочешь? – буркнула подруга. – В лапы к гоблинам?..

– Да ерунда это всё! – со снисходительностью старшего отозвался мальчишка. – Все эти Провалы и прочее... Туристов заманивают.

– Почему же ерунда? – пылко возразила Рио.

– Нет, ну когда-то что-то здесь конечно было. Вон, ведьмы на шабаш собирались, и вообще, даром что ли Церковь накладывала на город интердикт?

– Чего? – не поняла она.

– Интердикт, говорю... Это когда от церкви отлучают. Из-за твоего барона, между прочим!

– Мою семью не трогай! – серьезно предупредила Рио. – Сами-то хороши... Или теперь ты мне скажешь, что всё придумал тогда про картину?..

Лицо Толстяка помрачнело.

– Я никогда не вру, а картина... Чёрт её знает, откуда она взялась. По-моему, отец купил её когда-то как раз здесь, на площади.

– Надо бы проверить твои сказки, – решила Рио, дожёвывая бутерброд, – что-то я всё-таки не помню ничего.

– Не выйдет.

– Это почему? Трусишь что ли? Или врешь?

– Картина-то тю-тю! – развел руками приятель. – Ее у нас отец Себастьян выкупил.

Но Рио не услышала последних слов: её глаза выхватили в праздной толпе гуляющих знакомое бородатое лицо. Как же она забыла про него?!

– Слушай, дружище, – повеселев, сказала она Толстяку, – я знаю, как нам подзаработать!.. – и, показав ему Бородатого, поведала о встрече в кондитерской.

– Что ты хочешь ему подсунуть? – заинтересовался Дю-младший. – На прошлой неделе, представляешь, Свинус и пара его дружков продали какому-то дурню кусок медвежьей шкуры под видом шерсти оборотня... Вот смеху-то было! Родители, правда, всыпали ему за испорченную шкуру. Зато хватило на классную видеокарту и новые ролики!

Рио между тем наблюдала, как Борода под руку с какой-то симпатичной брюнеткой сел в экипаж и уехал.

– Ничего, – пробормотала Рио, – у меня есть его телефон... Чего мы тут сидим? – вскинулась она, чувствуя, как в ней просыпается её всегдашняя тяга к авантюрам. – Поехали скорее к нам!...

Обратный путь дети проделали раза в два быстрее.

Вихрем ворвавшись в холл, Рио, не сбавляя хода, помчалась на Кухню, оставив Толстяка отвлекать Бабушку. Она хотела опять набрать углей, но под котлом всюду бушевало пламя.

– Чёрт!... – ругнулась Рио, и тут же воровато оглянулась – не услышала ли кто?..

Усевшись за обеденный стол, она забарабанила пальцами по столешнице. И тут её озаарило.

Воровато оглядевшись по сторонам, Рио направилась в самый дальний угол Кухни. Там, на одном из многочисленных настенных шкафчиков висел массивный замок. Вытащив из кармана кусок проволоки, она принялась ковыряться в замке. Из шкафчика между тем доносились попискивание, стук, шорохи, пыхтение... Прислушавшись к этим звукам, Рио оставила свою работу и, пошарив на полках, отыскала стеклянную банку с крышкой. Поставив банку рядом с собой, она вновь принялась терзать замок. Спустя несколько минут её упорство было вознаграждено: что-то щелкнуло, и дужка замка подалась вверх. Затаив дыхание, Рио чуть открыла дверцу. В образовавшуюся щель тотчас высунулся чей-то зеленый хвостик. Подобно кошке, охотящейся на мышей, девочка молниеносно вцепилась в него, дернула, – и через мгновение обладатель хвоста оказался в банке под крышкой.

Навалившись плечом на дверцу шкафчика, Рио проворно защелкнула замок и прижалась ухом к деревянной поверхности. Внутри пищали и ругались. Она хихикнула и легонько постучала – в ответ тут же забарабанили десятки маленьких лапок.

– А ну, тихо!.. – по-хозяйски прикрикнула Рио и шлепнула ладонью по дверце. Там приоткрылись, потом снова завопили, но она уже потеряла к шкафу всякий интерес. Взяв банку, спрятала её в бумажный пакет, и отправилась искать Толстяка.

Дю-младший с сонным видом сидел в холле на диванчике, наблюдая за перепалкой между Бабушкой и служанкой. Старая хозяйка выговаривала Орфе за какие-то мелочи, на что та резонно возразила, что, мол, «вас много, а я – одна и вообще». На это Бабушка в сердцах ответила, что «ежели она – вообще, то пусть и совсем!». Эта туманная фраза несколько озадачила

бойкую служанку, и Бабушка пояснила: она может покинуть их дом хоть сейчас!.. Но Орфа нахально заявила, что ей тут очень нравится, поскольку «жутко весело и такого дурдома она еще не встречала», а потому она пока остаётся.

– Ну и ладно, – совершенно спокойно согласилась старуха. – Надоест – сама уйдешь!..

И они принялись мирно обсуждать список текущих дел, как-то: отдать грязное белье в прачечную, вызвать полотера и мойщика окон, заказать продукты из супермаркета... Рио не стала дослушивать: подобные перебранки между хозяйкой и служанкой уже стали привычными и доставляли удовольствие им обеим. Вместо этого она незаметно указала Толстяку на выход, и спустя несколько минут они уже были в укромном уголке в саду.

– Видал? – хвастливо спросила Рио, садясь на траву под деревом и демонстрируя ему свою добычу.

– Класс!.. – восхитился приятель, вертя в руках банку с трофеем.

Там, в стеклянном плену метался толстый зелёный чёртик размером с полевую мышку. Он грозил им крохотными рожками, стучал копытцами, плевался и что-то пищал.

– Что он говорит? – опасливо спросил Толстяк.

– А!.. – небрежно отмахнулась Рио, – Ругается... Они больше ничего не умеют говорить.

Чёртик соорудил рожу и высунул длинный язык. Девочка щёлкнула по стеклу. Пленник вздрогнул, но тут же, повернувшись к ним задом, согнулся в неприличной позе, и азартно похлопал себя по филейной части. Рио встряхнула банку, чёртик покатился кувыркком, но радостно захихикал и закривлялся.

– Где ты раздобыла эту гадость? – рассмеявшись, спросил Толстяк.

– У Бабушки на Кухне.

– Ну, разумеется, где же ещё? – с серьезным видом кивнул мальчишка. – Там, где у нормальных людей – мыши, в Замке Лостхед разводят чертей.

– Все нет! – слегка обиделась Рио. – Это осталось от одного заезжего. Помнишь лорда Пальмера?

Этот самый пресловутый Пальмер был давним другом отца Рио – еще со студенческих времен. Помимо титула, огромного состояния и массы прочих достоинств, лорд, к сожалению, унаследовал проклятье своей семьи – пристрастие к горячительным напиткам. От этого изъяна больше страдали окружающие, нежели он сам: будучи в трезвом уме, Пальмер являлся человеком самого благородного поведения, но во хмелю был буен и сумасброден. Семья лорда постоянно рисковала репутацией и состоянием из-за его выходок, и тратила огромные деньги на его лечение, но, выйдя из очередной клиники, Пальмер тут же принимался за старое с новыми силами. И только Замок Лостхед поставил в этой бесконечной карусели решительную и жирную точку.

В один из своих приездов лорд изрядно опустошил винные запасы местных погребов, и с ним приключилась белая горячка. Общими усилиями буяна заперли в его комнате. Спутница лорда умоляла не вызывать врача – семье не хотелось лишней раз становиться мишенью для бульварной прессы. Пальмер же, человек с богатой и буйной фантазией, упился в тот раз, как выяснилось позже, в буквальном смысле до зелёных чёртиков. Будучи под парами, он всю ночь развлекался, лупя по ним из пистолета, но каково же было его негодование, когда наутро, протрезвев, он обнаружил, что мерзкие создания и не думают исчезать! Мало того, они ухитрились испортить ему весь гардероб, погрызли обувь, и съели бумажник вместе с кредитными карточками! К вечеру маленькие пакостники довели своего создателя до изнеможения: карабкаясь по одежде, они щипали его, кусали, дергали за волосы, кололи беднягу иголками, гадили в пищу, плевались дымящейся серой, верещали ему прямо в ухо разные непристойности – словом, маленькая преисподняя на дому! Пришлось вызвать священника...

В тот же день лорд Пальмер торжественно поклялся бросить пить, занял денег на обратную дорогу, и навсегда исчез из Замка. По слухам, он сдержал свою клятву.

– Хорошо, ему не привиделось чего-нибудь похуже... – философски заметила тогда Бабушка. – Вот было бы мороки!

Лорд уехал, а мелкая нечисть долго ещё досаждала обитателям Замка, пока Зануда не вычитала в какой-то старой книге специальное заклинание и не заманила её остатки в пустую винную бутылку. Отец Себастьян предлагал принять радикальные меры, но Бабушке стало жаль малышню, и она распорядилась поставить бутылку в шкафчик и запереть его на замок:

– Да откупорьте пробку, а то вдруг задохнутся!..

В ответ же на вопрос, к чему ей в доме такая зараза, она лукаво заметила, что хорошей хозяйке все сгодится. С тех самых пор винные черти и жили в шкафчике на Кухне, и, как подозревали домашние, Бабушка порой подбрасывала парочку-другую тем из гостей, которые ей не очень нравились...

– Как думаешь, – деловито спросила Рио, закончив свой рассказ, – сколько можно за него выручить?

Толстяк пожал плечами:

– Проси больше – тогда, глядишь, получишь сколько нужно.

– Дай-ка мне свой телефон! – сказала она и, нахмутив брови, набрала запомнившийся номер: три девятки ... и еще три девятки...

Моргая, она слушала неторопливые гудки. Один, второй, третий...

– Алло? – отозвался наконец чей-то голос.

Тут только Рио сообразила, что не знает, как зовут Бородатого. Представляя свою компанию тогда за столиком, он, кажется, не назвал своего имени. Или она забыла?

– Гм... – неуверенно откашлялась девочка. – Это – Санни...

– Санни? – удивился голос. – Ах, да! Привет, дружище! Чем обрадуешь?

– Есть кое-что... – заговорщически начала она, но собеседник тут же резко перебил ее:

– В семь, у Театра, – и в трубке снова раздались гудки.

Рио обиженно выпятила губы:

– Тоже мне, Джеймс Бонд!

– Надо бы узнать, кто он такой, – лениво проговорил Толстяк. Откинувшись на спину, он лежал на траве и, шурясь, смотрел на проплывавшие облака.

– Зачем? – удивилась она.

– Так... На всякий случай.

До назначенного времени оставался ещё час, но, посоветовавшись, дети решили отправиться в условленное место заранее – понаблюдать за противником.

Борода появился точнехонько в семь – возник вдруг откуда-то из толпы вместе с последним ударом часов на Городской Ратуше. Одет он был по-вечернему: костюм, белая рубашка, галстук, блестящие туфли, дорогие запонки...

– Добрый вечер, коллеги! – он был просто сама галантность.

– Здравствуйте! – испытывая вдруг неловкость за свои потертые джинсы и простенькие футболки, вразной поздоровались дети.

– Ну-с?.. – Борода вопросительно уставился на Рио.

Мэрион огляделась по сторонам.

– Отойдем?..

– Только быстренько, – согласился Бородатый, – у меня билеты на вечерний спектакль.

Они прошли по аллее парка – навстречу им катились пестрые волны гуляющих. Смех, музыка, ароматы...

Свернули под деревья, туда, где поменьше людей, и, присев на скамеечку, надежно укрытую от лишних взглядов кустами сирени, Рио торжественно предъявила банку.

Лицо Бородатого сразу изменилось – всего лишь на мгновение, но Рио успела заметить, как сверкнули его глаза.

– Что это?... – пробормотал он, вертя в руках стекляшку. – Неужели винный чёртик?
– Откуда вы знаете? – насторожилась Рио.

– Кто же их не знает? – усмехнулся Борода. Сняв крышку, он двумя пальцами ловко вытащил чертёнка за хвост, и приподнял его над головой, разглядывая.

– Осторожно! – предупредила Рио. – Цапнет...

Но вместо этого пленник изловчился и пустил тонкую пахучую струйку – прямо покупателю на белую рубашку.

– Вот гад!.. – беззлобно возмутился Бородатый, поспешно доставая платок и засовывая рогатика обратно в банку. – Сколько же ты хочешь за это чудо?..

Рио задумчиво посмотрела в небо. Толстяк незаметно пихнул её локтем в бок.

– Надо бы новый велосипед ... – словно сама себе сказала она. – Спортивный... Два!

– Идём, купим... – тотчас по-военному быстро согласился Борода.

Рио подскочила на скамейке и, не веря, уставилась на него. Покупатель истолковал её взгляд по-своему.

– Идём! – повторил он. – Я сам куплю вам велики. Денег не дам, а то потратите на какие-нибудь глупости...

Они почти бегом покинули парк и, спустя каких-то пару часов, Рио и её приятель стали обладателями замечательных спортивных красавцев. Борода получил свою банку и удалился.

– Звони... – кинул он на прощанье.

– Чудак! – прошептала Рио ему вслед, всё еще не веря их удаче.

Толстяк же, хмуро глядя вслед уходящему, буркнул:

– Надо было просить машину...

Бородатый, отшагав два квартала, свернул в какую-то подворотню. Достал из пакета стекляшку: на его руке сверкнул перстень, – дети могли бы поклясться, что ранее его там не было. Несколько минут он изучающе разглядывал содержимое банки – и его лицо приобрело строгое и брезгливое выражение. Пленник внутри замер, увидев перстень на руке, сжимавшей его темницу, а потом затрясся, беззвучно разевая рот.

– Ага! – кровожадно оскалился новый хозяин. – Видно, знаешь, *что* это такое... – и с этими словами направил перстень прямо на несчастного хвостатого. Перстень полыхнул коротко и ярко, и на дне банки осталась лишь серая кучка. Человек задумчиво высыпал пепел на землю.

– Дела-а... – вздохнул он, и выкинул банку в урну.

Как обычно, каждый раз в начале летнего сезона мэрия устраивала торжественный прием в честь наиболее именитых гостей города – так называемую «Большую субботу». Каггла фон Гилленхарт, разумеется, была в списке VIP.

– Что-то мне не хочется идти, – призналась она Бабушке. – Надоели эти великосветские сборища.

– Не ходи... – коротко ответила старуха. – Хотя Виктору и Элен было бы приятно.

После этих слов она поняла, что должна принять приглашение.

«Большая суббота» этого лета собрала на редкость богатую коллекцию знаменитостей, и Каггла с некоторым удовольствием отметила, что на неё обращают не меньше внимания, чем на звезд кино или эстрады. За какие-нибудь полчаса ей представили около дюжины поклонников её творчества, жаждавших личного знакомства с мастером. Бокал превосходного шампанского и прекрасная музыка – вечер сопровождал знаменитый симфонический оркестр из России – окончательно подняли её настроение. И она позволила себе расслабиться, не думать *о себе*, не ощущать себя, – так, словно бы стала совсем другим человеком, смея ради нацепившем странный маскарадный наряд. Глаза её засияли, лучась неведомым светом, придавая ей волшебный облик, и многим в тот вечер казалось, что за спиной у неё – просто сложенные крылья.

Но вдруг знакомый женский голос прошипел прямо в ухо:

– Не обольщайся: ты для них – всего лишь забавная умная обезьянка!

И крылья снова превратились в горб.

Каггла резко обернулась, но обидчица уже смешалась с толпой. Горбунья бросилась за ней вслед, расталкивая встречных и на ходу бормоча извинения. Её душила бессильная ярость. Она готова была убить! – и неизвестно, каким скандалом закончился бы этот вечер, но на её пути возник официант с подносом. Бедняга не успел увернуться и все двенадцать бокалов дружно поехали прямехонько в сторону какого-то черноволосого молодого мужчины. Тот ловко отскочил, и налетел на виновницу происшествия.

– Простите... – сконфуженно прошептала горбунья.

– Пустяки! – весело отозвался он, и наградил её такой улыбкой, что ее гнев мгновенно улетучился.

Официанты быстренько кинулись собирать осколки, а незнакомец, продолжая улыбаться, сказал:

– Теперь вы моя должница! Придется вам подарить мне вальс...

– Но я никогда... никогда не танцевала! – испугалась Каггла. – Это невозможно!...

Но он уже подхватил её и закружил под звуки бессмертного творения Штрауса.

– Макс Линд. Журналист, – представился он, когда стихли последние аккорды.

– Вы – итальянец? – предположила она, с любопытством разглядывая его смуглое лицо, обрамленное модной бородкой. Этот Линд определенно вызывал у неё симпатию.

– О, в моих жилах течёт кровь многих племён, – с живостью отозвался он. – Испанцы, арабы, немцы, ирландцы... Итальянцы тоже были в числе моих предков. Я – дитя мира! – и он снова наградил её ослепительной улыбкой. – Но, если верить слухам, ваша генеалогия представляет куда больший интерес!

Они проболтали весь остаток вечера. Макс был очень мил и остроумен, Каггла чувствовала, что ему в самом деле интересно, и в том не было никакой фальши или снисходительности, но всё равно ей было прескверно: она постоянно ожидала мерзкого шепотка за спиной... Глаза её невольно блуждали по залу, и она почти не понимала иногда, о чём он рассказывает.

– Вас что-то тревожит? – участливо спросил Линд, заметив её состояние.

– Нет, – соврала Каггла и вздрогнула: та, которую она искала, сидела прямо против неё на маленьком диванчике у стены. Её глаза смотрели холодно и дерзко, она словно бросала ей вызов!

– Что с вами? – голос Линда вернул её из бездны. Каггла почувствовала прикосновение его теплой руки.

– Всё нормально, – и добавила, желая отвлечь его внимание: – У вас красивый перстень!

– Семейная драгоценность, – небрежно пояснил он, и тут же совсем иным тоном спросил снова: – И все-таки, что же вас так беспокоит? – пытаясь её расшевелить, он предложил вдруг: – Хотите, я вам погадаю? Моя прапрабабка по матери была цыганкой! – и со смехом перевернул её кисть ладонью вверх.

Он нёс какую-то милую чепуху, но она не слушала, хотя её обидчица исчезла.

– Вам сделали какое-то предложение. Очень необычное!.. – вещал между тем Линд. – Но линии говорят, что вам не стоит его принимать.

Каггла почувствовала, как на неё накатывается огромная усталость.

– Извините, мне пора, – проговорила она тихо. – Было очень приятно познакомиться с вами. Вы – милый. Но мне, правда, пора! – и, высвободив свою руку, встала и направилась к выходу.

Линд что-то ещё говорил ей вслед, но его слова вязли в наполненном музыкой пространстве, и она почему-то уже забыла о нём, и не понимала: что это за люди вокруг, и почему им так

хорошо, и зачем она здесь, и почему всё плывет в глазах?.. Близкая к обмороку, она покинула вдруг ставшие душными залы, и выбралась наружу.

Ночь бросилась ей в лицо яркими звёздами, свежая прохлада вернула ясность рассудка. Усталость сменилась отрешенным спокойствием человека, принявшего после мучительной борьбы окончательное решение. Теперь всё просто, всё ясно... Из темноты возникла знакомая фигура – Каггла поняла, что ждала её появления.

– Через три дня... – произнесла та. – Смотри, не передумай, больше такого шанса не будет! – и чужой смех рассыпался стеклянными бусинками.

Горбунья не удостоила искусительницу ответом.

Подали экипаж. В этот момент ударили пушки на стенах, небеса над ночным Городом вдруг вспухли разноцветным огнём, и под треск фейерверка Каггла унеслась в ночь...

Пользуясь тем, что большинство взрослых отправились на приём, Рио решила устроить дяде Винки ещё какую-нибудь каверзу. Она уже не очень сердилась на него, но ей было жаль Матильду – тётушка по сравнению с другими была вполне ничего. Лучше бы уж этот противный капитанишка сам убрался восвояси!..

У девочки не было определённого плана действий, и она решила придумать что-нибудь прямо на ходу. Прихватив Зелепусов, Рио отправилась разыскивать свою жертву, надеясь устроить дядюшке нечто вроде того, что случилось со Сколопендрой, а может, и получше. Но дядя-грубиян как сквозь землю провалился.

– Сегодня же суббота! – спохватилась Рио. – Верно, отправился в какую-нибудь пивнушку...

Развлечение, похоже, откладывалось.

Но, проходя мимо его комнаты, она заметила, что дверь приоткрыта. «Интересненько...» – подумала маленькая хулиганка. Обычно, уходя, дядя всегда запирает свое жилище. «Может, он всё-таки дома?» – и она осторожно заглянула в щель. Внутри было темно.

– Есть кто-нибудь?.. Эй, дядя Винки-и... ку-ку! – сладким голоском пропела девочка, и, поняв, что там никого нет, прибавила басом: – Ку-ку, старый дурак!..

Потоптавшись немного у двери, – нет, она прекрасно знала, что лезть без спроса в чужую комнату... Но ведь всё-таки это её дом.... А она в этой комнате никогда не была! Борьба с совестью длилась недолго.

Споткнувшись обо что-то у самого порога, Рио нашарила выключатель.

– Уютненько! – подвела она итог, бегло оглядевшись.

Логово морского волка выгодно отличалось от комнат других жильцов массой интересных вещей. У окна стоял большой телескоп, рядом на подоконнике она заметила огромный морской бинокль. В углу пылился гигантский, выше её роста, глобус, стилизованный под старину. По стенам были развешаны всякие обалденные сувениры – маски, стрелы, луки, старинные пистолеты... На полках она насчитала больше десятка прекрасных моделей парусников, каждая деталька которых была выполнена с большой тщательностью. На массивном письменном столе покоились какие-то приборы – Рио не знала их названий и назначения, сумев угадать только песочные часы: толстое стекло в серебряной оправе, внутри вместо песка – какой-то голубоватый светящийся порошок.

Маленькая разбойница подумала, что здесь всё так здорово, что даже неловко как-то... И всё же руки у нее так и чесались!

И тут ей на глаза попала знаменитая капитанская фуражка. Дядя очень чванился ею.

– Эге!.. – обрадовалась пакостница.

Чтобы достать её, Рио пришлось встать на кровать. Фуражка висела рядом с картиной, изображавшей Замок. Она отметила про себя, что дядя не удосужился заправить постель: простыни и подушки были смяты так, словно кто-то уже становился на них ногами.

– Неряха! – презрительно фыркнула Рио. – Прыгал он тут что ли?..

Её воображение живо нарисовало забавную сценку: толстый и пыхтящий дядя Винки, с трубкой во рту скачет по кровати как какой-нибудь шкодливый мальчишка... Это её рассмешило. Похрюкивая, Рио влезла на кровать, – критикуя её владельца, она сама не сняла обуви, – и потянулась за дядюшкиной реликвией. Пружинный матрас – ненадежная опора. Покачнувшись, она инстинктивно выставила вперед руку и... ощутила пустоту! Рука прошла сквозь поверхность картины как через воздух!.. Едва не упав, Рио резко отпрянула назад, и отдернула руку.

Сказать, что она испугалась, значит, не сказать ничего.

Но испуг тут же сменился жгучим любопытством: так вот о чём говорил Толстяк!

Её сердечко заколотилось как бешеное, она дышала, точно за ней гнались, и ей очень-очень захотелось поскорее уйти отсюда. Но внутренний голос говорил, что ведь следующего раза может и не быть... Безрассудство взяло верх, и, прихватив со стены тяжеленный длинный меч в дорогих ножнах, Рио, умирая от страха, упрямо полезла вперед.

...Оглядевшись, она поняла, что находится возле сторожевой вышки. Было пасмурно и тихо. Дорога, огибавшая вышку, уводила вдаль, к темнеющему лесу. «Туда я не пойду...» – решила Рио. На толстом слое дорожной пыли отпечатались чьи-то следы. Они шли в сторону Замка. «Кто это здесь бродит?..» Осторожно вытащив меч, она повесила ножны на куст рядом с собой, чтобы не заблудиться на обратном пути. В кармане у неё вдруг что-то зашевелилось, и она чуть не завизжала, но вовремя вспомнила, что положила туда Зелепусов.

– Тихо!.. – приказала она шёпотом, но они вылезли наружу и уселись ей на плечо.

– Где это мы? – громко спросил один, а второй зевнул во весь рот.

– Тс-с!.. – разозлилась Рио.

Волоча меч по земле, она крадучись пошла по обочине дороги, стараясь на всякий случай держаться за кустами. Следы привели к крепостному рву. Она остановилась.

Замок выглядел безжизненным. Закопчённые стены, сумеречные глазницы выбитых окон, ржавые цепи подъемного моста... Сквозь распахнутые ворота виднелся поросший могучим бурьяном двор. Кругом, куда ни посмотри, лежала печать страшного запустения.

– Боже, что здесь случилось? – в страхе прошептала она.

Её охватила паника: что, если всё это – взаправду?! Но что же тогда с её родителями? С малышами?.. А может, это только *должно* случиться?..

– Спокойно! – приказала она себе. – Надо подняться на холм и посмотреть, что с Городом... Может, это наоборот – прошлое? Тогда всё нормально.

Тут она вспомнила о следах на дороге. Возможно, в Замке есть кто-то... Но кто?.. Присев на землю, она до боли в глазах всматривалась в лежавшие перед ней руины Замка, но так и не уловила ни малейших признаков жизни. В небе раздалось печальное и нежное курлыкание: там, высоко-высоко тянулся к лесу журавлиный клин. Осень?.. Она теперь только заметила, что и кусты и деревья одеты пожелтелой, местами подёрнутой багрянцем, листвою. А ведь она пришла сюда *из лета*!.. Летящие журавли навели её и на другое умозаключение: ведь кроме них здесь могут быть и *другие* живые существа. Волки, например... Она читала, что во время эпидемии чумы, унесшей почти всё население Долины, волков в здешних лесах было в десятки раз больше, чем людей... Угораздило же её! Теперь ей казалось, будто за ней наблюдают тысячи маленьких враждебных глаз, и оставаться на месте стало просто не в состоянии. Но открытое пространство между кустами, где она пряталась, и воротами Замка пугало не меньше.

– Хорошо, – наконец решила она. – Дойду до ворот, загляну одним глазком – и назад!

Поминутно озираясь, она добралась до подъемного моста. Ей казалось, прошла целая вечность. «А вдруг здесь время течет по-другому? – спохватилась незадачливая путешественница. – Вернусь домой, а там все уже умерли?..» Но она прогнала эту мысль – и без того тошно!..

Перебравшись на другую сторону рва, девочка короткими перебежками подобралась вплотную к воротам. Прижавшись к шершавой холодной стене, Рио перевела дух: пока с ней ничего не случилось и это обнадеживало. Сжав покрепче тяжеленный меч, – он был в два раза длиннее, чем она сама! – девочка осторожно поглядела в щель между каменной кладкой и створкой ворот. Отсюда ей было видно, что масштабы разрушений гораздо больше, чем это казалось издали: практически все дворовые постройки были разрушены чьей-то безжалостной рукой. Или пожаром... «Про это мы тоже слышали...» – подумала она.

– Сюда кто-то летит... – безмятежно сообщил один из Зелепусов.

– Где?!

Над лесом чернелась какая-то точка. У Рио разом пересохло в горле. Она вдруг вспомнила чёрную птицу, напавшую на неё ночью в Замке. Ладони стали мокрыми и холодными, она бросила своё оружие, и, пытаясь унять мелкую противную дрожь, вытерла руки о траву.

– Это – не птица... – сказал второй. – Это какая-то крылатая тварь. А на ней кто-то сидит...

– О... откуда ты знаешь? – шепотом спросила она, снова подбирая меч.

– Пора сматываться отсюда! – вместо пояснения ответил глазастый. – А то будем висеть, как этот...

– Как кто? – не поняла Рио.

Вместо ответа её спутники молча указали наверх. Она подняла глаза – и окаменела!

То, что она издали приняла за длинную тряпку, болтавшуюся на ветвях дерева рядом с воротами, на деле оказалось человеком. Он висел, точно воздушный шарик, из которого выпустили воздух: только высохшая кожа да остатки одежды, словно кто-то высосал всё его брэнное содержимое, оставив оболочку. Ветер медленно качнул, поворачивая, останки погибшего, и Рио увидела его лицо...

– Ведь это был не твой дядюшка! – неловко утешали девочку Зелепусы, когда спустя несколько часов, она рыдала у себя в комнате. – И вообще, может, это все понарошку?

– Пусть это и не дядя Винки, – всхлипывала в ответ Рио, – но ведь *я его знаю!*..

У неё, правда, тоже оставалась слабая надежда, что всё её приключение – плод воображения.

Следующим же днём, пользуясь очередным отсутствием дядюшки, она снова проникла в его комнату – на сей раз, вскрыв замок, – и утащила картину. Опасное полотно нашло свой конец в костре, который они с Толстяком развели в укромном месте на берегу реки.

– Вдруг он хватится? – спросил белобрысый.

– Ему какое дело? – угрюмо ответила Рио. – Картина принадлежит моей семье.

У Бабушки она потом узнала как бы невзначай, что картина эта была написана Кагглой, ещё «в самом начале творческого пути, когда она только пробовала свои силы как художник».

– А почему Каггла стала рисовать? – задала вопрос внучка.

Бабушка удивилась:

– Но она всегда рисовала – с самого детства. Ведь ей, бедняжке, недоступны были другие игры. Потом кто-то из людей сведущих сказал её родителям, что у девочки – несомненный талант.

– А Каггла, она – злая? – не унималась Рио.

Бабушка задумалась.

– Нет... Может, она и досадует на свою судьбу, но никого в этом не винит. Хотя...

– Что?

– Ничего. Почему ты спрашиваешь?

Но Рио ничего ей не рассказала.

Потом она спросила у Кагглы:

– Почему ты рисуешь *такие* картины?

Ответом ей был недоумевающий взгляд синих глаз.

Промолчала Мэрион и тогда, когда рыжеволосая Рита заявила об исчезновении своего мужа – того самого, с тараканьими усиками: вышел, дескать, купить сигарет и с концами. Оказалось, пропавший был какой-то шишкой из отдела обеспечения секретности информации в Корпорации – у отца Рио могли возникнуть неприятности, вот она и промолчала. Да и кто бы ей поверил?..

Каггла думала, что они отправятся ночью, но особа, сделавшая ей столь странное предложение, заявила к ней рано утром.

– Идём!.. – весело сказала она, словно речь шла об утренней прогулке перед завтраком.

– Как? Уже?.. – удивилась горбунья, пораженная обыденностью ее тона. – Сейчас?!

– Давай-давай шевелись, а то не успеем! – приказала гостя. – Ничего брать с собой не нужно! – чуть раздраженно заметила она, видя, что Каггла начала копать в шкафу.

– Так прямо в ночной рубашке и пойду?.. – огрызнулась художница.

Спустившись вниз, они прошли в сад, и через заднюю калитку незамеченными вышли на улицу. Обогнув Замок по периметру, спутницы перебрались через крепостной ров, миновали разрушенную сторожевую вышку, дошли до ближайшей рощи, а там их уже ожидала пара стреноженных лошадей.

– Я никогда не ездила верхом! – огорчилась горбунья. – Боюсь, мне даже не влезть в седло – слишком высоко...

– Что-то я об этом не подумала, – хмыкнула ее попутчица. – Значит, пойдём пешком.

– Далеко? – растерялась Каггла. Она уже немного устала от ходьбы.

– Захочешь – дойдешь! – заявила напарница.

Сначала Каггле даже нравилась эта незапланированная прогулка. Они шли по Холмам, потом вдоль реки – до Старого моста, потом перелеском мимо Большого оврага, но по мере того как солнце поднималось выше, она чувствовала себя хуже и хуже. Хотелось пить, ломило спину, да вдобавок она в кровь стёрла ноги, но её спутница, неумоимо шагавшая впереди, и не думала сбавлять ход.

– Я больше не могу!.. – взмолилась горбунья ей в спину.

– Можешь.

– Не могу! – простонала Каггла, останавливаясь, и цепляясь за тоненькое молодое деревце, чтобы не упасть. Но её спутница даже не обернулась. Каггла в отчаянии смотрела, как она уходит всё дальше и дальше по лесной тропинке, усыпанной старой хвоей. Вот её фигура уже почти скрылась между деревьями... Каггла сжала кулаки и побежала вслед за ушедшей.

Каменная площадка, появившаяся внезапно перед ними, поросла мхом. На одном её краю лежал плоский круглый камень с выступом в центре. За ним Каггла увидела что-то вроде арки: два больших камня, стоящих вертикально, и один, лежащий на них, как перекладина.

– Местный Стоунхендж? – из последних сил пошутила Каггла, увидев странное сооружение.

– Это – один из порталов, – ответила проводница и, прищурившись, добавила: – Их ещё называют Провалами. Многие отдали бы всё, чтоб отыскать такое!

При этих словах она испытующе посмотрела на горбунью, но та молча опустилась на траву и, тяжело дыша, привалилась боком к дереву.

– Я бы отдала сейчас всё что угодно за глоток воды, – пробормотала она, чуть отдышавшись.

– Что, на этом и сторгуемся? – хрипло засмеялась провожатая, присаживаясь рядом.

Сколько они просидели так, Каггла не знала. Она поняла только, что её товарка следит за тенью, отбрасываемой выступом в середине лежащего круглого камня. «Часы!..» – догадалась горбунья.

– Теперь можно! – сказала наконец та, что привела ее сюда.

Четыре откормленные вороны весьма нахального вида мирно дремали на ветвях крепкого раскидистого дуба, росшего посреди огромного луга на краю гнилого болотца. Высоко в небе плавилось солнце, в траве сонно стрекотали кузнечики, а вдали, в дрожащем знойном мареве густел дремучий лес.

Вороны что-то изредка хрипло бормотали сквозь дрему, кляня жару, как вдруг из недр голубых раскалённых небес вывалились два больших продолговатых предмета и, со свистом рассекая сгустившийся от жары воздух, шумно плюхнулись в коричневую жижу болотца... Сон разом улетучился и четыре пары блестящих глаз с нетерпеливым любопытством уставились на непонятное, внимательно наблюдая, как на топкий берег выбираются двое, облепленные грязью и болотной тиной.

– Это просто две гр-рязные девицы! – разочарованно объявила одна из ворон.

– Гр-рязные! Гр-рязные!.. – подтвердили её подруги.

– Навер-рняка они не из пр-риличных семей! – продолжала свои умозаключения первая, и карги принялись оживленно обсуждать возможную родословную нелепых пришлиц, не стесняясь в своих предположениях.

Злобно отплёвываясь, одна из них, что была постройней, начала стаскивать мокрые одежды, и вдруг, неестественно высоко подпрыгнув, поймала одну из беззастенчивых сплетниц за хвост.

– Вот и обед! – злорадно сказала она. – Гляди, какая жирная пташка!

– Я не так жирна, как кажусь! – запротестовала несчастная птица.

Три другие, нервно каркая, грузно поднялись в воздух и улетели, тяжело хлопая крыльями.

– Если бы вы знали, какой гадостью я питаюсь! – проникновенно продолжала ворона, провожая улетевших тоскливым взглядом.

– Ничего, мы не из брезгливых! – утешила её охотница.

Каггла, расстелив мокрую одежду на траве, поморщилась:

– Ты будешь её есть?

– Уже ем, – отозвалась спутница, крепкими зубами откусывая вороне голову.

Кагглу передёрнуло от отвращения. Она внимательнее присмотрелась к своей напернице: грязная, со спутанными мокрыми волосами, из которых торчали гниющие водоросли, с губами, измазанными птичьей кровью, искусительница утратила свою красоту и больше напоминала безобразную ведьму. «Небось, ведьма и есть!..» – подумала Каггла. Но отступить теперь поздно.

– Мы немного промахнулись, – сообщила черноволосая, продолжая жевать, и ткнула грязным пальцем в сторону леса. – Нам надо во-он туда!..

Просушив одежду, они кое-как привели себя в порядок, и снова отправились в путь.

Когда они, наконец, вступили под сень векового леса, Каггла была потрясена: молчаливые гигантские деревья неохватной толщины вздымали свои кроны на немыслимую высоту, так что шум трепещущих листьев почти не был слышен внизу у подножий. Их узловатые ветви изгибались причудливыми волнами, а могучие корни, толщиной с человека, переплетаясь, уходили в землю до самого её сердца.

– Сколько же им лет? – зачарованная суровой красотой, прошептала горбунья.

– Они родились очень давно... – приглушённо отозвалась спутница, в её голосе слышался благоговейный трепет.

Они брели, с трудом пробираясь через древесные волны корней и молодую зелёную поросль. Каггла вдруг увидела странного зверька, в локоть высотой, одетого в блестящую коричневую шубку. По виду он смахивал на бобра, только вот ярко-жёлтые глаза его были чересчур большими и круглыми. Эти глазищи очень заинтересованно рассматривали путешественниц. Её товарка тоже заметила зверька и схватила палку.

– Кусачий? – испугалась горбунья.

– А то! – сердито отозвалась черноволосая. – Это – Грызля. Укусит, потом всю жизнь будешь только правду говорить.

Прикинув возможные последствия такого неудобства, Каггла тоже вооружилась, но Грызля всё равно последовала за ними, держась на расстоянии. Напрасно девицы по очереди грозили ей палками всякий раз, когда, оглядываясь на неё, спотыкались о камни: она только уморительно пищала в ответ:

– Брехушки! Брехушки! Брехушки!.. – и строила рожи. Потом ей это надоело, и она отстала.

Проплутав по лесу, они вышли на поляну, где торчал большой пенёк.

– Теперь гляди в оба! – предупредила провожатая.

Каггла замерла на месте. Лес тоже выжидающе притих... Со всех сторон из зелёных глубин таранились на них чьи-то призрачные глаза. Или ей так только казалось?.. Внезапно вверх взметнулись комья земли, и со всех сторон к ним устремились ожившие корни, на ходу увенчиваясь шипящими змеиными мордами. Каггла оцепенела... Ведьма вырвала клочок волос, и прошептала какое-то заклинание: тут же всё исчезло-успокоилось, как и не было!.. Ведьма шагнула к пню, но из густых ветвей сверху бесшумно спланировал крылатый, обросший рыжей шерстью козёл, и недобро выпучил красные зенки, преграждая ей путь.

– Шел с дороги! – рассердилась она. Каггла вцепилась в её руку.

Козёл в ответ оскалился:

– Зачем пожаловали?

Но тут из ветвей высунулась чья-то гнусная харя и прогундосила:

– Свои!.. Свои!

Козел топнул ногой и исчез.

Ведьма добралась до пня, зачерпнула из широкой трещины на деревянной макушке стоялой дождевой воды и побрызгала по сторонам, нараспев выговаривая непонятные, грубо звучащие слова.

Горбунью была мелкая нервная дрожь...

Пень, – огромный, старый пенёк – вдруг зашевелился... Послышались треск и пыхтение. В ветвях возбужденно зашелестели неразборчивые голоса. Пень, между тем, словно живой приподнялся на мёртвых, давно ненужных корнях, и взору спутниц открылся широкий, уходящий в тёмную глубину, лаз. Ни слова ни говоря, ведьма полезла в образовавшееся отверстие. Каггла последовала за ней, что еще ей оставалось?... Сзади замелькали неясные тени. Она зажмурилась и внезапно почувствовала под ногами пустоту. В спину ей ударила волна звуков, в которой самым невозможным образом смешались вой, плач, визг, хохот...

Она успела ухватиться рукой за развевающийся подол своей провожатой, и в кромешной темноте их с бешеной силой понесло почему-то вверх...

Встречный ветер свистел в ушах, обжигая распыленный в беззвучном крике рот. По лицу неожиданно хлестнули ветви, и вдруг перед глазами заплясала тёмно-жёлтая луна, а вслед за ней, кривляясь и подмигивая, неслись яркие звёзды, кажется, они даже пели что-то нестройное и разухабистое, и жутко – именно жутко! – весёлое... Горбунья давно уже выпустила из рук чужой подол, и свободно кувыркалась в ночном воздухе, словно осенний лист на ветру, и луна со своей свитой оказывалась у неё попеременно то в головах, то далеко внизу под ногами. Мимо, хохоча и повизгивая, проносились какие-то чёрные тени. Она почувствовала,

как внутри неё закипает пузырьками безумное веселье, смешанное со сладостной жутью, и захотелось, чтобы этот полет никогда-никогда не кончался!..

Потом луна и звезды исчезли, и она очутилась в огромной пещере.

Трескучие языки костра лизали блестящие своды, выхватывая из полумрака причудливые лики её обитателей. Многие из них были откровенно страшны, но попадались и довольно забавные рожицы. Рядом шумно дышала её проводница: ветер вздыбил ей черную гриву, и пряди волос торчали во все стороны, словно пики... Никто не обращал на них внимания. Собравшиеся вели себя чинно, точно званые гости, собравшиеся на большой семейный праздник. Между ними сновали на задних лапах большие ежи, обнося желающих объёмистыми деревянными кружками, в которых пенилась тёмная жидкость. Каггла постеснялась спросить себе, зато ведьма влила в свою утробу сразу две кружки подряд, и оконфузилась, звучно икнув, – при том изо рта её вылетел и громко лопнул большой радужный пузырь. Она торопливо прикрыла рот ладошкой, но икота не оставляла её – вылетела целая вереница пузырьков, и кое-кто уже откровенно похихикивал. Но тут очень кстати раздался чей-то громкий высокий голос:

– К столу, друзья!.. Прошу пожаловать к столу!

И вся честная компания, разом отбросив приличия, с шумом и гамом, дробно топоча лапами, устремилась вглубь пещеры, где стояли длинные столы, изнывающие под тяжестью съестного. В суматохе многих посбивали с ног и немножко помяли, но в конце концов, толкаясь и смешно переругиваясь, все расселись по местам, жадными глазами пожирая расставленные кушанья, возбужденно перешептываясь, и подталкивая друг друга локтями. Каггла почувствовала, что, оказывается, изрядно проголодалась. Слева от себя она обнаружила свою попутчицу, а справа... Грызлю. В ответ на её испуганный взгляд, Грызля расплылась в улыбке, и словно бы невзначай, обнажила ряд мелких острых зубов.

– Только попробуй!.. – предупредила горбунья, и для пушей убедительности показала соседке кулак.

Грызля обиделась и отвернулась.

В этот момент все разом притихли, и всё тот же звонкий голос произнес:

– Так наполним же кубки, друзья, добрым игристым вином, и воспоём славу покровительнице нашей Луне!..

Каггла увидела во главе стола толстого тролля, поднявшего в лапе кубок. Все одобрительно зашумели, поднялось радостное оживление, но тут вдруг в полу пещеры разверзлась зеленовато-багровая дыра, и полезли оттуда бледные, мерзкие создания, коим и не знают названия живущие под властью Солнца.

Костер тревожно замигал, потянуло гнилью и холодом, и Каггла ощутила, как в сердце заползает чёрный, сосущий страх: неведомо откуда, но осознала она, что вот *этих-то* и следует бояться!.. Её спутница дернула горбунью за руку и потянула под стол.

– Сиди тихо!.. – почти беззвучно приказала она.

Каггле приказаний и не требовалось – она даже дышать боялась!.. Зато остальная братия оказалась неробкого десятка: похватав, что под руку пришлось, всё застолье бросилось на пришельцев.

Завязалась жаркая схватка.

Каггла видела из своего укрытия, как сражались обитатели пещеры с подземными тварями – не на жизнь, а на смерть!

Один раз сунулась к ним под стол какая-то оскаленная морда: ведьма взвизгнула и ткнула её вилкой – попала, нет ли, но морда исчезла. Вдругорядь поползло прямо на них чудовищное создание с длинными клыками, но кто-то вовремя разбил ему голову – на горбунью, почти обеспамятевшую от ужаса, брызнуло липким и вонючим...

Ей казалось – прошли годы, прежде чем бледно-синяя лавина стала отступать, пятиться, и вот уже рваная зловещая дыра в полу совсем исчезла. В последний миг чьё-то большое и мягкое крыло задело ее по лицу, и она, не выдержав, упала в обморок...

Бархатные лапки сильно, но не больно похлопывали её по щекам. Открыв глаза, Каггла обнаружила, что это – Грызля.

– Спужалась? – радостно-ехидно спросил зверек.

Каггла отпихнула желтоглазую, и побрела отыскивать свою наперсницу.

Повсюду царил разгром: перевернутые скамьи и столы, битая посуда, клочья шерсти, оторванные хвосты и лапы. Горбунья шла осторожно, стараясь ни на кого не наступить. Взгляд её наткнулся на какого-то мохнатика, подобно остальным, он приводил себя в порядок: язычком пригладил шёрстку, потом щёлкнул пальцами, и в лапе у него блеснула штопальная иголка с суровой ниткой. Облизав иглу, – для дезинфекции – пояснил он, заметив её взгляд, мохнатик поднял свою другую лапу – оторванную, и стал пришивать её кривыми длинными стежками, ловко орудуя иглой. Закончил, завязал узелок, перекусил нитку зубами, и хвастливо пошевелил вновь обретенной конечностью перед носом изумленной зрительницы:

– Видала? Как новенькая! – и тут же предложил великодушно: – Давай тебе чего-нибудь пришью? У тебя хвост был или нет?

– Благодарю!.. – ответила Каггла, и торопливо отошла прочь.

Вскоре ей удалось отыскать свою напарницу – целую и невредимую – и, усевшись с нею рядышком на земляной пол, она долго ещё наблюдала разные удивительные вещи.

Вновь жарко разгорелся огромный костер. Все раны были зализаны, пол подметён, столы расставлены, и давешний тролль – его заплывшая физиономия стала несколько шире, – весело воскликнул:

– Р-раз!.. Два!... Тр-р-ри!!!.. – и на столах вновь появилась посуда, наполненная аппетитной снедью.

Все снова расселись, как ни в чем ни бывало, приняли по первой, – и пошел пир горой!

Каггле кусок не лез в горло.

– А они не вернуться? – опасливо спросила она у соседей.

– Не-а!.. – весело заверил её сидевший напротив рогач. – Теперь не сунутся до следующего Празднолуныя. Мы их каждый год мутузим...

– Мы с ними не водимся! – просюсюкал его сосед слева, детский голосочек которого совершенно не вязался с внешностью – детям с ним бы не встречаться! – Они в прошлом году всё наше пиво выхлебали!..

Горбунья всё равно никак не могла успокоиться.

– Выпей вина!.. – посоветовали ей.

Она послушалась... Хмельная терпкая влага приятно обожгла пересоший рот и горло, горячей волной скатилась в самую середку, и оттуда теплом ударила в голову. Каггла успокоилась, развеселилась, и налегла на угощение, не разбирая уже с прежней придирчивостью, что перед ней – куриное крылышко или жабья лапка... Ведьма заботливо подливала ей в кубок – и она уже чувствовала вращение земли. Выпили с мохнатой Грызлей «на брудершафт», и та говорила, кокетливо поводя глазницами, – а вот, мол, я тебя укушу! – на что горбунья ей ласково отвечала: а не пошла бы ты?...

Вдруг забухали большие барабаны: бумс...бум-м-мс!.. К ним присоединились пузаны поменьше, и медные тарелки рассыпали замысловатую трель: тремс-тремс... Это было Каггле в пору! Ноги её задвигались, она приподнялась было на скамье, не в силах больше оставаться на одном месте, но тут вступили скрипки – визгливо и задорно... Загудел тягучий контрабас, запищали всевозможные дуделки... На горбунью обрушилась музыка!.. Разудалая, чуть непристойная, слегка спотыкающаяся, – и музыканты ведь отведали вина! – она стала для Каггла

откровением. Незнакомое доселе чувство охватило ее душу – и она отчего-то коротко и сладко разрыдалась.

А вокруг – бесновалась дикая пляска!

И её схватили за руки, втянули в круг, где скакали, прыгали, вопили, рычали, смеялись... Всё помчалось куда-то, увлекая в нескончаемый круговорот. Вихрем пронеслась мимо ведьма, изгибаясь, в обнимку с каким-то козлоногим – полуобнаженная, бесстыжая, с развевающимися волосами... Всё вертелось у горбуни перед глазами, музыка текла вместо крови по её жилам, и она уже не чувствовала себя.

Знакомый высокий голос вдруг завопил, перекрывая все звуки:

– А ну, кто тут хочет стать красивой?!..

– Я!!! Я... Я! – умоляюще вскрикнула Каггла, боясь, что её не услышат.

В руках у тролля оказался кузнечный молот, десятки лап проворно схватили её и растянули на огромном барабане. Сотни рож, кривляясь, захороводились вокруг, сливаясь в сплошное ухмыляющееся и орущее кольцо. Скрипки поддали жару, взлетая на самые пронзительные высоты. Троль, ухнув, взмахнул тяжёлым молотом – вспыхнули и посыпались багровые огни! И она уже не знала, то ли это лупят в барабаны, то ли молот бухает по ненавистному горбу, то ли так оглушительно бьётся её собственное сердце...

– Там трое незнакомцев у ворот, – сказала Орфа, спускаясь в Кухню. – Спрашивают хозяев.

– Что им нужно? – недовольно спросил Папа. За столом против него с кружечкой пива сидел, похожий на французского бульдога, Рэг Шеридан – комиссар полиции, рядом с ним – не улыбочивый человек в штатском, сильно смахивавший, если так же сравнивать с представителями собачьего мира, на добермана. – Скажите Бабушке, пусть пошлет их к черту!..

Папа, обычно очень вежливый и корректный, был сильно не в духе: господа, сидящие за его столом, очень хотели знать, куда же все-таки делся Юлиус Брюгер – тот самый с тараканьими усиками, жена которого, рыжая Рита, всхлипывала в кружевной платочек за другим концом стола.

– Послушай, Виктор, – говорил Шеридан, – мы с тобой старые друзья, и мне не хочется, чтобы у вас были неприятности.

– Боже мой! – в очередной раз нервно восклицал Папа. – При чём же здесь мы?! Даже если допустить, что этот болван без спроса полез в подземелье...

– Полегче! – возмутилась Рита, выжимая платок. Штатский брезгливо поморщился.

– Гм... Даже если этот... этот господин – поправился Папа, – вдруг полез в подземелье, то почему я должен за него отвечать?.. Скорее уж мы являемся потерпевшей стороной: налицо нарушение прав частной собственности! Репутация семьи страдает!.. Мои адвокаты найдут, что сказать, уж будьте уверены!..

– Я в этом не сомневаюсь, дружище, – улыбаясь, заверил комиссар. – Но согласись: не слишком ли часто в твоём доме происходят странные вещи?

– Не слишком!.. – упрямо отрезал хозяин. – Лостхед всегда этим славился, и ничего! Кому не нравится – скатертью дорога! – и он сердито посмотрел на всхлипывающую женщину.

В глубине души ему, конечно, было жаль бедняжку, но он надеялся, что её муженёк вскоре отыщется где-нибудь, как это случилось прошлым летом с группой шведских туристов. Нахальные скандинавы тоже тайком полезли в подземелья Замка, и их отыскивали потом, одичавших от голода, милях в двадцати ниже по течению реки в состоянии временного помрачения рассудка. Придя в себя, они так и не смогли вспомнить, что же с ними приключилось.

– Скатертью дорога!.. – повторил он. – К тому же, ещё не доказано, что он пропал именно в Замке. Брюгер мог отправиться в Лес или связаться с кем-нибудь в городе... Мало ли у нас мошенников!

– Брюгер искал Провалы, – понизив голос, строго сообщил штатский. – Корпорация очень в этом заинтересована! – и добавил: – Путешествия во времени или в параллельных мирах – вы представляете себе, *какие это деньги?*

Шеридан при этих словах выразительно покосился на Риту, но штатский отмахнулся:

– Она тоже из секретного отдела.

– Шпионы в моем доме?! – вскипел Гилленхарт.

– Вы, как один из ведущих менеджеров Корпорации, тоже должны быть в этом заинтересованы, – отрезал штатский.

– Извините!.. – начал было Папа, набычившись, но Шеридан перебил его:

– Давайте всё же вернемся к сути нашего разговора. Пропавший несколько недель тому назад Бриксель, ваш дедушка, он ведь исчез здесь, в Замке?..

– Он мне, слава богу, не дедушка! – почему-то обиделся Папа. – Еще чего не хватало!..

«Французский бульдог» начал терять терпение, но в этот миг в холодильнике что-то зашумело, его дверца медленно распахнулась, и глазам присутствующих предстал дедуля собственной персоной: окутанный облаком холодного пара, румяный и донельзя довольный.

– Давайте ручку, моя курочка... – весело квохтал старичок, уговаривая кого-то, скрытого от взоров онемевшей четверки распахнутой дверцей. В ответ слышалось застенчивое неразборчивое бормотанье. – Осторожненько, моя прелесть... – щебетал дедок, и вслед за ним в Кухню величественно вступила огромная женщина в полном боевом облачении древних викингов. Рогатый шлем и топор на длинной ручке довершали картину.

«В недобрый час я вспомнил шведов...» – подумал Папа.

«Пора в отпуск!..» – подумал комиссар.

О чем подумал штатский – никто не узнает. Профессия, знаете ли...

Одна только Рита не задумалась ни на секунду: в три прыжка она оказалась у холодильника, едва не сбив с ног великаншу, и просунула голову внутрь. Увы, глазам её предстали ровные ряды никелированных полок, уставленные всякой всячиной.

Новоявленная воительница, недвусмысленно помахивая топором, грозным взглядом обвела почтенную публику. Всем стало как-то неуютно...

– Ласточка моя, идёте! – просюсюкал Дедушка, нежно касаясь её локтя. Наткнувшись на него взглядом, «ласточка» медленно просияла.

– Идём, мой повелитель! – басом проворковала она, и, подняв дедулю на руки, медленно покинула сцену. То есть, Кухню.

– Один нашелся, – хрипло прокомментировал Папа, когда, наконец, обрел дар речи.

– Какая женщина!.. – просипел штатский.

– Кто? – не понял комиссар.

Рита в углу ожесточенно потрошила внутренности холодильника...

Тем временем Бабушка разговаривала на крыльце с тремя неизвестными молодыми людьми. Одеты в шорты и маечки, в модных цветных очках, длинноволосые и хорошо сложенные, они походили на тех завсегдатаев какого-нибудь супер популярного ночного клуба, пляжных бездельников или романтиков без определенных занятий, коими Город обычно бывал наводнён летом.

Но эти представились членами Королевского географического общества.

– И что же вы хотите?.. – спросила старуха.

– Мы ловим привидения. Слыхали, у вас есть одно... – без обиняков заявила троица, указывая на тяжёлые сумки, сваленные у ворот.

– Оно нам совсем не мешает! – отрезала бабуся. – Лучше бы вы ловили мышей... – и закрыла дверь. Но через секунду ей пришлось открыть её снова.

– Что вам угодно, молодые люди? – спросила она так, словно видела этих юнцов первый раз в жизни.

– Мы хотели бы всё же продолжить наш разговор, – вежливо, но твёрдо заявил один из них, убирая палец с кнопки звонка.

– О чём? – любезно поинтересовалась Бабушка.

– Мы уже объясняли, что занимаемся ловлей привидений... – начал тот, что звонил.

– Да-а?!.. – очень искренне удивилась Бабушка. – И что?

Парни переглянулись.

– Мы их ловим и изучаем, – терпеливо продолжал говоривший. – Поэтому хотели бы провести некоторые исследования в вашем Замке. У нас есть все необходимые документы и рекомендации. Мы, разумеется, понимаем, что причиним Вам некоторые неудобства, поэтому готовы это щедро компенсировать на ваших условиях...

– Зачем?.. – перебила его старуха. – Зачем вам *моё* привидение?.. Убирайтесь, или я вызову полицию!

Она закрыла дверь, и после продолжительного звонка предыдущая сценка разыгралась снова: Бабушка была хорошей актрисой.

– Мадам, – вмешался наконец в разговор другой парень, отодвигая в сторону своего приятеля, терпение которого явно уже было на исходе, – может, вы просто сдадите нам комнату? – и послал ей такую очаровательную улыбку, какой не удостаивалась, вероятно, ни одна из его подружек.

Женщины тем главным образом отличаются от мужчин, что остаются таковыми до самой смерти, в то время как последние чаще всего превращаются в существа бесполое. Бабушка не была исключением из правил – её сердце дрогнуло, и она позволила незнакомцам пройти в холл.

– Присядьте здесь, – предложила она, указывая на широкий кожаный диван, – придёт хозяин – побеседуете с ним.

Папа, сильно озадаченный последними событиями на Кухне, появился минут через сорок. Уяснив суть дела, он, к ужасу Бабушки, сразу согласился, особенно, когда гости передали ему рекомендательное письмо от одного из его университетских друзей.

– А мне надоело, что оно вечно ноет и гремит цепями у меня за стеной! – заявил Папа в ответ на её протесты. – Особенно, когда у меня приступ радикулита!

– Но, Виктор! Если это – призрак барона? Как можно обидеть предка?!

– Тем более! – отрезал Папа. – Хоть скажет, куда дел свои сокровища, жмот!.. И вообще, поднимитесь-ка лучше к Дедушке: ваш племянничек, по-моему, женился. Или только собирается...

Бабушка одарила строптивного потомка ледяным взглядом и удалилась.

– Ей надо подобрать какую-то приличную одежду! Не может она ходить по городу в таком виде!.. – говорила тетка Люсильда, нервно расхаживая по гостиной.

Остальные тётушки, рассевшись на диванах, согласно кивали головами.

– Нет, почему же? – смеясь возражала им Кора Амстьен, занимавшая совершенно противоположную позицию, и словно бы вследствие этого – кресло у другой стены. – Она прекрасно смотрится! Не нужно ничего менять – она так своеобразна и неповторима!

– К тому же, скоро Карнавал, и в Городе полно ряженых! – преданно поддакнул Красавчик, сидевший на маленьком пуфике у её ног.

– Вы говорите совершенно невозможные вещи! – сердилась Люсильда. – Вам лишь бы из всего устроить балаган!

Молодых неожиданно поддержал дядя Винки:

– Вряд ли вы сумеете подобрать что-нибудь подходящее по размеру на эдакого монстра! – заявил он, оторвавшись от газеты.

«Монстр», о котором шла речь, находился тут же: стоя возле окна, пришелица из холодильника невозмутимо переводила взгляд с одного говорившего на другого. Рядом суетился Дедушка.

– Винсент! – прошипела в ответ тётка Люсильда, заметив, что дедушкина пассия переложила боевой топор из-за пояса в руку. – Выбирайте выражения!

– Я просто называю вещи своими именами! – упрямо стоял на своём дядюшка. Но на всякий случай отодвинулся подальше вместе с креслом, в котором сидел.

После жарких споров сошлись на том, что всё-таки лучше будет, если Дуния, так звали дедушкину возлюбленную, наденет что-нибудь «более подходящее». Но тут возникло новое препятствие:

– Чтобы я сменила одеяние воина на тряпки?! – грозно переспросила Дуния, вытягивая руку и лезвием топора чуть приподымая подол тётушкиной юбки. Звон металла в её голосе подсказал остальным, что, пожалуй, лучше не продолжать дискуссию.

Но тетка Люсильда не собиралась сдаваться:

– Эти, как вы изволили выразиться, тряпки, от самого Диэнжа, и стоят кучу денег! И уж поверьте, дорогая валькирия или как вас там, но в них вы будете смотреться куда лучше!

– Кучу денег за тряпки с чужого плеча?

– В самом деле, моя курочка, – неожиданно подал голос Дедушка, – так было бы гораздо лучше!

– Надо же! – фыркнул Красавчик, и голосом ведущего новостей сообщил: – На планете Маразмус обнаружались признаки разума! Интересно, где же это побывал наш дедуля, что ему так подправили мозги? И не только...

– Даниэль! – вновь зашипела Люсильда, теперь уже на сына.

– Что она все время шипит, эта женщина в чужих обносках? – поинтересовалась воительница. – Может, укоротить немножко её змеиный язык? – и сделала шаг вперед. Дедушка тут же повис у неё на локте:

– Успокойтесь, моя душечка! Успокойтесь, моя прелесть!

«Прелесть» нехотя подчинилась. Боевой топор переключался обратно за пояс. Расстаться же с ним совсем «душечка» отказалась наотрез. Даже когда делегация тетушек во главе с Люсильдой погрузилась в нанятый экипаж, чтобы отправиться в салон модной одежды. Из-за топора Дунии пришлось добираться туда пешком. Впрочем, она бы и так не влезла. Разве что вместо лошади... В качестве почетного эскорта с ней отправили Рио на велосипеде – больше никто не согласился.

Теперь представьте себе картину: дородная великанша, гордо шествующая прямо посреди мостовой – солнце играет на всхолмьях кольчуги, ослепительно сверкает рогатый шлем, блеск оружия, сотни русских косичек вздрагивают на необъятной спине в такт тяжелым шагам... Дрожат стёкла витрин, бутылки шампанского на столиках кафе открываются сами собой, женщины ахают, мужчины столбенеют, кое-кто бросает к её ногам цветы, звенят возмущенные трамваи...

Надо ли говорить, что к месту назначения Дуния и Рио прибыли в сопровождении толпы зевак, намного опередив экипаж с тетушками?

В магазине их появление произвело не меньший переполох, чем на улице. Но сказала профессиональная выучка персонала, и минут через десять всё пошло как обычно.

Тётушки расселись перед маленьким подиумом, а для почётной гостьи хозяева салона выделили огромное кожаное кресло. Посетительницам предложили кофе. Заученно виляя бедрами, заскользили манекенщицы; засновали туда-сюда вежливые продавщицы с гроздьями вешалок...

Рио стало скучно – она вышла на улицу. И вовремя: какой-то шустрый рыжий малый лет двенадцати как раз оседлал её новенький велосипед.

– Стой!!! – завопила девочка.

Но не тут-то было: воришка приналёг на педали, и вихрем скрылся за углом.

Рио бросилась за ним и тут же полетела на асфальт, споткнувшись о неожиданное препятствие. Поднявшись, она хотела бежать дальше, но над ней, ухмыляясь, возвышался Хендря Свинус.

– Привет!..

Рио поняла, что он сделал ей подножку. В другое время она обязательно бы проучила наглеца, но сейчас ей было не до того – подарок Бородатого уплывал из рук! Свинус же был не прочь продолжить разговор:

– Я гляжу, твои предки занялись разведением динозавров! Или это твоя очередная тётушка?

Компания таких же тощих и длинных юнцов за его спиной противно загоготала.

– А ты, я погляжу, занялся разведением прыщей!.. – парировала Рио, и внезапно сильно боднула его головой в живот. Свинус так и не научился за долгие годы их вражды быть начеку – и снова за это поплатился. Пока он с выпученными глазами, хватая ртом воздух, сидел на тротуаре, девчонка ловко проскользнула между его приятелями, и помчалась вслед за похитителем.

По счастью соседняя улица была запружена густой толпой прохожих, блестящие спицы её двухколесного друга мелькали совсем недалеко, и Рио воспрянула духом. Ей было гораздо удобнее лавировать между гуляющими, нежели велосипедисту, и расстояние между ними немного сократилось. Но похититель достиг перекрестка и оттуда свернул в боковой переулок. Плутишка петлял по улочкам, Рио бежала за ним уже из последних сил, а он, дразнясь, не очень-то и торопился, порой даже останавливаясь и подпуская её поближе. Ему явно нравилась эта игра...

Опомнилась она только когда обнаружила, что находится уже на другой стороне реки – за Старым мостом.

Местность вокруг почему-то была ей незнакома: старые домишки, пыльная дорога, бурьян... Из-за покосившихся заборов отчаянно лаяли собаки... Озираясь по сторонам, Рио невольно сбавила скорость и пошла шагом, успев заметить, что её велосипед мелькнул впереди, сворачивая к одному из домов в конце улицы. У неё нещадно колото в боку, каждый вздох раскаленным свинцом наполнял лёгкие, во рту появился неприятный металлический привкус, но она упрямо следовала вперёд: чего-чего, а упорства ей было не занимать.

Добравшись до того дома, она толкнула калитку... Велосипед сиротливо валялся прямо посередине большого неухоженного двора: переднее колесо смято, словно угонщик со всего размаху налетел на камень, руль вывернут, заднее колесо ещё вращалось, зияя щербинками выбитых спиц... Рио закипела и решительно вступила на чужой двор. Тут же раздалось низкое ворчание: из грязной конуры наружу выбрался большой чёрный пес. Скаля желтые зубы, он недобро помаргивал заспанными глазищами, но на его шее красовалась тяжёлая толстая цепь, и Рио храбро двинулась вперёд. Пес потянулся, зевнул, и, продолжая ворчать, лёг у калитки, преграждая ей путь к отступлению.

– Ладно!.. – сквозь зубы процедила девочка и, подняв изуродованный велосипед, направилась к дому.

Она собиралась постучать, но тут вдруг чей-то гортанный голос спросил:

– Ищешь кого?..

Рио обернулась: в тени раскидистого дерева стояла высокая стройная женщина в цветастой одежде:

– Зачем пришла? А?..

– Я ищу мальчишку, укравшего мой велик! – с вызовом ответила девочка.

Женщина вышла из тени и Рио обнаружила, что она совсем не молода, а наоборот – очень и очень стара. Тёмная морщинистая кожа дряблыми складками налипала на тонкие кости, совершенно лишённые мяса; безгубый рот – словно незаживающая рана среди острых, изъеденных временем, выступов скул и подбородка; но больше всего поразили девочку глаза старухи – точно две тусклые серебряные монетки, вдавленные в усохшую кожуру век.

– Не затем ты сюда пожаловала! – возразила старуха. – Нет. Ко мне просто так не приходят. Да только тебе я ничего не скажу, мала еще судьбу ворожить! Лет через десять приходи... – и тихонечко рассмеялась, будто сухой горох рассыпала.

Рио поняла, что вряд ли узнает у странной старухи что-нибудь путное, и повернула обратно к калитке. Чёрный пес угрожающе привстал ей навстречу.

– Отзовите, пожалуйста, вашу собаку! – попросила она.

– Собаку? – переспросила старуха, не оборачиваясь. – Какую собаку?

Рио нахмурилась: всё и так было неважно, а теперь и вовсе...

– Чёрную собаку у калитки! – почти грубо пояснила она.

– Как?! – по голосу старой женщины было заметно, что она очень удивлена.

Она повернулась и как-то вдруг очутилась у калитки: только что была у крылечка дома – и вот уже стоит около будки, трясущимися руками ощупывая цепь и холку собаки. Рио поняла: старуха – слепая.

– Иди-ка сюда, деточка, – и не успела она придумать что-то в ответ, как старуха уже была возле неё.

Цепкие сухие пальцы пробежали по волосам, быстро ощупали лицо, потом старуха схватила её руку и провела по линиям ладони.

Рио осторожно высвободилась и отступила назад. Но старуха вдруг очутилась у дома и, не растворяя двери, исчезла. Пес у калитки залаял – зло, хрипло...

Рио бросилась за старухой. Толкнув ветхую дверь, она залетела внутрь: на неё пахнуло нежилым. Дом был пуст и заброшен – прогнившие половицы, выбитые окна. И никого.

По-хорошему, ей бы повернуться и уйти. Но вместо того она зачем-то позвала тихонько:

– Эй! – и, не дождавшись ответа, несмело пошла вперёд.

Затаив дыхание, Рио исследовала пустые комнаты: пыль и тлен. В окно видно было, что солнце совсем уже низко – пора в обратный путь. И тут что-то блеснуло на полуразрушенной каминной полке. Она сделала шаг – и полетела вниз...

Как ей удалось остаться невредимой?..

Оценив расстояние от дна погреба, где она очутилась, до дыры у себя над головой – злую шутку с ней сыграли гнилые доски – Рио поняла, что выбраться самостоятельно будет нелегко. Сначала она стала звать на помощь, но потом ей пришлось в голову, что в таком месте может обитать кто-нибудь пострашнее слепой старухи. От этой мысли стало гораздо хуже, и Рио тотчас перестала вопить. Глаза уже привыкли к полутьме и она тщательно исследовала свою темницу. Наверху вдруг раздался шорох... Рио испуганно вскинула голову, инстинктивно прижавшись к стене. Ей показалось, будто в провале наверху мелькнула чья-то тёмная круглая голова, точно кто-то заглянул в дыру, но как она ни прислушивалась, больше не донеслось ни звука... Ей стоило большого труда заставить себя вновь пошевелиться.

Вокруг валялась куча всяких обломков – остатки мебели, старые доски... Пленница принялась стаскивать их в кучу у стены, пытаясь соорудить некое подобие пирамиды. Когда она была почти готова, один из ящиков сверху полетел вниз, увлекая за собой остальные. Рио рассердилась и её страхи мгновенно куда-то улетучились. Ящик тяжело ударился оземь и раскрывлся. Из него посыпалась труха. Она заглянула внутрь.

Там были книги. Она взяла одну и та рассыпалась в прах. Рио осторожно закрыла крышку ящика. Наверху стало темнеть и здесь, в земляной ловушке, она уже не могла толком рассмот-

реть, что же такое попало к ней в руке. Ясно одно, книги очень старые... Она прикинула, что не сможет вылезти наверх вместе с ящиком. Значит, придется вернуться сюда потом. Если она, конечно, вообще отсюда выберется... Последнее соображение заставило её вскочить на ноги. Наконец, кое-как взобравшись на своё шаткое сооружение, она дотянулась до края дыры, и выглянула наружу. Никого не было... Тогда Рио осторожно спустилась вниз, стараясь не разрушить собственную работу, и снова заглянула в тот ящик. Хотя в нем и не оказалось сокровищ, но ей было ужасно жаль оставлять свою находку. К тому же в книгах могло быть что-нибудь интересное. Едва касаясь, она ощупала переплет верхней из книг, – он показался ей прочным. Аккуратно, точно сапёр мину, Рио вытащила книгу и спрятала под футболку. Передвинув ящик в угол, где было потемнее, она вылезла наверх.

Выбравшись, Рио какое-то время сидела на краю пролома, тупо глядя перед собой. Блестящая вещица, из-за которой она чуть не сломала себе шею, оказалась, как она рассмотрела со своего места, всего-навсего кусочком зеркала. «Вот уж правду говорят, что осколки зеркал приносят несчастья!..» От реки донесся пароходный гудок, и всё вокруг тотчас стало обыденным: просто старый-старый дом, тихо доживающий свой век вслед за неведомыми хозяевами... Слепая старуха? Полно, да была ли она? Рио вздохнула, поднялась, отряхнулась: так перепахкалась, что стыдно будет идти по улице... Чего её вообще сюда понесло?..

Догорающий солнечный луч упал на разбитое зеркало, и если бы Рио в тот момент оглянулась, то увидела бы, как оттуда смотрит ей вслед чей-то немигающий глаз. Но она ушла, не оглядываясь.

– Император мертв!!! – истошный вопль расколол жаркий летний день надвое. Сотни глаз мгновенно оборотились туда, где на берегу реки колыхался императорский штандарт. – Император – мертв?.. Мертв?! – и зловещий шепоток змей расползался над измученным долгим переходом воинством крестоносцев.

Людская масса всколыхнулась, устремляясь к берегу; конные в суматохе давили пеших, и крики раненых смешались с тревожным ржанием лошадей. Воины из числа личной охраны императора мгновенно образовали кольцо вокруг неподвижного тела своего повелителя. Боевая выучка помогла им сохранить видимость спокойствия, но и в их лицах читались испуг и смятение: ещё несколько минут назад их господин, усталый, но довольный, спустился к реке – окунуться после многочасового изнуряющего марша по враждебным дорогам чужеземья – и вот он, бездыханный, лежит на песке и капли воды стекают по его еще тёплым щекам, по рыжей бороде, собираются во впадинах вокруг глаз, неподвижно устремленных в небо, и оттого кажется будто император – великий император! – плачет, и это-то хуже всего!

А толпа всё сильнее напирала на выставленные копыя: брань, крики, стоны!..

– Они задавят нас, – тихо проговорил один из стражей другому.

– Назад! – грубо закричал его товарищ. – Назад, вы, свиньи!..

Но толпа напирала, и внезапно ближайший к нему человек грудью упал на выставленное копыё.

– Своих режете!.. – вскрикнули в толпе, и тотчас засверкали кое-где обнажённые мечи.

Стража императора изготовилась к неравному бою – они бы дорого продали свои жизни, внезапно обесцененные нелепой и трагической гибелью императора, но тут ряды наступавших заколебались и к оцеплению пробились пятеро. Четверо из них по виду были знатными вельможами, пятый же, самый старший, был одет в старую рясу. Но именно он заставил обезумевшую толпу отодвинуться на почтительное расстояние от оцепления:

– Именем Господа нашего!.. – он заговорил негромко, но слова его были услышаны всеми, кто находился в тот час на берегу злополучной реки. – Заклинаю вас: опомнитесь!.. Разойдитесь по местам своим, готовьтесь к ночлегу. Выставьте часовых, снарядите дозоры, разожгите костры – да мне ли учить вас?... Враг рода человеческого уготовил нам новое испытание! При-

мом же его с достоинством, ибо император взирает на нас – да-да! – он взирает теперь с Небес, находясь подле Спасителя. Так неужели мы заставим его страдать из-за нашего малодушия?..

Пока монах говорил, тело императора подняли на импровизированных носилках, наспех сооруженных из плащей и копий, и несколько воинов понесли его к шатру. Императорская стража последовала за носилками, держа мечи наготове, но этого уже не требовалось: притихшая толпа безмолвно расступалась перед печальной процессией. Последним шёл человек в рясе.

Но едва носилки скрылись из виду, как паника вновь охватила войско.

Волнения продолжались всю ночь. Наутро оказалось, что некоторые знатные сеньоры самовольно покинули лагерь, уведя своих людей; несколько же рыцарей покончили с собой: кто-то оказался не в силах вынести страшного известия, и посчитал, что таким образом Господь указывает им на тщету их усилий, а кто-то в приливе религиозного фанатизма просто решил последовать за императором.

Те же пятеро, что предотвратили кровопролитие у реки, провели всю ночь в шатре у тела погибшего, над которым колдовали придворные лекари.

– Без сомнения, виной всему жара и возраст, – заключил один из них. – Вероятно, с императором приключился удар, он потерял сознание, упал – и захлебнулся...

– Или бурное течение просто сбilo его с ног, – возразил другой, – а тяжёлые латы не дали ему подняться.

– Течение не такое уж сильное!

– Оставим пустые разговоры – они не вернут нам ушедшего, – вмешался в спор монах. – Делайте своё дело: покойного нужно хорошенько забальзамировать и подготовить к дальней дороге... Вы, Гельдербрихт, – он указал в сторону одного из спорщиков, – распорядитесь насчёт гроба и прочего, отберите людей, из числа самых надежных и смелых, что будут сопровождать тело... А вы, – он указал на второго, – возьмите своих людей и установите контроль над лагерем. Паникеров – вешать, болтунов – под стражу... Эта новость скоро дойдет до неприятеля и тогда нам придется несладко. Дезертиров – не останавливать: лучше избавиться от них сейчас, нежели они подведут нас потом.

Отдав эти распоряжения, – остальные выслушали его безропотно, словно человек этот обладал какой-то тайной властью или силой, – он вышел наружу. Склонившись к одному из солдат, стоявших на страже, он шёпотом отдал ему какое-то распоряжение, тот кивнул и исчез в ночи. Человек в рясе немного задержался на месте, пока его глаза привыкли к темноте, и осторожно двинулся вслед за ушедшим. Стараясь держаться подальше от костров, вокруг которых сидели и лежали солдаты, он бесшумно, точно кошка прошёл через весь лагерь – к маленькой палатке, которую караулили два дюжих молодца. Завидев монаха, один из них молча откинул её полог и вместе с ним скрылся в её чреве.

В ноздри вошедшим ударил нестерпимый запах палёного мяса. Там, к опорному шесту был привязан человек. Окровавленный, изуродованный, он мало чем походил на того весельчака и балагура, каким был всего несколько часов назад. Позади него копошились двое, перебирая разные металлические предметы, один вид которых мог заставить человека слабодушного сознаться в чём угодно.

– Не можете без крови, ироды! – зло выдохнул монах. – Сказано же: не должно проявлять чрезмерной поспешности в применении пытки, ибо к ней прибегают лишь в отсутствии других доказательств...

– А у вас они есть, господин Фурье? – осведомился один из палачей. В его голосе слышался вызов.

Монах молча подошел к нему вплотную – тот попятился. Их взгляды скрестились, и истязатель не выдержав, отвел глаза.

– Развяжите его, – негромко велел монах, – и ступайте все вон.

Приказание было исполнено тотчас же. Оставшись наедине с пленником, рухнувшим навзничь прямо у шеста, Фурье зачерпнул маленьким ковшиком воды из кожаного ведра, стоявшего тут же, и вылил ему на голову. Несчастный открыл глаза, застонал и зашевелился, пытаясь сесть. Носком сапога монах перевернул его на спину, и присел рядом с ним на корточки.

– Говори же теперь, Якоб, – спокойно приказал монах, точно они сидели где-нибудь в таверне за кружечкой пива. – Говори, иначе...

– Что? – пытаясь улыбнуться разбитыми губами, передразнил его Якоб. – Что ещё ты можешь мне сделать, чего не успели твои дружки?

– Они истерзали твоё тело, – дружелюбно объяснил монах, – а я выну душу. Поверь, это куда хуже.

По лицу несчастного пробежала судорога, его затрясло.

– Знаешь, – прошептал он, – я очень люблю жизнь, но теперь молю Господа, чтобы она поскорее кончилась!

– Зачем же? – миролюбиво возразил Фурье. – Ты ещё поживешь, и неплохо. Если будешь со мной откровенен. Император любил тебя, и ты всегда был его преданным слугою, так что же случилось?

– Жить мне незачем! – упорствовал Якоб. – Император погиб, а *она* – исчезла... Всё кончено.

– Значит, всё-таки *она*... – подытожил Фурье. – Я так и думал.

Якоб не ответил и отвернулся. Аббат схватил его за волосы и силой развернул к себе. Сжав лицо пленника в ладонях, он впился взглядом в его глаза. Тот скорчился, по его лицу покатился кровавый пот.

– Не надо!.. – взмолился, наконец, несчастный. – Я расскажу!

Перед его мысленным взором встал далёкий зимний день: низкое бледное солнце, раскисшая дорога, голые поля... Во главе небольшого отряда он рыскал тогда по окрестным деревенькам в поисках съестного. Крестьяне роптали, а кое-где встречали их с вилами в руках – год в этих краях выдался неурожайным, как и предыдущие два. Люди мёрли точно мухи. Над обочинами дорог кружились стаи воронья – им-то пищи хватало! Они наткнулись у одной деревни на толпу местных. Его солдаты потянулись было к оружию, но оказалось, что те просто собирались сжечь ведьму: в руках двух дюжих вилланов билась худенькая девушка, по виду – бродяжка, каких немало встречалось в иссушенной голодом провинции. В деревне давно творилось неладное – то передохла почти вся птица, то коровы перестали давать молока, то привязывались к людям странные болячки. А потом на дворе кузнеца закричала вдруг петухом остатняя курица – и тут-то кое-кто поумнее и смекнул, что все несчастья свалились на них с тех пор, как нанялась к нему в батрачки пришлая сирота. Сразу нашлись свидетели, выдавшие, как она чёрной кошкой шмыгала по дворам, и судьба бедняжки была решена, ибо оправдаться ей было нечем – она была немая.

Но иной раз не нужны никакие слова – достаточно только взгляда... И напрасно божились самые болтливые из охотников до простых развлечений, и напрасно нищий попик, потрясая нательным крестом, грозил ему небесными карами: под неодобрительными взглядами товарищей, он втащил её на седло, легкую, точно пушинка, и они умчались прочь.

Он так и не узнал её имени. Она так и не стала его женой – не дала даже притронуться к себе, но он исполнял любой её каприз, любую прихоть, – немая оказалась с норовом. Он тратил на неё всё своё скудное солдатское жалованье, а она была точно каменная – ни разу не улыбнулась ему, ни разу не взглянула ласково. Разве только когда он увозил её от разъяренной толпы... Тогда, во время бешеной скачки, она повернула к нему бледное лицо – и губы её дрогнули, будто она хотела улыбнуться, да не умела, а в глазах её стояла печаль, словно знала она заранее про то, что чуть не случилось с нею, и ждала его – спасителя – и ведала уже, чем кончится их дорога.

Вскоре после их встречи ему пришлось оставить королевскую службу, и перебраться в другие края – слишком много сплетен распускали досужие языки, да и в церковь его спасённая отказывалась ходить наотрез. На новом месте их жизнь тоже не заладилась, и он стал иной раз подумывать о верёвке, но тут Папа благословил очередной крестовый поход, и Якоб собрался в дорогу – неумоготу ему было оставаться дома. Но немая собрала узелок, купила осла, и увязалась за ним.

Якоб всегда был хорошим рубакой, а теперь и подавно – ведь смерть уже не страшила его. В одной из стычек с сарацинами он спас императору жизнь – и тот приблизил его к себе. Кажется, судьба вновь повернулась к нему лицом: в карманах зазвенело золото, новые товарищи уважали его за храбрость, он снова научился смеяться. Немая по-прежнему находилась при нём: ухаживала за ним, обшивала, обстирывала. Он говорил остальным, что это – его сестра. Он научился находить утешение в объятиях других женщин – она же была для него вроде ангела, но одного своего приятеля он зарубил насмерть, когда тому вздумалось приударить за ней. Свидетелей ссоры не оказалось, и убийство сошло ему с рук... Потом она исчезла. Кто-то сказал, будто её видели у королевского шатра, но на следующее утро император погиб, а его самого схватили неизвестные...

– Тебя водили за нос, мой друг, – сказал монах, выслушав краткую исповедь солдата. – Эта бестия прекрасно умеет говорить. Ну, попадись она мне, уж я бы развязал ей язык, клянусь всеми святыми! – и пробормотал себе под нос: – Но теперь наверняка уже поздно... Ах, поздно!.. Как же я мог прозевать!..

В палатку вошел молодой человек.

– Вы посылали за мной, святой отец?

– Да, Юстэс, – аббат с трудом поднялся на ноги. – Выяснились новые обстоятельства, и мне не на кого рассчитывать, кроме тебя.

Разговаривая с юношей, монах повернулся спиной к лежащему на полу солдату, а тот вдруг вскочил и окровавленными пальцами схватил монаха за горло.

У молодого человека не оказалось при себе никакого оружия, кроме кинжала. Покуда монах силился оторвать пальцы убийцы от своей шеи, юноша изловчился и ударил нападавшего кинжалом в спину, но тот будто и не заметил удара. Юстэс нанёс ему ещё несколько колотых ран, каждая из которых должна была бы стать смертельной, и лишь тогда только Якоб разжал пальцы и, рыча точно зверь, набросился на него. Но силы пленного были на исходе, и юноша легко увернулся. В тот же момент Фурье сорвал с шеи большой крест и вонзил его конец в глаз противника. Якоб рухнул на землю, забился в конвульсиях, из его рта вытекла тонкая струйка дыма, и он замер, на глазах у людей мгновенно превратившись в иссохший скелет.

Тяжело дыша, Юстэс склонился над поверженным, не смея прикоснуться к нему, и держа кинжал наготове. Монах, хрипя, опустился прямо на подстилку с пыточным инструментом – одной рукой он массировал горло, а другой делал какие-то знаки, словно пытаясь жестами объяснить произошедшее. Юноша потянулся, чтобы вытащить торчащий крест из глазницы убитого, но монах так замахал на него, так захрипел, что тот поспешно отдернул руку.

– Не трогай!.. – смог наконец выговорить Фурье. – Мерзавец чуть не сломал мне шею! – буркнул он чуть погодя, отдышавшись и напившись воды.

– Кто этот человек? И что вообще творится? – мрачно спросил Юстэс. У него и так было скверно на душе после того, как погиб император, а тут еще это!

Вместо ответа монах взял некий предмет, напоминающий огромные ножницы, и ловко орудуя им, вскрыл убитому грудную клетку – так, будто занимался подобным всю жизнь.

– Видишь? У бедняги нет сердца.

Преодолевая отвращение, юноша осторожно взглянул туда, куда указывал монах.

– Пресвятая Дева!.. Как такое возможно?! – он поспешно перекрестился.

– Возможно! – сердито ответил Фурье. – Не знаю – как, но сталкиваюсь с подобным не в первый раз... Полей мне на руки. Да аккуратнее!.

Вымыв руки и вытерев их насухо, он велел позвать остальных. Останки несчастного солдата завернули в кусок материи, тайно унесли подальше от лагеря и сожгли.

Вернувшись, Юстэс забрался в свою палатку и попытался заснуть, но видения гнали сон прочь. Кликнул оруженосца, велел принести вина. Лишь опустошив тяжёлый бурдюк, он сумел забыться и проспал до вечера.

Разбудила его возня у входа: неясные голоса, бряцание оружие... Схватившись за меч, он одним рывком поднялся на ноги, но тут перед ним появился Фурье.

– Что случилось? – встревожено спросил юный рыцарь, но монах сделал успокаивающий жест и велел убрать оружие.

– Юстэс фон Гилленхарт, – торжественно спросил он, – готов ли ты послужить Богу, королю и всем честным людям?

– Император вообще-то умер! – напомнил юноша, силясь собраться с мыслями.

– Король умер – да здравствует король! – досадливо отмахнулся монах, недовольный тем, что его перебили. – Войско крестоносцев простоит здесь ещё несколько дней, а может и больше. Тебе же, друг мой, надо бежать. Немедля!.. Доберёшься до Акры – крепости на берегу моря, там мой человек скажет, что делать дальше.

– К чему такая спешка? И зачем мне...

– Мальчик мой! Скоро здесь будет стража – мои недруги уже успели сообщить о вчерашнем. Ты же не хочешь взойти на костёр по обвинению в колдовстве?

– Что?!

– Да!.. Ведь только мы с тобой знаем, что убитый не имел сердца; мои недруги уж постараются представить это дело как убийство. Или что-нибудь похуже... Я-то сумею отбиться, но из тебя сделают козла отпущения, чтобы навредить мне! Ещё и гибель императора припишут!.. Я обязан тебя спасти!

– Что за вздор! – заорал Гилленхарт. Он всегда был вспыльчив, и теперь одна только мысль о том, что его – истинного христианина, верного сына Церкви, – могут преднамеренно и несправедливо обвинить в делах богопротивных... Это приводило его в неопишемую ярость!

– Ты должен бежать... – сухо и деловито повторил монах, словно всё было предreshено заранее.

Юноша заметался по своему скромному жилищу, ломая и круша всё, что попадалось под руку. Фурье молча наблюдал за ним.

– Нет!.. – прорычал вдруг Юстэс, останавливаясь. – Нет. Я – никуда не побегу. *Честь – дороже жизни...* Сбежав, я дам тем самым подтверждение своей вины! Нет!.. – лицо его просветлело. – Останусь здесь и сам разберусь с клеветниками. Пусть Господь нас рассудит. Я – невиновен.

– А знаешь ли ты, сколько таких вот невиновных уже отправилось в рай? – свистящим шёпотом поинтересовался монах, закипая. – Хочешь умереть? Так умри же!.. Но не лучше ли совершить перед тем парочку подвигов во славу Господа, нежели погибнуть бесславно, навеки покрыв имя своё позором?

– Я принял решение! – твердо возразил юноша – И от слова своего не отрекусь.

– Хорошо. Выгляни наружу... – спокойно предложил Фурье; в голосе его было нечто, заставившее упряма подчиниться.

Обнажив меч, юноша осторожно отодвинул полог: у входа застыли люди. То были воины императорской стражи. Юстэс отшатнулся назад в душную полутьму палатки.

– Они пришли арестовать тебя, – пояснил монах. – Я убедил их немного обождать. Теперь выбирай – стоит ли уповать на Господа, или лучше самому решить свою судьбу?.. Учти только:

ты вряд ли доживешь до рассвета, если попадешь к ним руки, уж больно они горюют о покойном императоре!

Вид стражников, вооруженных до зубов, отрезвил гордеца. Юноша приуныл:

– Как же я уйду теперь? – но тяжесть меча в руке вернула его мысли в прежнее русло: ничего, он дорого продаст свою свободу...

– Не нужно лишнего шума, – тихо сказал монах и протянул ему маленький мешочек.

– Что это?

Вместо ответа Фурье высыпал часть содержимого мешочка ему на ладонь: бугорки и линии судьбы Гилленхарта покрылись мелким чёрным порошком.

– Выйди к ним и сдуй порошок в воздух, только сам не дыши! Они уснут, и ты успеешь скрыться... – быстро приказал монах, прикрывая лицо рукавом.

Словно во сне, юноша вышел наружу... Когда его противники распростерлись на земле, он, к ужасу своему понял, что они – мертвы. Все до единого.

– Я убил их! Ты обманул меня!.. – закричал рыцарь, врываясь обратно.

– Для твоего же блага... – начал было Фурье, но острие меча уперлось ему в шею, оцарапав кожу. По стальному лезвию поползла тёмная капля.

– Я убью тебя! – хрипел Гилленхарт в бешенстве. Жилы на его лбу вздулись синими реками, губы дергались. – Я убью тебя!.. – повторял он снова и снова как заведённый.

На бледном лице монаха не дрогнул ни один мускул. Его глаза потемнели, зрачки расширились и юноша почувствовал, что против своей воли не может отвести взгляда. Руки рыцаря ослабели и он бросил меч на землю:

– Боже... Да ты сам колдун!..

– Собирайся! – приказал монах.

Юстэс сел и обхватил руками голову.

– Нет, – упрямо ответил он. – Теперь я виноват в смерти этих людей, и уж тем более не стану скрываться. Но и ты пойдешь со мной на виселицу, дьявол!

– Хорошо, – согласился вдруг Фурье. – Мне надоело возиться с тобой, глупый мальчишка. Я устрою так, что тебя обвинят в колдовстве, ибо сразу распознают, что эти люди умерли странной смертью, и ты примешь казнь позорную и мучительную – тебя сожгут!.. Честь дороже жизни, говоришь? Не-ет!.. Худая слава навеки прилепится к имени твоему!.. Будь спокоен, уж я позабочусь о том!

Юноша поднял голову и посмотрел противнику в лицо: в глазах монаха ему почудились отблески костра.

– Так ты нарочно всё это устроил, святой отец? – молчание было ему ответом и он продолжил тихо, но твердо: – Я сделаю как ты того хочешь. Может быть, меч мой и в самом деле еще послужит Господу и его воле. Но ты дорого заплатишься за свой обман, старая лиса... На том или на этом свете, клянусь Небом, я отомщу тебе!

– Амен...

Буквы в книге были похожи на те, что она знала, но девочка не поняла ни слова.

– Это – латынь! – авторитетно заявил один из зелепусов, жуя стащенный на Кухне кусок пирога и вода по странице измазанным в повидле пальцем. – Мы такое раньше много видели.

С улицы раздался свист: Рио выглянула и увидела Толстяка Дю.

– Поднимайся! – махнула она ему – им было о чём потолковать.

– Наверное, то была Слепая Мирта, – сказал Толстяк, выслушав её рассказ. – Многие считают, что она давно умерла, но мой отец уверен, что она до сих пор иногда появляется. Тебе ещё повезло, что она не сказала ничего плохого.

– Почему?

– Мирга предсказывала судьбу, но была недоброй. Если человек ей чем-то не нравился или у него всё было слишком хорошо, она могла из зависти или со злости наврать с три короба – и всё это потом с ним случилось. Говорят, что за это её и наказали слепотой!

Рио показала ему книгу. Находка не произвела на приятеля особого впечатления.

– У вас же целая библиотека таких, – рассеянно заметил он. – Отдай её Зануде.

– А вдруг это какая-нибудь совсем старинная и неизвестная? Там целый ящик таких! Я думаю, нужно туда опять сходить и притащить всё остальное. Только я одна боюсь... Представляешь, – тарактела она, – вдруг мы заработаем на них кучу денег или прославимся хотя бы!

– Тебя и так все знают! – засмеялся Толстяк. – Нет, интересно, конечно, что же здесь написано...

– Это – латынь! – со знанием дела объяснила подруга, будто сама в том отлично разобралась.

Из-под стола выглянули Зелепусы.

– Корица, ваниль, какао... – с интересом приюхиваясь к Толстяку, перечислил один из зелёных. – По-моему, мы не в тот дом жить напросились. Эй, парнишка, не хочешь ли пригласить нас к себе?

– Нет, – на всякий случай отказался Дю-младший и шепотом спросил: – Это ещё кто? Тоже *оттуда*?

– Нет, – отмахнулась Рио. – Я их на дороге нашла, да всё некогда было вас познакомить. Слушай, я тебе сейчас прочитаю, – и начала нараспев, ткнув пальцем в первый попавшийся абзац: – Им сперо... дум... Или дюм? Язык сломать можно! Понапишут же!.. ририкум... Чего? Ага...

Запинаясь и спотыкаясь на каждом слове, она не обратила внимания на то, что Толстяк отчаянно дергал ее за рукав – ей хотелось произвести впечатление. Между тем, при первых же звуках чужих непонятных слов в глубине комнаты за её спиной начало сгущаться тёмное облачко. Когда же она наконец остановилась и обернулась – перед ними стояло некое существо. Ярко-синее, с длинными конечностями, оно напоминало карикатурную копию человека, вылепленную из пластилина.

– Чего нужно? – весьма недружелюбно осведомилось существо, словно его внезапно оторвали от очень важного дела.

– Ни... чего... – растерянно пролепетали юные любители книжных древностей, изобразив самые приветливые улыбки.

Но пришелец не купился. Изогнувшись синусоидой, и непостижимым образом вытянувшись в пространстве, он длинными пальцами ухватил со стола книгу.

– Эй! Отдай!.. – мигом забыв о хороших манерах, вскрикнула Рио, хватаясь за свою находку.

Незнакомец бесцеремонно вырвал у неё книгу – в руках у девчонки остались лишь несколько страниц, и взглянул на обложку.

– Неразумные дети! Суётесь без спросу, куда не следует! – буркнул пришелец. – Хорошо ещё, на меня нарвались, а не на кого-нибудь похуже!.. Ладно, – кивнул он девочке, тая в воздухе, – раз уж вызвала – то одно желание, по обычаю, за тобой... – и исчез. Вместе с книгой.

Всё странное происшествие заняло минут пять.

– Кажется мне, вы легко отделались, – глубокомысленно заметил в наступившей тишине один из Зелепусов.

– Ты, пожалуйста, больше ничего не читай! – попросил второй, видя, что Рио задумчиво раскладывает перед собой уцелевшие листки. – Декламация тебе как-то плохо удаётся. И петь нам на ночь тоже больше не надо!

– Недаром наш хозяин книги жёг! – перебил его первый, – Видишь, один вред от них!

– Он что, фашист был? – удивился Толстяк.

– Дракон он был обыкновенный. Неграмотный даже. Но Александрийскую библиотеку спалил – ума хватило: мало ли чего там древние насочиняли!

Толстяк не стал понапрасну спорить: очень уж его заинтересовало происхождение новых друзей Мэрион.

– Кто же вы-то такие?

– Угадай! – хором ответили Зелепусы, и столь же дружно проговорили скороговоркой: – Мы вечно несытые, мы – завидушие, мы – отражаем всё, что видим...

Но поиграть в вопросы и ответы им не удалось: откуда-то из недр дома донесся ужасный крик...

Троица молодых искателей приключений, что поселилась в Замке с лёгкой руки Папы, зря времени не теряла. В первый же день они расставили и развесили по всем закоулочкам разную аппаратуру, охотно объясняя интересующимся её назначение. А ещё были у них маленькие плоские коробочки-датчики: в некоторых местах они вдруг начинали отчаянно трещать, мигая разноцветными огоньками, и тогда молодые люди удовлетворённо переглядывались между собой и кивали головами, точно хотели сказать: «Ну да, всё так, как мы и предполагали...»

Однако от остальной техники, включая цифровые видеокамеры, толку не было: привидение упорно не желало общаться.

– Ведь есть же следы! Есть! – сокрушался один из охотников, звали его Питер.

– А вы бы по старинке: мешочек с мукой да факел, да заклинаний парочку, да шёлковые нити... И спирт ещё нашатырный, – не без ехидства посоветовала Бабушка, которая никак не могла простить охотникам столь настырного проникновения в свои владения.

– Почему нашатырный? – удивился дядя Винки.

– Не любят они его! – пояснила старуха, так, словно всю жизнь только ловлей привидений и занималась.

Дядя Винки после этого сообщения глубоко задумался, а когда мыслительный процесс был закончен, предложил «ловить привидение на виски»:

– Говорили, барон был не дурак выпить...

Но молодые люди идею дядюшки не одобрили, и он, обидевшись, перестал с ними общаться.

Постепенно и остальные обитатели Замка тоже утратили интерес к охотникам – все, кроме Карапуза. Он целыми днями ходил за ребятами по пятам, прислушиваясь и присматриваясь, и всюду совал свой курносый носик, а по вечерам развлекал семейство, с серьёзным видом выговаривая разные умные слова, выученные за день:

– Электофизические паламетлы плостланства...

Охотникам это тоже казалось забавным, и они приняли симпатичного малыша в свою маленькую компанию.

Идиллия окончилась внезапно.

Однажды, вооружившись невесть где раздобытыми отвёрткой и молотком, Карапуз решил помочь «большим дядям» в настройке аппаратуры.

– Как я теперь должен работать?! – спустившись в Кухню, визжал Питер. – Это – уникальнейшая аппаратура!!! Понимаете вы?.. У-ни-каль-ней-шая!! И кто возместит мне убытки?!

– Не смейте на меня кричать, – с достоинством отвечала Бабушка, успокаивая хлюпающего «помощника». – По поводу всех вопросов, касающихся материальной стороны дела, обращайтесь к нашему адвокату. И выбирайте выражения, молодой человек! Вы находитесь в частных владениях!

Карапуз, приободрённый поддержкой Бабушки, исподтишка показал «дядьке» язык. Это почему-то привело «дядьку» в полное исступление: подскочив к Бабушке, он сунул ей коро-

бочку-датчик чуть не в лицо – коробочка тут же взорвалась от треска, лихорадочно замигав красными огоньками.

– Частные владения?! – завопил он, брызгая слюной. – Да знаете ли вы, что *настоящий* Гилленхарт здесь только один?! Я всех вас выведу на чистую воду, чертовы самозванцы! Прокля...

Он не успел договорить.

Каменный грифон на барельефе за его спиной вдруг ожил, отделился от стены и, хищно взмахнув крыльями, откусил ему голову.

«...Никто и ничто, родная, не нарушит твой покой в этих стенах...»

Послышались ли тем, кто был там, эти слова или то был просто ветер?..

В тот же миг Дуния, издав дикий вопль, взмахнула боевым топором, и каменная тварь рассыпалась на тысячу мелких осколков. Карапуз с перепугу залез под стол. Две тётушки из пяти случившихся в ту пору на Кухне дружно упали в обморок. Остальные три решили подождать, чем дело кончится. Крик привлёк внимание всех, кто находился в Замке. Мэрион и Толстяк тоже прибежали на шум.

Последними на место трагедии спустились товарищи погибшего. Странно, они были на удивление деловиты и невозмутимы, словно бы ничего особенного и не произошло.

– Всем оставаться на своих местах! – вежливо, но властно приказал один из них, доставая из кармана телефон.

Второй молча встал у выхода, как бы давая понять, что без его согласия никто отсюда не уйдёт. От их непонятного спокойствия стало ещё страшнее.

– Вы звоните в полицию? – робко спросила тётка Люсильда.

– А надо ли? – улыбнулся тот, что был с телефоном, и негромко произнёс в трубку, обращаясь уже к невидимому собеседнику: – У нас проблема. Приезжайте.

Воцарилось молчание.

– Смотрите, крови-то и нет!.. – прошептал кто-то, когда сгустившаяся тишина стала совсем невыносимой.

Взоры всех собравшихся и так были прикованы к обезглавленному телу, и потому никто не заметил, когда и как среди них появился высокий бородатый незнакомец. Рио и Толстяк тотчас узнали этого человека, и постарались спрятаться за спинами взрослых. Узнала бы нежданного гостя и Каггла, но она в тот час была совсем в другом месте.

В то утро, едва рассвело, Каггла снова отправилась на Холмы.

Сонная Долина лежала перед ней как на ладони – нежная прозрачная акварель, рождённая единым взмахом кисти Великого Художника: зелёная чаша, до краёв налитая парным молоком тумана, и сквозь туман – тягучие извивы реки, тёмная кромка леса, пожар рассвета на снежных вершинах далёких гор.

Но её душа осталась безучастной – она больше не чувствовала прежнего вдохновения.

Казалось, ничего не изменилось с того дня, когда она побывала в Пещере Тролля. Окружающие не заметили перевоплощения – хозяин Пещеры предупреждал, что они и не вспомнят о её былом уродстве. Первые дни Каггла не отходила от зеркала, любясь собой. Потом восторг сменился досадой: горб исчез, но красавицей она так и не стала... Поэтому или по какой другой причине, но не заметила она, что потух свет её глаз, волшебным образом озарявший лицо, и взгляд стал другим, и улыбка... То, что раньше вызывало восторг, гнев, печаль, умиление – теперь не находило в душе её никакого отклика. Она чувствовала себя высохшим ручьём: ещё недавно дарил он жизнь и радость живущим на его берегах, а теперь русло засыпает гнилая листва и жадный песок.

За всё приходится платить – и Пещера взяла свою цену.

Только Каггла не понимала этого: она не помнила себя, прежнюю, и злилась, ощущая внутри пустыню, и удивлялась пустоте мира.

Вот и теперь: она пробыла на Холмах до полудня, пытаясь воскресить былое, ощутить прежний трепет и благоговение перед великой красотой природы, чтобы потом выплеснуть накопившееся на холст, но тщетно.

Не заходя домой, она отправилась в Город: не хотелось видеть никого из близких, точно они были в чём-то виноваты... Бродила по улицам. Повстречалась знакомая компания – её затащили в кабачок, угостили вином. Когда голова слегка закружилась, она осмелела и спросила, мол, как я вам теперь?.. Захмелевшая компания, ничего не поняв, дружно сдвинула в её честь бокалы. Ей стало грустно: оказывается, счастьем нужно делиться, а ей было не с кем.

После поехала к Театру. Её узнали и предоставили ложу для почётных гостей. В антракте она и встретилась неожиданно с той, что указала ей дорогу к Пещере.

– Как насчет уговора? – спросила та без долгих предисловий.

– Я пробуду здесь до конца лета, – рассеянно отвечала художница, занятая своими мыслями. – Если есть желание – запасайся всем необходимым. Тут, кстати, есть хороший арт-салон. О времени договоримся. Может быть, я и поднатаскаю тебя чуть-чуть...

– Ты собралась учить меня рисовать?! – рассмеялась искусительница, да так звонко, что на них стали оглядываться. – Вот умора!..

Каггле вдруг стало нехорошо. Перед глазами отчетливо встали картины той ночи в Пещере, и она впервые осознала, что всё произошедшее там – реальность. Это был вовсе не сон, и не детская сказка, как ей казалось до сих пор. Господи, куда же она вляпалась и чем придётся теперь расплачиваться?!..

Прозвенел звонок и людская река разъединила их.

Каггла машинально вернулась в ложу. Села в кресло. Сзади кто-то кашлянул, она вздрогнула, обернулась... Из-за полуоткрытой двери, ведущей в коридор, тянуло холодом: она постаралась устроиться в своем кресле так, чтобы краем глаза держать дверь под наблюдением. Потом ей подумалось, что лучше бы незаметно уйти, но, выглянув в коридор, почувствовала, что не в силах заставить себя преодолеть пустое, ярко освещённое огромными люстрами пространство в одиночестве. К тому же, за пределами театра её поджидала ночь, и она решила, что лучше будет уехать домой с кем-нибудь из своих. Вернувшись на место, она попыталась сосредоточиться на том, что происходило на сцене, но не получалось. Мыслями она всё время возвращалась к недавнему разговору, и вдруг поняла, что боится его продолжения...

В холле у гардероба она столкнулась с Красавчиком. Он был не один, но Каггла буквально вцепилась в него и потребовала, чтобы он проводил её домой.

– Мне что-то нехорошо! – умоляюще сказала она, и слова эти были всего лишь бледным отражением ее состояния.

Красавчик попробовал отвертеться, но не тут-то было: напрасно он, продолжая улыбаться, делал так некстати подвернувшейся родственнице всяческие знаки – Каггла не собиралась сдаваться:

– Не можешь же ты меня бросить?

– Мы посадим тебя в экипаж.

– Нет! Я не доеду одна! – стояла на своем настырная девица.

Она и вправду выглядела неважно, так что даже спутница Красавчика начала укорять юношу в эгоизме, и он уже почти уступил двойному натиску, но тут случилось непредвиденное.

Из толпы зрителей появилась та, кого Каггла меньше всего хотела бы видеть.

Красавчик мгновенно воспрянул духом, и не успела Каггла и рта раскрыть, как он уже перепоручил её заботам неприятеля:

– Вы домой? – быстро проговорил он, включив на полную мощь всё свое обаяние. – Прихватите, умоляю, заодно и нашу знаменитость – она плохо себя чувствует. Я бы и сам, но... – и подмигнул, незаметно указывая глазами на свою пассию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.